

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова»

На правах рукописи

Шаваринская Светлана Руфимовна

**Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой в 1870-е годы
(творческий диалог и типологические параллели)**

Специальность
10.01.01 – русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Лебедев Юрий Владимирович

Кострома – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ИСТОКИ ТВОРЧЕСКОГО ДИАЛОГА ДОСТОЕВСКОГО И Л. ТОЛСТОГО.....	19
§ 1. Взаимный интерес и пристальное внимание к творчеству друг друга. Точки личностных пересечений.....	19
§ 2. Творческие параллели в произведениях 1870-х годов.....	52
2.1. Идеино-творческие схождения и расхождения как необходимое условие диалога.....	52
2.2. Тематические переклички в творчестве писателей 1870-х годов.....	62
Выводы по первой главе.....	77
Глава 2. ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ПИСАТЕЛЕЙ.....	81
§ 1. О «гнезде, в котором выводятся люди»	81
§ 2. О «доверии дворянству» или «лучших людях»	126
§ 3. «Всегда ли война бедствие?».....	163
§ 4. «... Тут туману было пуще всего»: спор о вере и религии	191
Выводы по второй главе.....	199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	201
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	208
Список иллюстративного материала.....	244
Приложение (Том 2)	

Введение:

Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой – исключительно самобытные таланты, расцвет творчества которых пришелся на 70-е годы XIX века. В это время их влияние на умы и сердца современников достигло небывалых масштабов. А их произведения этого периода оказали существенное влияние на последующее развитие литературной и философской мысли как в России, так и за рубежом.

Писателей многое объединяло и многое разъединяло. Неравнодушная гражданская позиция заостряла меру ответственности перед обществом, которое и воспринимало их не только как художников слова. К Достоевскому и Толстому за конкретной помощью, советом обращались люди разных сословий, политических и религиозных взглядов. Писатели лично не были знакомы, но пристально следили за творчеством друг друга, более того, вступали в творческий диалог. Многие проблемы и идеи, над которыми они размышляли, остаются современными и сегодня. Широта личного, гражданского и политического кругозора, глубина проникновения в человеческий «микрокосм», душевная обнаженность в творчестве, граничащая порой с исповедальностью, ставят художников в ряд выдающихся учителей человечества. Н. Бердяев утверждал, что перед Создателем за свое бытие в мире русский народ может оправдаться Достоевским. При этом очевидны различия восприятия человека в художественной картине мира писателей, порожденные расхождениями мировоззренческого, религиозно-философского плана.

Степень научной разработанности проблемы:

К сопоставлению художественного творчества и религиозного мировоззрения двух великих писателей обращались уже их современники – Вл. С. Соловьёв, К. Н. Леонтьев и др. На рубеже XIX – XX веков доминировало противопоставление Толстого и Достоевского как художников и религиозных мыслителей. Д. С. Мережковский назвал Достоевского «провидцем духа» в противоположность Толстому – «провидцу плоти». Представление о том, что Толстой и Достоевский противостоят друг другу как художники, доминировало

до 1970-х гг. Отмечали, что большинство героев Толстого – люди здравомыслящие, вступающие в конфликт с обществом, не удовлетворяющим их разумным и естественным потребностям, а герои Достоевского, находясь в разладе с обществом, в яркой форме отражают духовные болезни – нравственную деградацию, психические расстройства и внутреннюю опустошенность. Затем в исследованиях Г. М. Фридлендера, К. Н. Ломунова, В. А. Туниманова набирает силу мысль о том, что при всём различии художественных и мировоззренческих позиций между Достоевским и Толстым наблюдается общность, отмечаются схожие черты в творческой манере писателей: драматизм, напряжённость психологического анализа, динамичное развитие сюжета, система контрастных сопоставлений образов и сюжетов, страстная вера в то, что любые общественные перемены связаны с духовно-нравственным состоянием человека.

Подробный обзор истории критической мысли в отношении Толстого и Достоевского структурирован по периодам в диссертации Л. С. Рыгаловой (1984 г.). Автор рассказывает о противопоставлении писателей как художников их современниками, о возникновении «устойчивого биннома "Достоевский и Толстой"»¹ в 1890-х годы, отмечает «поворот» критики от Толстого к Достоевскому, возникший после работы Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (1900-1901). Тенденция «разведения» писателей в дореволюционный период приводит к противопоставлению их творческого метода в литературоведении 1920-60 гг. (Н. Н. Апостолов, М. М. Бахтин, А. Л. Бем). И лишь в 1970-е годы в исследовании данной проблемы наступает поворот. С работы Г. М. Фридлендера² начинается поиск «художественных сближений» в творчестве Достоевского и Толстого. Я. С. Билинчис, Г. А. Бялый считают «Анну Каренину» романом наиболее близким к художественной манере Достоевского. Ю. И. Парахин и Г. К. Щенников говорят о генетических связях в мировоззрении и художественном методе Достоевского и Толстого.

¹ Рыгалова Л.С. Достоевский и Толстой в середине 1870-х годов ("Подросток" и "Анна Каренина") дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Л., 1984. С. 29.

² Фридлендер Г.М. Достоевский и Лев Толстой: К вопросу о некоторых чертах их идейно-творческого развития // Достоевский и его время. Л. : Наука, 1971. С. 67-87.

Аналитический обзор истории изучения проблемы «Толстой и Достоевский» даётся также в диссертации А. А. Жаровой³ (2012 г.). Исследовательница подробно анализирует труды, посвященные Толстому и Достоевскому, в том числе и 10 диссертаций 2000-х гг., затрагивающих эту проблематику.

Отметим, что дореволюционной критике было свойственно соотнесение творческого метода и религиозно-философских воззрений художников. Ряд критиков при анализе учитывали антропологические и теологические доминанты мировоззрения авторов (Константин Леонтьев⁴, А. Л. Волынский⁵, Д. С. Мережковский⁶, Н. А. Булгаков⁷ и др.), другие – онтологические и гносеологические сходства и расхождения (Вл. Соловьев⁸, В. В. Вересаев⁹, А. Белый¹⁰). С 1960-70 гг. к этому исследовательскому подходу возвращается советское литературоведение (Н. М. Чирков¹¹, Б. И. Бурсов¹², Г. Б. Курляндская¹³). Новейшее литературоведение активно ищет глубинные связи творчества Достоевского и Толстого (Н. Д. Тamarченко¹⁴, А. А. Казаков¹⁵, В. Н. Назаров¹⁶, Т. А. Касаткина¹⁷).

³ Жарова А. А. Формы творческой полемики Ф. М. Достоевского с Л. Н. Толстым : дис. ...канд. филол. наук.: 10.01.01. М., 2012.

⁴ Леонтьев К. Наши новые христиане. Ф. М. Достоевский и Лев Толстой (по поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого «Чем люди живы?») М.: Типография Е. И. Погодиной, 1882.

⁵ Волынский А. Л. Толстой и Достоевский // Волынский А. Л. Борьба за идеализм: критич. статьи. СПб.: Типография М. Меркушева, 1900.

⁶ Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995.

⁷ Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

⁸ Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли; сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М.: Книга, 1990.

⁹ Вересаев В. В. Живая жизнь: О Достоевском и Льве Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше). М., Политиздат, 1991.

¹⁰ Белый А. Трагедия творчества: Достоевский и Толстой. М.: Мусагет, 1911.

¹¹ Чирков Н.М. О стиле Достоевского, М.: Наука, 1964.

¹² Бурсов Б. И. Толстой и Достоевский // Вопросы литературы. – 1964. – № 7. – с.66-92.

¹³ Курляндская Г. Б. Нравственный идеал героев Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988.

¹⁴ Теоретическая поэтика: понятия и определения: Хрестоматия для студ. филол. фак. / авт.-сост. Н. Д. Тamarченко. М., 1999. С. 40.

¹⁵ Казаков А. Ценностная архитектура произведений Достоевского и Л. Толстого. LAMBERT Academic Publishing, 2013. С. 23 URL: http://www.fedordostoevsky.ru/files/pdf/kazakov_2013.pdf

¹⁶ Назаров В.Н. Этическое «оправдание» христианства: Достоевский и Толстой // Толстовский сборник – 2012. Тула, 2012.

¹⁷ Касаткина Т. К вопросу об авторской теории творчества: образ мира и человека в восприятии Толстого и Достоевского // Достоевский и мировая культура / Альманах. № 30. Часть I. М., 2013.

Проблема диалогических связей в литературном процессе является предметом пристального внимания современного литературоведения. Понятия «диалогичность» («диалогизм») и «монологичность» («монологизм») ввел в научный оборот М. М. Бахтин. Исследователь считал, что каждая мысль «с самого начала ощущает себя репликой незавершенного диалога», «она живет на границах с чужой мыслью, с чужим сознанием» и «неотделима от человека» [48, с. 55-56]. Идеи Бахтина активно развивает современное литературоведение. Произведение литературы, по мнению В. И. Тюпы, не замыкается в культуре эпохи его создания, но выходит в пространство «большого времени», включается в «контекст "большого диалога" русской культуры» [285, с. 202]. Говоря о «полифонизме» текста и «диалогичности» как специфической черте художественной реальности Достоевского, Бахтин писал: «Острое и напряженное взаимодействие с чужим словом дано в его романах <...> в речах персонажей дан глубокий и незавершенный конфликт с чужим словом в жизненном плане ("слово другого обо мне"), в жизненно этическом (суд другого, признание и непризнание другим) и, наконец, в плане идеологическом (мировоззрения героев как незавершенный и незавершимый диалог)» [49, с. 161].

Вслед за Бахтиным В. С. Библер¹⁸ создал школу диалога культур и считал диалог основой творческого мышления. Разработку базовых принципов подхода к изучению феномена «творческого диалога» продолжили В. Е. Хализев, В. И. Тюпа. А в работе Н. Ф. Будановой¹⁹ представлен практический образец решения этой крупной научной проблемы. Автор отмечает в творчестве Достоевского и Тургенева наличие открытой и скрытой полемики, подчеркивая, что инициатива в диалоге принадлежит Достоевскому. Творческое общение писателей Буданова именует «диалогом», так как Достоевский, обращаясь к Тургеневу, дает ответ на высказанное ранее его

¹⁸ Библер В. С. От научения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М., 1990.

¹⁹ Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987. С. 154.

оппонентом. О диалоге в широком смысле слова свидетельствует обращение обоих писателей к актуальным проблемам своего времени.

Буданова указывает также на полемику Достоевского с Толстым в романе «Подросток»²⁰. Вслед за Е. И. Семеновым²¹ она подчеркивает общность эстетической и этической позиций писателей (нравственная красота и «благообразие»), связанную «с отречением личности от узколичного, эгоистического начала и живой сопричастностью ко всему сущему»²².

Наличие творческого диалога между Достоевским и Толстым констатировали и другие отечественные литературоведы. А. Л. Бем полагал, что под влиянием чтения произведений Толстого Достоевский испытывал потребность художественного отклика и стремился сам разрешить вопросы, поставленные в них. На контактные связи Достоевского с Толстым указывали Б. И. Бурсов в статье «К спорам о Достоевском», В. С. Пушкарева в работе «Детство в романе Ф. М. Достоевского “Подросток” и в первой повести Л. Н. Толстого», Б. Баханов в статье «На разломе: Достоевский и Толстой». К проблеме творческого диалога Толстого и Достоевского обращались С. А. Кибальник, В. И. Габдуллина, А. А. Жарова.

Габдуллина²³ рассматривает творческие контакты Достоевского и Толстого как «непрекращающийся диалог» на протяжении всего творческого пути писателей. Жарова определяет этот диалог как «художественную полемику», как своеобразное «выражение литературной борьбы»²⁴.

Мы же считаем, что отношения Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого следует расценивать как творческий диалог, обусловленный потребностью в обмене мнениями с достойным современником. Нам близко мнение Н. А. Кладовой, определяющей творческий диалог как «диалог в области художественного слова, т.е. диалогические отношения художественных миров

²⁰ Буданова Н. Ф. Эпистолярный диалог о Достоевском К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 17. СПб., 2005. С. 82–83.

²¹ См. Семенов Е. И. Роман Достоевского «Подросток»: проблематика и жанр. Л., 1979.

²² Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. С. 86.

²³ Габдуллина В. И. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский: диалог на расстоянии // Л. Н. Толстой: художественная картина мира: сборник научных статей; под ред. И. А. Юртаевой, Л. П. Груниной. Кемерово, 2011.

²⁴ Жарова А. А. Формы творческой полемики Ф. М. Достоевского с Л. Н. Толстым : автореф. дис. ...канд. филол. наук.: 10.01.01. М., 2012. С. 7.

(образов, мотивов, художественных деталей и т.д.) и сопряжения в области литературных, общественных взглядов, биографические пересечения»²⁵. Говоря о творческом диалоге, необходимо разграничить два типа связей, возникающих между писателями. Это связи типологические и генетические (или контактные). В нашей работе мы придерживаемся принятого в литературоведении представления о типологических связях как объективных схождениях между литературными произведениями, «определяемых родственными или аналогичными условиями общественной и идеологической действительности, независимо от осознания этой связи самими писателями»²⁶. Типологические связи определяются общественной ситуацией, порождающей творческие переключки, независимые от их осознания самими писателями. Типологические схождения просматриваются на уровне тематики и проблематики, художественных типов, образов и мотивов, методов и литературных жанров. Творческий диалог возникает в ситуации, отличающейся от типологических схождениях. Он предполагает возникновение между писателями разнообразных контактных или генетических связей. В творческом диалоге отмечается два типа таких связей – *внешние* (опосредованное общение) и *внутренние*, связи, вызванные творческой полемикой, заключённой в содержании включающихся в диалог художественных или философских и публицистических произведений.

Мы прослеживаем творческий диалог Толстого и Достоевского лишь с 1870-х годов, хотя определенное внимание друг к другу существовало и раньше. Именно в это время их влияние на умы и сердца современников достигло небывалых масштабов, в статусе «властителей дум» авторы, устремленные к поиску Истины, испытывают небывалую потребность в обмене мнениями, каждого одолевает желание проникнуть в творческую лабораторию своего необыкновенно успешного визави. Начиная с «Анны Карениной» открывается движение «позднего» Толстого навстречу Достоевскому и берет свое начало процесс взаимного притяжения писателей. В романах «Анна

²⁵ Кладова Н. А. Ф. М. Достоевский и Н. А. Некрасов: творческий диалог : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Кострома, 2009. С. 5.

²⁶ Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., 1974. С. 48.

Каренина» и «Подросток» Толстой и Достоевский указывают на симптомы духовного распада семьи и общества и в творческом диалоге на уровне проблематики и поэтики произведений ищут пути его преодоления. Вышеназванный временной отрезок жизни и творчества писателей является наиболее благоприятным для выявления сущностных мировоззренческих разногласий, сделавших их творческое общение неизбежным.

Актуальность темы нашей работы обусловлена, прежде всего, новизной и недостаточной изученностью проблемы творческого диалога Достоевского и Толстого, недостаточной выявленностью откликов Толстого на творчество Достоевского, а также дискуссионностью рассматриваемой проблемы. Сопоставлению написанных почти в одно и то же время романов Достоевского и Толстого, исследованию скрытого в них диалога, отражающего сходство и различие мировоззрений и художественных позиций авторов, не было уделено должного внимания в отечественном литературоведении. Гипотетически есть все основания предположить, что писатели следили за публикациями друг друга. Ведь Достоевский в «Дневнике писателя» подверг «Анну Каренину» критическому разбору, а Толстой в последней главе этого романа вступил в скрытую полемику с Достоевским по поводу оценки событий русско-турецкой войны. Творческий диалог писателей в 1879-е годы вышел за рамки частных вопросов, за границы проблематики семейной, социальной, политической и приобрёл вневременной, геополитический, глобальный характер. Наконец, он оформился на уровне онтологическом, получил развитие в мотивах религиозно-философского и культурно-эстетического плана.

В. М. Жирмунский, обосновывая важность выделения в поэтике тематического раздела, писал, что «существуют такие элементы поэтического произведения, которые, осуществляясь в материале слова, не могут быть исчерпаны словесно-стилистическим анализом»²⁷. В нашей работе основное внимание уделено исследованию творческого диалога на уровне тематики и проблематики творчества как важнейших аспектов художественного мира

²⁷ Поэтика: слов, актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. — М, 2008. С. 262.

Толстого и Достоевского. Ведь для исследования творчества писателей-реалистов внимание к этой стороне поэтики особенно органично в силу специфики самого художественного метода.

Научная новизна нашего исследования заключается в том, что в нём впервые анализируются не только типологические, но и прямые контактные связи между писателями, порождающие спор по различным актуальным личностным и общественным проблемам.

Новизна диссертации в этом аспекте состоит:

- в выявлении ответного интереса Толстого к творчеству и личности Достоевского;
- в рассмотрении романа «Подросток» в качестве отклика на роман «Анна Каренина»;
- в уточнении онтологических и антропологических первопричин, повлиявших на формирование творческого метода писателей;
- в конкретизации хронологических рамок творческого диалога между ними.

Объектом исследования является творческий диалог Достоевского и Толстого.

Предмет исследования – идейно-тематический аспект творческого диалога между Достоевским и Толстым, художественное решение писателями актуальных для 70-х годов XIX века общественных, религиозных и нравственных проблем.

Материал исследования

В исследовательский оборот в контексте развития творчества авторов вовлекаются первые журнальные публикации и окончательные редакции романов «Анна Каренина» и «Подросток», «Дневник писателя», черновые автографы этих произведений, романы «Война и мир» и «Воскресение», трактаты «О жизни» и «В чем моя вера», эпистолярное наследие Достоевского и Толстого, переписка Толстого и Н. Н. Страхова, дневники Л. Н. Толстого и С. А. Толстой, «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого и другие

материалы мемуарного и эпистолярного характера современников Достоевского и Толстого. Для реконструкции диалогических отношений писателей используется значительное количество критических и литературоведческих текстов авторов XIX–XX веков и современных учёных.

Целью исследования является выявление в наиболее значительных произведениях 1870-х годов (прежде всего в романах «Подросток» и «Анна Каренина») типологических параллелей и творческого диалога по актуальным социальным, общественно-политическим и духовно-нравственным проблемам.

Цель исследования определила необходимость решения следующих **задач**:

1. Раскрыть историю взаимоотношений Достоевского и Толстого на предмет определения временного периода, в который между писателями-современниками возникают осознанные и систематические диалогические отношения. Проследить взаимный интерес Толстого и Достоевского к личности и творчеству друг друга.

2. Рассмотреть в романе «Подросток» полемический отклик Достоевского на творчество Толстого 1870-х годов и «Анну Каренину» в первую очередь.

3. Выявить идейно-тематические и художественно-эстетические параллели в произведениях писателей 70-х годов XIX века – в романах «Подросток» и «Анна Каренина», в педагогической и религиозной публицистике Толстого и «Дневник писателя» Достоевского.

4. Проанализировать поиск Толстым и Достоевским индивидуально-авторского решения актуальных общественных и философских проблем: современного состояния семьи (любви, детей и воспитания), исторических судеб родового дворянства, войны и мира, русско-турецкой войны и освобождения братьев-славян, международной роли России. Определить роль творческого диалога с современниками в поиске авторами собственного художественного решения данных вопросов

5. Исследовать диалог Достоевского и Толстого по вопросам веры и религии, уточнить и углубить научные представления о религиозно-

философских основаниях, обусловивших направление и конкретное содержание разноаспектного творческого диалога между писателями.

Методологической и теоретической базой исследования являются труды А. Н. Веселовского, М. М. Бахтина, В. С. Библиера, Н. Ф. Будановой, В. Е. Хализева, В. И. Тюпы, в которых разрабатывались базовые принципы подхода к изучению феномена «творческого диалога», исследования А. С. Бушмина и Н. И. Пруцкова, в которых раскрывалась проблема генетических и типологических связей, а также литературоведческие исследования В. А. Туниманова и Г. М. Фридлендера, где разрабатывалась проблема творческих контактов Толстого и Достоевского. В работе также учитываются труды А. Л. Бема, Я. С. Билинкиса, Г. А. Бялого, К. Н. Ломунова, Н. Н. Арденса, Б. И. Бурсова, Г. Б. Курляндской, Л. С. Рыгаловой, Г. К. Щенникова, А. И. Батюто, Т. А. Касаткиной, А. А. Жаровой.

Методология работы комплексная, сочетающая адекватные предмету исследования методы: историко-генетический, биографический, культурно-исторический, сравнительно-типологический, герменевтический, и структурный. Историко-генетический и биографический методы позволяют проследить диалогические творческие связи между «Подростком» и «Дневником писателя» Достоевского и «Анной Карениной» Толстого в контексте идеологических исканий русской литературы и общественной мысли 1870-х годов. Использование культурно-исторического метода позволяет выявить и объяснить типологические схождения между творчеством писателей, обусловленные единой культурно-исторической общностью. Использование сравнительно-типологического метода помогает выявить типологическое сходство и различие между художественным решением общих для романов Достоевского и Толстого проблем. Герменевтический метод анализа даёт возможность проникнуть в художественные миры Достоевского и Толстого и получить представление о смысловой целостности произведений в аксиологическом отношении. Структурный метод позволяет всесторонне проанализировать литературные тексты.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творческий диалог между Достоевским и Толстым по актуальной общественной и личностной проблематике, носящий открытый характер (прямые обращения к произведениям друг друга, аллюзии в художественном и публицистическом творчестве) и скрытый смысл (упоминания о творчестве друг друга в эпистолярном жанре, в дневниковых записях и устных высказываниях), оформляется сознательно и выходит на первый план в 70-е годы XIX века. Толстой испытывал к творчеству Достоевского явный интерес, о чём свидетельствуют пометки в книгах Яснополянской библиотеки, упоминания в письмах и устных высказываниях, зафиксированных мемуаристами, использование произведений Достоевского в «Круге чтения», а также само сближение художественных миров писателей в 70-е годы XIX века.

2. Роман Достоевского «Подросток» неразрывными узами связан с романом Толстого «Анна Каренина». Связи эти устанавливаются на двух уровнях – типологическом и генетическом. Они обусловлены принадлежностью писателей к одной историко-культурной традиции, хронологической близостью написания и публикации этих произведений, обращенностью авторов к «злобе дня», сходством представлений о роли и миссии литератора в современном мире.

3. Творческий диалог между писателями определяется следующей проблематикой:

– Обращением писателей к вопросам веры и религии и истории «случайного» семейства, обусловленным беспокойством по поводу шаткости морально-нравственных устоев российского общества в пореформенную эпоху. Толстой и Достоевский придают семейной теме эпическое звучание, состояние семьи для них – индикатор социального здоровья, а её неблагополучие и развод – признак общественного разложения и распада.

– Обращением к актуальным общественным проблемам: судьбам высшего сословия, вопросам войны и мира на примере русско-турецкой войны 1877-1878 годов и освобождения братьев-славян.

4. Индивидуальный характер и взаимная обусловленность художественно-философских решений указанных проблем в творчестве Толстого и Достоевского 1870-х годов определяются сходством и различием теологических, философских, этических и эстетических установок.

5. Сходство художественных миров писателей связано с близостью коренных начал мировоззрения Достоевского и Толстого: оба утверждают нравственное самоусовершенствование человека в духе христианских заповедей как единственный путь, ведущий к достижению «мировой гармонии». Это сходство и дало возможность Константину Леонтьеву причислить Толстого и Достоевского к «новым христианам».

6. Различие между Достоевским и Толстым заключается в антропологических и христианских предпочтениях. Достоевский считает, что вечная борьба человека с самим собой (личные усилия в преодолении внутреннего зла) не может увенчаться успехом без Божией помощи. Лишь вера в богочеловеческое совершенство Христа и приобщение к благодатному источнику Церкви может гармонизировать человеческую природу и открыть путь к духовному возрождению человека и всего человечества.

Толстой, напротив, считает Иисуса Христа лишь гениальным учителем нравственности. Гуманистическая по своей природе вера Толстого в человека, в его способность собственными силами достичь нравственного совершенства, приводит писателя к поэтизации дворянских семейных «гнезд» в «Войне и мире» и к гармоническому исходу жизненного пути Левина в «Анне Карениной».

Достоевскому же вся линия Левина в романе «Анна Каренина» кажется сочинённой. Это художественно законченная картина «русского миража», вызывающая у него полемичный отклик не только в романе «Подросток», но и в «Дневнике писателя».

7. Онтологические расхождения влияют на сам способ изображения человека в произведениях писателей. «Диалектике души» Толстого свойственно видение предвечной красоты и гармонии в жизни и внутреннем

мире героев, которые даже в трагических ситуациях склонны к оптимизму. Психологизм Достоевского имеет иной смысл, трагический характер судьбы человека выражен у него резче: человек исключительно слаб, его душа разорвана и расколота на два полюса, в ней дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей.

Теоретическая значимость диссертации заключается в раскрытии у Толстого и Достоевского принципиальных онтологических расхождений, которые порождают творческий диалог между ними и оказывают прямое влияние на своеобразие проблематики и поэтики их творчества в 1870-е годы. Исследование уточняет существующие в науке представления о специфике контактно-генетических и типологических связей, конкретизирует утвердившуюся в отечественном литературоведении концепцию «творческого диалога», углубляет научное представление об особенностях мировоззрения Достоевского и Толстого.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что её результаты могут быть использованы при изучении университетского курса истории русской литературы XIX века, в спецкурсах и спецсеминарах, посвящённых художественному наследию Толстого и Достоевского, а также в дальнейшем историко-литературном и теоретическом исследовании проблем творческого диалога в преподавании дисциплин, связанных со сравнительным литературоведением. Материалы диссертации могут быть рекомендованы к использованию на уроках литературы в 10 классе средней школы.

По теме диссертации опубликовано 4 статьи общим объемом 2,13 п.л. в изданиях, реферируемых ВАК РФ, и 8 статей в других изданиях.

1. Шаваринская, С. Р. Размышления о судьбах русского дворянства на страницах романов Л. Н. Толстого "Анна Каренина" и Ф. М. Достоевского "Подросток" / С. Р. Шаваринская // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, 2012. –Т. 18. – № 2. – С.154-157.

2. Шаваринская, С. Р. Достоевский и Толстой: диалог о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. / С. Р. Шаваринская // Вестник Костромского

государственного университета им. Н. А. Некрасова, 2012. – Т. 18. – № 5. – С. 142-145.

3. Шаваринская, С. Р. Достоевский и Лев Толстой: Сопоставление мировоззрения и творчества писателей в русской религиозно-философской критике конца XIX – начала XX вв. / С. Р. Шаваринская // Вестник Костромского государственного университета им. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 3. – С. 153-156.

4. Шаваринская, С. Р. О единстве образных систем романов «Подросток» Ф. М. Достоевского и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого в религиозно-нравственной сфере. / С. Р. Шаваринская // Вестник Костромского государственного университета им. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 3. – С. 86 – 90 (0, 75 п.л.).

5. Шаваринская, С. Р. Военная проблематика в творческом диалоге Достоевского и Толстого второй половины 1870-х годов / С. Р. Шаваринская // Актуальные вопросы культурологии, истории, филологии: сборник научных статей / сост. А. Ю. Стогниенко, А. А. Бубнихин, отв. ред. А. Ю. Саранин. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 152 с. – С.110-114.

6. Шаваринская, С. Р. Методические материалы к проведению практического занятия (семинара) по курсу «История русской литературы» для студентов 3 курса филологического факультета заочной формы обучения «Творчество Ф. М. Достоевского» / С. Р. Шаваринская // Российское духовно-нравственное образование: интеграция традиций и инноваций в педагогической практике: Методическое пособие/ сост., отв. ред. и авт. предисл. С. Р. Шаваринская. – Кострома: КОИРО, 2013. – 136 с. – С. 118 -123.

7. Шаваринская, С. Р. Вневременность и современность русской литературы второй половины XIX века / С. Р. Шаваринская // Актуальные проблемы духовно-нравственного образования и воспитания: Материалы межрегиональной электронной конференции 5-20 ноября 2013 года / под ред. Л. А. Лошаковой. – Кострома: ОГБОУ ДПО «Костромской областной институт развития образования», 2013. – 152. – С.129- 132.

8. Шаваринская, С. Р. Гений – явление духовное (к вопросу о религиозной полемике Ф.М. Достоевского с Л.Н. Толстым) / С. Р. Шаваринская // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. статей / науч. ред. Ю. В. Лебедев; отв. ред. А. К. Котлов. – Кострома: КГУ им. Некрасова, 2014. – 227 с. – С. 117- 121.

9. Шаваринская, С. Р. О ценностной ориентации русской классики (В преддверии Года литературы) / С. Р. Шаваринская // Электронный научно-методический журнал Костромского областного института развития образования [Электронный ресурс] / Костромской областной институт развития образования; ред. Лушина Е.А. – Выпуск №21 (1): Сборник по итогам Регионального этапа XXIII Международных образовательных Рождественских чтений «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси» / Сост. Н. В. Логинова. – [Программа Рождественских чтений; 1: Ресурсы культурно-образовательной среды региона в формировании национальной идентичности костромича]. – Ок. 5,89 Мб. – Электрон. текстовые и граф. дан. – Кострома: Костромской областной институт развития образования, 2015. – Режим доступа к журн.: <http://www.koipkro.kostroma.ru/koiro/enpj/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – № гос. регистрации 0220712105.;

Диссертация состоит из введения, 2 глав, 7 параграфов, заключения, 2 приложений, библиографический список содержит 349 наименований. Во введении определяется актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы. В первой главе рассматриваются истоки творческого диалога писателей. Вторая глава посвящена анализу отдельных идейно-тематических аспектов творческого диалога Достоевского и Толстого в 70-е годы XIX века. В приложении приводятся таблицы, демонстрирующие хронологическую близость и типологическое сходство анализируемых произведений.

Проблематика и выводы диссертации **соответствуют паспорту специальности: 10.01.01 – Русская литература** по следующим пунктам: п. 3 – История русской литературы XIX века; п. 7 – Биография и творческий

путь писателя; п. 8 – творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве; п. 9 – Индивидуально-писательское и типологическое выражение жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии; п. 11 – Взаимодействие творческих индивидуальностей, деятельность литературных объединений, кружков, салонов и т.п.

Основные положения диссертационного исследования апробированы в форме научных докладов на следующих конференциях: научно-практической конференции молодых ученых и преподавателей «Актуальные вопросы культурологии, истории и филологии» (2012, 2014), на городских Тихоновских чтениях «Духовно-нравственное образование и воспитание в современных условиях» (Костромская область, г. Волгореченск, 2013), на Четвертой международной научно-практической конференции «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2013), на Пятой международной научно-практической конференции «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2015). Основные разделы работы обсуждались на заседаниях аспирантского объединения при кафедре русской литературы КГУ им. Н. А. Некрасова. Результаты исследования были использованы при проведении семинарских занятия по истории русской литературы для студентов заочного отделения филологического факультета КГУ им. Н. А. Некрасова, а также при чтении лекций и проведении практических занятий на курсах повышения квалификации учителей русского языка и литературы (Кострома, ОГБОУ ДПО «Костромской областной институт развития образования») в 2012, 2013, 2014 и 2015 годах.

Глава 1. Истоки творческого диалога Достоевского и Л. Толстого

§ 1 Взаимный интерес и пристальное внимание к творчеству друг друга.

Точки личностных пересечений

О взаимоотношениях писателей писали ещё Н. Н. Апостолов²⁸ и А. Л. Бем²⁹. Без сомнения, Достоевский и Толстой испытывали потребность личного и творческого общения друг с другом. Двум величайшим современникам, знакомым почти со всеми русскими писателями своего времени, состоявшим со многими из них в переписке, встретиться так и не довелось. Вполне вероятными кажутся такие размышления Б. Баханова: «Было бы даже нелепо, если бы Пушкин и Гоголь так и не встретились, не познакомились бы лично. Достоевский и Толстой ни разу не глянули друг другу в глаза, и оба сожалели, что их не свели, не сблизили. <...> Все-таки вопреки, казалось бы, здравому смыслу – ни одной встречи, ни одного письма друг другу. Следовательно, уже тогда между ними воздвигся заплот, одолеть который было не просто. Почти два десятилетия они точно сходились для поединка, присматривались, прислушивались один к другому, но сойтись лицом к лицу так и не успели – кто-то, наверное, не решился» [47, с. 148].

Провидение не раз создавало условия для знакомства великих писателей. Так, в 1849 году молодой Толстой, приехав сдавать экзамены в Петербургский университет, три месяца жил в гостинице «Наполеон», расположенной напротив дома Шилля, где в то время снимал квартиру Достоевский. Но...

Их встреча все-таки состоялась... на расстоянии, не только в пространстве, но и во времени: многообразным и интенсивным оказалось духовное и творческое общение писателей, которые с жадностью читали произведения друг друга, восхищаясь одними и восставая против других, не жалели сил на взаимооценки и критические разборы.

Познакомившись в Сибири с первыми произведениями Толстого («Детство», «Отрочество», «Набег», «Рубка леса» и др.), Достоевский отнесся к

²⁸ См. Апостолов Н. Н. Лев Толстой и его спутники. М., 1928.

²⁹ См. Толстой в оценке Достоевского // Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема. М., 2007. С. 518-534.

ним, судя по письмам, не только с большим интересом, но и со скептицизмом. В январе 1856 года он пишет из ссылки А. Н. Майкову: «Л. Т. мне очень нравится, но, по моему мнению, много не напишет (впрочем, может быть, я ошибаюсь)» [9, т. 28 (I), с. 210]. Достоевский, хотя и следит за творчеством Толстого, но не придает ему особого значения до появления «Войны и мира».

Отметим, что, начиная с 60-х годов XIX века и кончая последним годом жизни, Толстой неизменно ставит Достоевского в один ряд с самыми крупными русскими писателями, творчество которых имеет мировое значение. Туниманов отмечает «несомненное и сильное влечение Толстого к Достоевскому» [282, с. 85], его острое желание разобраться в причинах колоссального успеха последнего у публики.

Бесспорно, что «Толстой впервые прочел "Записки из Мертвого дома" по тексту, печатавшемуся в журнале "Время" в 1862 г.» [233, с. 106]. В этом же году он пишет графине А. А. Толстой о произведении Достоевского: «Пожалуйста, сделайте одно: достаньте записки из Мертвого дома и прочтите их. Это нужно». [32, т. 60, с. 419].

Случайно ли Достоевский нарекает главного героя романа «Идиот» Львом Николаевичем (о чем задумался ещё А. Л. Бем³⁰)?

6 (18) апреля 1869 г. Достоевский просит критика и философа Страхова: «...Я бы желал иметь несколько книг, которых я до сих пор еще не читал, а именно: "Окраины России" Самарина и всю "Войну и мир" Толстого. "Войну и мир" я, во-1-х, до сих пор прочел не всю (о 5-м, последнем, томе и говорить нечего), а во-вторых, и что прочел, то – порядочно забыл» [9, т. 29 (I), с. 35]. Достоевский по достоинству оценил силу слова Толстого после прочтения романа-эпопеи. «Прочитав присланные Н. Н. Страховым томы только что вышедшего романа графа Л. Толстого "Война и мир", (Достоевский. – С. III.) спрятал от меня ту часть романа, в которой так художественно описана смерть

³⁰ См. Бем А. Л. Художественная полемика с Толстым: К пониманию «Подростка» // Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А.Л. Бема. М, 2007. С. 546.

от родов жены князя Андрея Болконского» [6, с. 206], – вспоминает А. Г. Достоевская о трогательной заботе мужа.

Федор Михайлович никогда не скрывал своего интереса к творчеству Льва Николаевича, откликаясь на статьи Страхова о Толстом («Правда, Ваша "Бедность русской литературы" мне понравилась больше, чем статья о Толстом. Она шире будет» [9, т. 29 (I), с. 35]). В то же время он неоднократно и с долей ревности подчеркивал излишнюю увлеченность критика Толстым. 12 (24) декабря 1868 года Достоевский пишет Страхову: «Вы очень уважаете Льва Толстого, я вижу; я согласен, что тут есть и свое; да мало. А впрочем, он, из всех нас, по моему мнению, успел сказать наиболее своего и потому стоит, чтоб поговорить о нем» [9, т. 28 (II), с. 334]. О «Преступлении и наказании» Страховым была написана лишь одна статья в 1867 году, а Толстому посвящалось уже несколько, что и дало основание Достоевскому написать критику: «У Вас бесконечная, непосредственная симпатия к Льву Толстому, с тех самых пор как я Вас знаю» [9, т. 29 (I), с. 16].

Согласимся с мнением Н. Н. Скатова, полагающего, что сложность отношений Страхова с Достоевским (отсутствие «предельной доверительности» при «долголетней близости» [258, с. 39]) частично Толстым и определялась. 26 февраля (10 марта) 1869 г. Достоевский намекал Страхову на его особую симпатию к Льву Толстому: «Кстати, заметили Вы один факт в нашей русской критике? Каждый замечательный критик наш (Белинский, Григорьев) выходил на поприще непременно как бы опираясь на какого-нибудь передового писателя, т. е. как бы посвящал всю свою карьеру разъяснению этого писателя <...> Вам, чтоб по возможности высказаться, иначе и нельзя было начать как с Льва Толстого, т. е. с его последнего сочинения» [9, т. 29 (I), с. 16. – *Курсив Достоевского. – С. III.*].

Через год, 24 марта (5 апреля) 1870 г., Достоевский в письме к Страхову возвращается к этой теме: «Две строчки о Толстом, с которыми я не соглашаюсь вполне, это – когда Вы говорите, что Л. Толстой равен всему, что

есть в нашей литературе великого. Это решительно невозможно сказать! Пушкин, Ломоносов – гении» [9, т. 29 (I), с. 114].

На противоречивость взаимных оценок Страхова («Он был мой усерднейший читатель» [22, с. 273]) и Достоевского (Анна Григорьевна пишет о симпатии мужа к Страхову (см. Достоевская А. А. Воспоминания, с. 267), «Беседами со Страховым муж очень дорожил» [6, с. 343]) указывает и Н. Н. Скатов: «В тетради "для себя" Достоевский записывает: "Н. Н. <Страхов> в статьях своих говорил *обиняком*, по поводу, кружил кругом, не касаясь сердцевины. Литературная карьера дала ему 4-х читателей, я думаю, не больше, и жажду славы" {Литературное наследство, т. 83, с. 619.}. А в письме Страхову Достоевский пишет: "В конце концов я считаю Вас за единственного представителя нашей теперешней критики, которому принадлежит будущее" {Достоевский Ф. М. Письма, т. 3, с. 166–167.}. <...> Очевидно, имела место сложность отношений и взаимовосприятия: и дружба, и близость, и расхождение, и столкновения, все усиливающиеся» [258, с. 266].

Страхов признается, что они с Достоевским "не ладили", Н. Н. Скатов же не без основания считает, что их разногласие возникло «на более принципиальной почве, а именно на религиозной». Мы вполне разделяем мнение литературоведа: «Думается, ортодоксальная религиозность Страхова здесь-то и искушалась и раздражалась исканиями Достоевского; недаром, чем дальше, тем больше определялись их расхождения. Он и хочет истолковать Достоевского, и в особенности "Братьев Карамазовых", в сугубо традиционном христианском духе, и все же не всегда решается сделать это, и даже прямо пишет в "Воспоминаниях" о неопределенности у Достоевского-писателя "начал и принципов". <...> Писателем испытывался, ставился под сомнение сам принцип религии, Бога. Искания Толстого самого принципа этого под сомнение не ставили. Все это отталкивало Страхова от Достоевского и влекло к Толстому и в этой области» [258, с. 41].

Б. Н. Тихомиров сообщает о скудности сведений о круге чтения Федора Михайловича в 1860–1867 гг.: «...Библиотека Достоевского 1860-х гг.,

собранный им в Петербурге после возвращения из Сибири, пропала во время его четырехлетнего пребывания в Европе» [274, с. 120]. Однако о её собрании свидетельствуют счета книжной торговли А. Ф. Базунова – хозяина магазина на Невском проспекте у Казанского моста, – с которым Достоевский общался тесно и после возвращения из Европы; в «Дневнике писателя» за 1876 г. в качестве «юридического адреса» журнала указан этот книжный магазин в доме Ольхиной.

«...В эти годы Достоевский приобретал у Базунова книги и журналы. Так, именно здесь он купил № 1 журнала "Русский вестник" за 1875 г. с началом "Анны Карениной" Льва Толстого, а уезжая летом для лечения за границу, в немецкий курортный городок Бад-Эмс, просил Базунова высылать ему туда очередные номера журнала с продолжением романа» [Там же].

Автор «Преступления и наказания» к началу 1870-х гг. убеждается в том, что Лев Николаевич занимает одно из первых мест в современной русской литературе, тогда же у Достоевского возникает желание лично узнать Толстого. В письме к Страхову от 28 мая 1870 года Достоевский интересуется: «Да вот еще давно хотел Вас спросить: не знакомы ли Вы с Львом Толстым лично? Если знакомы, напишите, пожалуйста, мне, какой это человек? Мне ужасно интересно узнать что-нибудь о нем. Я о нем очень мало слышал, как о частном человеке» [9, т. 29 (I), с. 125-126].

С 1870-х годов общий знакомый писателей Н. Н. Страхов, преданный друг и литературный помощник Толстого, регулярно информирует последнего и его семью о литературных занятиях, замыслах, здоровье и семейной жизни Достоевского.

С 1870-х Достоевский, идя путём непрестанных идейных и образных исканий, творчески сопереживая литературному опыту Толстого, свое творчество соизмеряет с его творчеством и деятельностью, что чувствует и с удовлетворением воспринимает последний. Так, говоря о замысле нового романа «Житие великого грешника», затем вылившегося в форму «Великого Пятикнижия», Достоевский пишет Страхову 24 марта (5 апреля) 1870: «Вся

идея потребует большого размера объемом, по крайней мере, такого же, как роман Толстого» [9, т. 29 (I), с. 112]. В письме С. А. Ивановой от 17 (29) августа 1870 г. романист тоже не избегает сравнения: «...Будь у меня обеспечено два-три года для этого романа, как у Тургенева, Гончарова или Толстого, и я написал бы такую вещь, о которой 100 лет спустя говорили бы!» [9, т. 29 (I), с. 136. – *Курсив мой.* – С. Ш.]. В подготовительных материалах к развязке романа «Подросток» имеется такая пометка: «Внезапное объяснение читателю себя самого (для ЯСНОСТИ а 1а Лев Толстой)». [9, т. 16, с. 360].

Запись среди набросков и планов Достоевского к роману «Отцы и дети» за 1874 год отражает растущую популярность Толстого в обществе: «Американская дуэль 2-х гимназистов за Льва Толстого» [9, т. 17, с. 7]. Делая черновые наброски к ссоре Лизы с Подростком, автор записывает: «Лиза ясно высказывает ему, что он соврал, чтоб перед ней похвастаться. "Секретарь министра! Нет, это вы поэт мелкого самолюбия, а не граф Толстой" (а черемуха)»³¹ [9, т. 16, с. 67]. В подготовительных материалах к эпилогу «Подростка» Достоевский записывает: «Профессор. Вы таили ваш документ – это характерно. Посмотрите на убеждения вашего отца <...> замечательно, что не пощадил Лев Толстой даже своего Пьера, которого так твёрдо вёл весь роман, несмотря на масонство; мучит близких к нему и считает это за свое право, за исполнение долга (Макар Ив., мать, вина, незаконность, Лиза с брюхом). Что может быть извращеннее, беспорядочнее.

Вы подросток семейства случайного. Помогите вам Бог» [9, т. 16, с. 435].

Однако отводя Толстому «первое место» среди современных ему русских писателей, Достоевский сопровождает это признание рядом оговорок. Возражая Страхову в письме от 24 марта 1870 года, Достоевский отказывается признать творчество Толстого явлением, равным в русской литературе по своему масштабу творчеству Ломоносова или Пушкина. «Как бы далеко и высоко ни

³¹ См. комментарий А. С. Долинина о противопоставлении самолюбия Подростка (одиночество) и чувств счастливого единения с природой и жизнью у героя «Детства и отрочества»: «... Рву мокрые ветки распустившейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь их чудным запахом. <...> Кричу я: <...> — Посмотри, как хорошо!» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т., т. 2, стр. 12. – Здесь и далее в сноских ссылки даны по указанному изданию.).

пошел Толстой в развитии» [9, т.29 (1), с.114] слова, уже сказанного Пушкиным, он является для Достоевского лишь гениальным учеником и продолжателем последнего, изобразителем жизни «средне-высшего дворянского круга», любовно разрабатывающим в своих романах и повестях тему, охарактеризованную Пушкиным как «преданья русского семейства» [9, т. 13, с. 453]. В этом смысле Толстой, явившийся в «Войне и мире» провозвестником «национальной, русской мысли», остаётся в глазах Достоевского, несмотря на превосходство своего таланта над талантом Тургенева и Гончарова, представителем не русского большинства, а «помещичьей литературы», чуждой автору «Преступления и наказания» по духу, что и дает Достоевскому весомое основание для противопоставления творчества Толстого гению Пушкина.

6 февраля 1975 г. Достоевский с обидой информирует Анну Григорьевну о реакции Майкова и Страхова на публикацию романа «Подросток» в «Отечественных записках»: «Об романе моем ни слова и видимо не желая меня огорчать. Об романе Толстого тоже говорили немного, но то, что сказали – выговорили до смешного восторженно. Я было заговорил насчет того, что если Толстой напечатал в "Отечественных записках", то почему же обвиняют меня, но Майков сморщился и перебил разговор, но я не настаивал» [9, т. 29 (II), с. 9].

Имущественное и социальное положение, по мнению Достоевского, накладывает свой отпечаток на литературу, о чем свидетельствует цитата из «Записной тетради за 1875-1876 гг.»: «Писатели-аристократы, писатели-проприетеры. Лев Толстой и Тургенев – проприетеры» [9, т. 24, с. 99], то есть собственники, владельцы. Уже в подготовительных материалах к «Подростку» находим доказательство того, что Достоевский при написании своего романа полемизировал с Толстым («Анна Каренина»): Подросток «догадывается и своим умом доходит, что эти идеалы (мятущегося Версилова. – С. III.) у нас целиком есть в действительности, что они-то и влияют, что в них-то и главное дело, ибо они термометр и барометр, а не железнодорожники и аблакаты и не

старое общество Левиных (гр. Толстой), и что теми идеалами ничего не возьмешь» [9, т. 16, с. 390].

Достоевский дважды обращается в Записных тетрадях к «оригинальным» строкам комической поэмы Д. Аверкиева «Тоска по Родине», напечатанной в «Русском вестнике» № 12 за 1875 г.:

«У нас сейчас есть Лёв Толстой,
Сей Лев породы царской» (Пятая песнь).

Достоевский пишет с сарказмом: «Два чрезвычайно странные стиха, и против которых никто не протестовал. Напечатано в декабрьской книге "Русского вестника", в которой объявлено публике о продолжении сотрудничества графа Льва Толстого.

Или – два чрезвычайно глупые стиха. Осмеливаюсь думать, что, сделав это замечание, нисколько не посягаю на великое значение великого дарования графа Льва Толстого. Напечатаны эти два странные стиха в декабрьской книге "Русск<ого> вестника", в котором и т. д. Но тут не реклама, тут наивность. Тем и замечательно.

Граф Лев Толстой – *конфетный* талант и всем по плечу» [9, т. 24, с. 109-110. – *Курсив мой.* – С. Ш.].

И несколько позднее: «"У нас сейчас есть Лев Толстой" и т. д. Не говоря ни про, ни contra про существенное значение стихов, сами эти стихи до того странны и до того неясны, до того как-то неупотребительны, что появление их в таком издании, как "Р<усский> вестник"... "Сей лев" – каламбур ли со Львом – или о породе его: как лев-автор, как лев – писатель романов, но это будет неуклюже, писатель романов с силою льва, но тогда что значит "породы царской".

А какофония, прочтите-ка стих:

У нас сейчас есть Лев Толстой –

С чем-то непрожеванным во рту» [9, т. 24, с. 156].

Достоевский не желает понимать намек автора поэмы на высокое происхождение Толстого, считая это недостойным.

25 мая 1876 г. в разговоре с харьковским педагогом и общественной деятельницей Христиной Даниловной Алчевской, Достоевский обрушивается с «беспощадной» критикой на «Анну Каренину». «Все лица до того глупы, пошлы и мелочны, что положительно не понимаешь, как смеет граф Толстой останавливать на них наше внимание. У нас столько живых насущных вопросов, грозно вопиющих, что от них зависит, быть или не быть, и вдруг мы будем отнимать время на то, как офицер Вронский влюбился в модную даму и что из этого вышло. И так приходится задыхаться от этого салонного воздуха, и так натыкаешься беспрестанно на пошлость и бездарность, а тут берешь роман лучшего русского романиста и наталкиваешься на то же!" <...> если жизнь представляет только Вронских и Карениных, то и жить не стоит. <...> Левин? По-моему, он и Кити глупее всех в романе.

Это какой-то самодур, ровно ничего не сделавший в жизни, а та просто дура. Хорош парень! За пять минут до свадьбы едет отказываться от невесты, не имея к тому ровно никаких поводов. Воля ваша, а это даже ненатурально: сомнения возможны, но чтобы человек попер к невесте с этими сомнениями, – невозможно! Одну сцену я признаю вполне художественною и правдивою – это смерть Анны. Я говорю “смерть”, так как считаю, что она уже умерла, и не понимаю, к чему это продолжение романа. Этой сцены я и коснусь только в своем “Дневнике писателя”, и расхвалю ее, а браниться нельзя, хоть и хотелось бы, – сам романист – некрасиво!"» [2, с. 202].

Достоевский прекрасно видит разницу между личным дневником и дневником для публики, в продолжении которого стремится «не допустить фальши, не писать в полчувства, в полголоса» [254, с. 643], о чем и пишет Алчевской 9 апреля 1876 г.: «Я и хотел было написать статью <...> Но, обдумав уже статью, я вдруг увидел, что ее, со всею искренностью, ни за что написать нельзя; ну, а если без искренности – то стоит ли писать? Да и горячего чувства не будет» [9, т. 29 (II), с. 79]. Об «Анне Карениной» Достоевский напишет только через год, оправдывая свое «добровольное воздержание» говорить о текущей беллетристике нежеланием показаться пристрастным.

«Истинный художник, автор "Дневника", – совершенно справедливо замечает Л. И. Сараскина, – увидел необычайную глубину в великом толстовском романе, который в полемической запальчивости хотелось прежде только бранить; истинный художник смог обуздать чувство соперничества к лучшему русскому романисту и разглядеть в "самодуре Левине" честную душу, человека "нового корня русских людей, которым нужна правда, одна правда без условной лжи". <...> "Дневник" учил читателей правде, автор "Дневника" учился тайне первого шага – мудрого шага навстречу» [254, с. 644].

Слово Достоевского по достоинству оценили современники. Н. С. Лесков писал автору «Дневника» в ночь на 7 марта 1877 года: «Сказанное по поводу “негодяя Стивы” и “чистого сердцем Левина” так хорошо, – чисто, благородно, умно и прозорливо, что я не могу удержаться от потребности сказать Вам горячее спасибо и душевный привет. Дух Ваш прекрасен, – иначе он не разобрал бы этого *так*. Это анализ *умной души*, а не головы» [190. – *Курсив Лескова. – С. Ш.*]. (Однако отметим, что, по свидетельству Д. П. Маковицкого, только 21 сентября 1908 года Толстой выразил желание прочесть критику Достоевского об «Анне Карениной» заметив при этом: «Достоевский – великий человек» [17, с. 206].)

18 мая 1877 г. Страхов сообщает Толстому о впечатлении, которое произвел на общество конец седьмой части его романа: «Последняя часть "Анны Карениной" произвела особенно сильное впечатление, настоящий взрыв. Достоевский машет руками и называет Вас богом искусства. Это меня удивило и порадовало – он так упрямо восставал против Вас» [22, с. 117].

За двадцать лет мнение Достоевского о Толстом изменилось кардинально. В первом номере «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский заявляет: «Граф Лев Толстой, без сомнения, любимейший писатель русской публики всех оттенков» [9, т. 25, с. 27]. Позднее Достоевский не раз указывает своим корреспондентам на пользу чтения произведений Л. Н. Толстого. Так, 18 августа 1880 г. он пишет Н. Л. Озмидову: «Вообще исторические сочинения имеют огромное воспитательное значение. Лев Толстой должен быть весь

прочтен» [9, т. 30 (I), с. 212]. 19 декабря 1880 г. дает советы «неустановленному лицу» (Николаю Александровичу) о круге чтения его сына: «...Льва Толстого пусть читает непременно, особенно Льва Толстого» [9, т. 30 (I), с. 237].

10 марта 1878 года в Соляном городке на набережной Фонтанки напротив Летнего сада состоялась седьмая лекция из цикла «Чтения о Богочеловечестве» на тему «Христос – содержание христианства» входившего в моду молодого философа Владимира Соловьева, на которой присутствовали Достоевский и Страхов с Толстым, специально приехавшим на короткое время в Петербург. И. Волгин справедливо характеризует ситуацию этой «невстречи» «исторической нелепостью», ведь тема лекции «живо интересовала и Достоевского и Толстого и могла бы дать первый толчок их беседе» [94, с. 180]. Однако заметим, что впечатление от лекции у писателей было разным. Если «Достоевский во многом разделял религиозную доктрину молодого философа, считал в вопросах веры его своим единомышленником» [274, с. 23], то Толстой оценил услышанное как «детский вздор» и «бред сумасшедшего»! Позднее, 13 сентября 1905 г., был так же категоричен в отношении идей Соловьева о душах и Софии: «– Чепуха... – сказал Л. Н.» [15, с. 399].

Страхов, пригласивший писателей на лекцию, «встретившись с Достоевским в антракте, не посчитал нужным представить его своему спутнику (Толстому. – С. III.), объясняя позднее, что сам Толстой будто бы просил его в этот вечер ни с кем не знакомить» [274, с. 22]. Вполне вероятно, что встреча, желанная для обоих «равноапостольных гениев, Петра и Павла русской прозы» [45], не состоялась, по словам И. Волгина, из-за желания Страхова «сохранить весомую роль корреспондента Толстого в глазах как Петербурга, так и Достоевского» [94, с. 181].

Оба писателя позднее сильно об этом сожалели. Анна Григорьевна описывает реакцию супруга на известие Страхова по поводу несостоявшейся встречи:

«– Как! С вами был Толстой! – с горестным изумлением воскликнул Федор Михайлович. – Как я жалею, что я его не видал! Разумеется, я не стал бы

навязываться на знакомство, если человек этого не хочет. Но зачем вы мне не шепнули, кто с вами? Я бы хоть посмотрел на него!

– Да ведь вы по портретам его знаете, – смеялся Николай Николаевич.

– Что портреты, разве они передают человека? То ли дело увидеть лично. Иногда одного взгляда довольно, чтобы запечатлеть человека в сердце на всю свою жизнь. Никогда не прощу вам, Николай Николаевич, что вы его мне не указали!

И в дальнейшем Федор Михайлович не раз выражал сожаление о том, что не знает Толстого в лицо» [6, с. 344].

Через 28 лет, 3 февраля 1906 г., Лев Николаевич будет рассматривать в журналах портреты Достоевского (к 25-летию со дня смерти) и восхищаться работой Перова: «Как хорошо! Я его никогда не видал. Так и видишь» [15, с. 39].

Достоевская сообщает и о сокрушении Толстого, высказанном при их встрече в 1902 году: «Неужели? И ваш муж был на той лекции? Зачем же Николай Николаевич мне об этом не сказал? Как мне жаль! Достоевский был для меня дорогой человек и, может быть, единственный, которого я мог бы спросить о многом и который бы мне на многое мог ответить!» [6, с. 415].

Писатели могли встретиться и на Пушкинском празднике, однако Толстой отказался «почтить Москву присутствием. Миссия Тургенева, посетившего весной 1880 года Поляну в качестве парламентаря, успеха не имела» [94, с. 383]. Тургенев был оскорблен отказом, «и попытался объяснить причины этого отказа по-своему (подразумевалось, что человек в здравом уме не смог бы отказать ему, Тургеневу)» [Там же], а Толстой лишь дал категорически отрицательную оценку подобным юбилеям, ведь «Лев Николаевич считал юбилейные собрания литераторов чем-то противоестественным и даже оскорбляющим память о поэте» [180, с. 576]. Это подтверждает и неотправленное письмо Толстого от 25 марта 1908 г. «В редакции газет» по поводу чествования его 80-летия: «Вспоминаю, как давно уже, лет около тридцати тому назад, во время чествования Пушкина и поставления ему

памятника, милый Тургенев заехал ко мне, прося меня ехать с ним на этот праздник. Как ни дорог и мил мне был тогда Тургенев, как я ни дорожил и высоко ценил (и ценю) гений Пушкина, я отказался <...> потому что и тогда уже такого рода чествования мне представлялись чем-то неестественным и, не скажу ложным, но не отвечающим моим душевным требованиям...» [32, т. 78, с. 105].

Когда Достоевский после Пушкинского праздника поделился с Иваном Сергеевичем своими намерениями вместе с Юрьевым направиться из Москвы к Толстому, Тургенев, Катков и Григорович так охарактеризовали последнего, что Достоевский не решился ехать: «всего туда, и обратно, менее двух суток. Но я не поеду, хотя очень бы любопытно было» [9, т. 30 (I), с. 168]. Достоевский пишет супруге 27 мая 1880: «Сегодня Григорович сообщил, что Тургенев, воротившийся от Льва Толстого, болен, а Толстой почти с ума сошел и даже может быть совсем сошел» [9, т. 30 (I), с. 166], затем – в письме от 27–28 мая 1880 г.: «О Льве Толстом и Катков подтвердил, что, слышно, он совсем помешался» [9, т. 30 (I), с. 168].

«Вскоре из переданного ему Страховым письма Толстого с отзывом о "Записках из мертвого дома" Достоевский мог убедиться в полнейшей вздорности слухов о сумасшествии Толстого» [114, с. 640]. Вполне уместным можно считать и такое замечание И. Ефимова: «Но хвалить старый роман, обойдя молчанием всё написанное за прошедшие двадцать лет, – не должно ли это было показаться самолюбивому автору оскорблением?» [128, с. 190].

И. Л. Волгин приводит слова Достоевского, сказанные Микулич незадолго до смерти: «Да, Толстой это – сила. И талант удивительный. Он не все еще сказал...». «В эти последние дни (жизни. – С. III.) он (Достоевский. – С. III.) все чаще задумывается над тем, что оставит он после себя, или, выражаясь более торжественно, – какое место займет в истории отечественной словесности» [194, с. 358].

Отметим, что очень многое указывает на явные предпосылки для личного диалога писателей. Так, Л. Н. Толстой абсолютно не характерно для себя пишет

Страхову 26 сентября 1880 г.: «На днях нездоровилось, и я читал Мертвый дом. Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги изо всей новой литературы, включая Пушкина. Не тон, а точка зрения удивительна – искренняя, естественная и христианская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера целый день, как давно не наслаждался. Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его люблю» [32, т. 63, с. 24].

Страхов же, выступая в роли доброжелательного посредника их общения, сообщает Толстому 2 ноября 1880 г.: «Видел я Достоевского и передал ему Вашу похвалу и любовь. Он очень был обрадован, и я должен был оставить ему листок из Вашего письма, заключающий такие дорогие слова. Немножко его задело Ваше непочтение к Пушкину, которое тут же выражено („лучше всей нашей литературы, включая Пушкина“). „Как *включая?* “ – спросил он. Я сказал, что Вы и прежде были, а теперь особенно стали большим вольнодумцем» [22, с. 259. – *Курсив Страхова. – С. III.*].

Е. А. Штакеншнейдер записывает в своем дневнике о Достоевском: «С гордостью и радостью, которые меня даже и удивили и порадовали в то же время, рассказал он мне, что получил от Страхова в подарок письмо Л. Н. Толстого, в котором он пишет Страхову в самых восторженных выражениях о "Записках о Мертвом доме" и называет это произведение единственным, и ставит его даже выше пушкинских» [33, т. 2, с. 213]. «Всегда склонный скорее преуменьшать свои писательские заслуги, умалять свое значение именно как художника, он (Достоевский. – *С. III.*) окидывает теперь, взором все пространство русской классики и пытается осознать – не для соблюдения "табели о рангах", а для себя самого, – что же он такое как писатель, реализовал ли он свое предназначение в этом мире, свой данный ему от Бога талант? И будет ли он дорог будущим своим читателям, если таковые обнаружатся?» [94, с. 358].

Невозможно не согласиться с мнением И. Л. Волгина, полагающего, что помимо уготовленной почвы для знакомства (острого личного интереса)

существовали и «мощные глубинные влечения, делавшие эту встречу необходимой и исторически неизбежной» [94, с. 385].

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. Л. Н. Толстой переживает серьезный религиозный кризис, пытается определить свое новое религиозное мировоззрение в набросках к «Исповеди» и «В чем моя вера?», но в обществе уже носятся слухи о новых идеях автора «Войны и мира» и «Анны Карениной». Двоюродная тётюшка Толстого А. А. Толстая, представительница самого высшего света, камер-фрейлина императрицы, познакомилась с Достоевским в Мраморном дворце 30 декабря 1880 г. Писателя интересовало новое направление её знаменитого двоюродного племянника.

А уже 11 января 1881 г. графиня принимала автора «Карамазовых» в своих покоях на «запасной половине» Зимнего дворца. «...Он говорил, как истинный христианин, о судьбах России и всего мира; глаза его горели, и я чувствовала в нем пророка... Когда вопрос коснулся Льва Николаевича, он просил меня прочитать обещанные письма громко. Странно сказать, но мне было почти обидно передавать ему, великому мыслителю, такую путаницу и разбросанность в мыслях» [13, с. 32]. Тихомиров Б. Н. поясняет, что во время очередного приезда Толстого в Петербург в январе 1880 г. между ним и глубоко верующей Александрин (А. А. Толстой) произошел горячий спор о вере, традиционную веру Толстой объявил «ложью» и «внутренним успокоением», взаимопонимание достигнуто не было и после февральского обмена письмами.

Мемуаристка продолжает: «Вижу еще теперь перед собой Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял: – "Не то, не то!.." Он не сочувствовал ни единой мысли Льва Николаевича; несмотря на то, забрал все, что лежало писанное на столе: оригиналы и копии писем Льва. "Из некоторых его слов, – пишет Александра Андреевна, – я заключила, что в нем родилось желание оспаривать ложные мнения Льва Николаевича"» [Там же, с. 33].

Существует много свидетельств об особой силе речи Ф. М. Достоевского. Так, И. Г. Захарьин (Якунин) передает слова А. А. Толстой после встречи с ним: «Мало того, что он казался мне человеком евангельским, не от мира сего, но самая речь его, *порывистая и огнеустая*, производила потрясающее впечатление» [*курсив мой*. – С. III. – 24]. Здесь, думается, уместно замечание И. Л. Волгина, который, ссылаясь на впечатления о Достоевском Всеволода Соловьева («Конечно, он не был создан для общества, для гостиной»), пишет: «Тургенев на публике – великолепный рассказчик, остроумец, душа общества; Толстой также не чужд этого жанра (он, правда, не любит злословить); ни тот ни другой, как правило, не задавливают собой общей беседы. Тургеневу и Толстому – в их частной жизни – не нужна кафедра. <...> *Кафедра* нужна Достоевскому. Ибо его страстная, с вселенскими охватами речь – всегда на несколько градусов выше средней "разговорной температуры". Потому что сам он – не холоден, не тепл, но – горяч» [94, с. 58-59].

А. А. Толстая вспоминает: «"Я потом часто спрашивала себя, удалось ли бы Достоевскому повлиять на Л. Н. Толстого? Думаю, едва ли. Один мой знакомый, некто г. Дмитриев, покойный попечитель здешнего учебного округа, очень умный, хотя слегка язвительный человек, сказал мне однажды, когда речь шла о Л. Н.

– Le malheur du comte Tolstoy c'est qu'il n'ecoute et rfestime que sa propre pensee, aussi vous verrez qu'il fera eternellement fausse route".³²

Это было, впрочем, до некоторой степени справедливо» [Там же, с. 33].

Однако С. А. Толстая считала, что, если бы Достоевский был жив, Лев Николаевич примирился бы с Церковью. В этой связи проф. Андреев указывает, что «более убежденного, более мощного и более гениального критика кощунственных идей Толстого невозможно представить» [36, с. 358]. М. Дунаев добавляет: «В творчестве Ф. М. Достоевского дана последовательная

³² Несчастье гр. Толстого то, что он слушает и уважает только собственное мнение, вот почему вы увидите, что он всегда будет на ложном пути. (фр.).

критика всех метафизических, квазиметафизических и моральных основ творчества Л. Н. Толстого... » [122].

Согласимся с выводами Н. Н. Гусева: «Конечно, все, что мы знаем о Достоевском, не дает никаких оснований полагать, чтобы он когда-нибудь согласился с взглядами Толстого. И совершенно невозможно предположить, чтобы Толстой, в своем "Исследовании догматического богословия" не оставивший камня на камне от учения православной церкви, когда-нибудь сошелся с Достоевским в признании православия» [114, с. 654]. И. Ефимов, в свою очередь, не без основания полагает: «...Проживи он (Достоевский. – С. III.) ещё несколько лет, доведись ему прочесть атаки Толстого на православную церковь, равнодушие (? – С. III.) могло бы легко перерасти во вражду. К карикатурным портретам Гоголя ("Село Степанчиково"), Тургенева ("Бесы") вполне мог бы добавиться персонаж из анекдота, которому слуга докладывает: "Ваше сиятельство, пахать подано".

Кажется, и тот и другой писатель создали целую вселенную, вмещающую весь душевный мир человека. Но причудлива география и астрономия духовных сфер. И вот эти две вселенные оказываются далеки друг от друга, как две галактики» [128, с. 190].

Через шесть дней после встречи с автором «Карамазовых», 17 января 1881 г. А. А. Толстая пишет Льву Николаевичу: «Я эту зиму очень сошлась с Достоевским, которого давно любила заочно. *Он с своей стороны любит вас* – много расспрашивал меня, много слышал об вашем настоящем направлении и, наконец, спросил меня, нет ли у меня чего-либо писанного, где бы он мог лучше ознакомиться с этим направлением – которое его чрезвычайно интересует. Я вспомнила ваше прошлогоднее письмо и дала ему это письмо» [13, с. 400. – *Курсив мой.* – С. III.].

Известно, что Александра Андреевна тщательно переписала для Достоевского письмо Толстого от 2 или 3 февраля 1880 г. [13, с. 394-396], но, по рассеянности вложила в копию и текст подлинника, оба письма и взял Достоевский. Тихомиров подчеркивает, что за несколько дней до смерти

оригинал вышеуказанного письма Толстого был у Достоевского: «Дома на Кузнечном у Достоевских хранился еще один автограф Толстого – его письмо Н. Н. Страху от 26 сентября 1880 г., в котором была дана такая исключительно высокая оценка "Записок из Мертвого дома" <...> Так в предсмертные дни в доме Достоевского в Кузнечном переулке на рабочем столе писателя оказались сразу два столь несхожих эпистолярных автографа Льва Толстого: один – содержащий исключительно дорогие для автора "Записок из Мертвого дома" слова высочайшей оценки его каторжной эпопеи, и другой, полученный во время визита в Зимний дворец, – со словами религиозного вольнодумства, с которыми автор "Братьев Карамазовых" был категорически не согласен и с которыми готовился полемизировать на страницах своего "Дневника писателя" в 1881 г.» [274, с. 26-27].

«После смерти писателя Александра Андреевна обращалась к А. Г. Достоевской с просьбой вернуть ей письмо Толстого, но та не смогла его найти. Однако спустя годы, разбирая переписку Достоевского, Анна Григорьевна обнаружила автограф и возвратила письмо душеприказчику уже умершей к тому времени А. А. Толстой, распоряжавшемуся ее архивом, переданным после кончины графини в Академию наук» [274, с. 26].

3 февраля 1881 г., через несколько дней после смерти Достоевского, Н. Н. Страхов делится с Толстым своими переживаниями: «Чувство ужасной пустоты не оставляет меня с той минуты, когда я узнал о смерти Достоевского. Как будто провалилось пол-Петербурга или вымерло пол-литературы. <...> Он один равнялся (по влиянию на читателей) нескольким журналам. Он стоял особняком среди литературы, почти сплошь враждебной, и смело говорил о том, что давно было признано за „соблазн и безумие“» [22, с. 266]. Согласимся с мнением П. Басинского, полагающего, что здесь речь идет именно о христианстве, эстафету проповеди которого в литературе сразу подхватил Толстой.

Толстой, в свою очередь, 5 февраля 1881 г. пишет Страху о своих душевных терзаниях: «Как бы я желал уметь сказать всё, что я чувствую о

Достоевском! Вы, описывая свое чувство, выразили часть моего. Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним; и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек... И никогда мне в голову не приходило меряться с ним – никогда. Все, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже, но дело сердца только радость. – Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдруг за обедом – я один обедал, опоздал – читаю: умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу. На днях, до его смерти, я прочел „Униженные и оскорбленные“ и умилялся» [22, с. 267-268].

В более поздней публикации на месте пропуска читаем: «Я был литератор, и литераторы все тщеславны, завистливы, я по крайней мере такой литератор» [32, т. 63, с. 43]. Здесь, по мнению Н. Н. Гусева, Толстой сквозь переживания пытается определить характер своего отношения к Достоевскому как человеку и писателю.

Анна Григорьевна неоднократно свидетельствовала о внимании Толстого к Достоевскому: «Вы знаете, что муж никогда при жизни не виделся с Толстым. Когда после его смерти я была у Льва Николаевича, он предложил мне: "Расскажите, какой человек был ваш муж". Я описала его, как идеал человека, и нисколько не кривила душой. Таким он мне казался и таким был. "И я его представлял так же", – сказал Толстой и, конечно, для того, чтобы доставить мне большое удовольствие, сказал, что во мне он ловит даже внешнее сходство с покойным» [11, с. 190].

Говоря о сожалениях Толстого по поводу не состоявшейся встречи, согласимся с мнением исследователя: «Ни Толстой, ни Достоевский не желают делать первого шага. Достоевский – по соображениям "иерархическим": в глазах современников (и отчасти – в своих собственных) он стоит "ниже" автора "Войны и мира". Мотивы Толстого имеют более сложный характер.

Нетерпимый к чужому, но обладающий при этом гигантской художественной интуицией, Толстой не мог не чувствовать творческой мощи своего старшего <...> современника. Интересно, что при ровном, в общем, отношении к таланту Тургенева Толстой оценивает писательский дар Достоевского очень неоднозначно и зачастую – противоречиво.

Толстой <...> знает: только с Достоевским возможен разговор на равных, Но, может быть, именно поэтому он старается его избежать» [94, с. 383].

При многолетней сильной потребности знакомства «было обоюдное подсознательное противодействие, которое в соединении со случаем оказалось сильнее» [219]. И. Л. Волгин полагает, что в 1878 году (на лекции Вл. С. Соловьева) Толстой мог и не хотеть встречи с Достоевским по причине совершающегося духовного переворота: «он инстинктивно отстраняет от себя все, могущее поколебать эту рождающуюся в муках веру. Встреча (и неизбежное духовное противоборство) с таким могучим оппонентом, как автор "Дневника", грозит разрушить целостность столь трудно воздвигнутого толстовского мира, потрясти его сокровенные основы» [94, с. 383]. Позднее Толстой мог уже и не помнить собственных мотивов...

Об этом свидетельствуют и дневниковые записи Д. П. Маковицкого:

8 апреля 1904 г. «Я спросил Л. Н.:

– Как это случилось, что вы не виделись с Достоевским?

– Случайно. Он был старше лет на восемь-десять. Я желал его видеть»

[15, с. 240].

25 июля 1906 г. Толстой, прочитав «Новом времени» от 15 июня 1906 г. неопубликованное ранее письмо Достоевского, сожалеет:

«Л. Н.: Много доброго сделал мне Достоевский. Как раз я хотел с ним познакомиться, а он умер» [16, с. 186].

Будучи сослуживцем, много лет вхожим в семью Достоевского, и даже свидетелем на его свадьбе, Страхов, уже после своих «Воспоминаний» о писателе, несправедливо обвиняет его в письме Толстому от 28 ноября 1883 года: «Я не могу считать Достоевского ни хорошим, ни счастливым

человеком <...>. Он был зол, завислив, развратен...» [22, с. 307]. Это происходит, видимо, после обнаружения среди архива Достоевского нелестной записи о себе³³.

Достоевский пишет супруге о вызванной началом публикации «Подростка» в «Русском вестнике» холодности Страхова, который имел вид «со складкой»: «Нет, Аня, это скверный семинарист и больше ничего; он уже раз оставлял меня в жизни, именно с падением "Эпохи", и прибежал только после успеха "Преступления и наказания"» [9, т. 28 (II), с. 16-17]. Не мог не оскорбить Страхова и такой «памфлетный портрет, начертанный в резкой обличительной манере раздраженной рукой» [282, с. 58], 1877 года: «Чистейшая семинарская черта. Происхождение никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости, а напротив, он и сам делает гадости; несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов продать всех и все, и гражданский долг, которого не ощущает, и работу, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает, и не потому, что он не верит в идеал, а из-за грубой коры жира, из-за которой не может ничего чувствовать. Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших, их надо обличать и обнаруживать неустанно» [21, с. 620].

На письмо Страхова, бросавшее тень на Достоевского, Толстой ответил 5 декабря 1883 года резким неприятием: «Из книги вашей я первый раз узнал всю меру его ума. Чрезвычайно умен и настоящий. И я все так же жалею, что не знал его» [115, с. 221]. Толстой, осознав тень, брошенную на Достоевского, сокрушался и много позднее (2 июля 1908 г.): «Нехорошо было со стороны Страхова» [17, с. 133].

После посмертной публикации скандального письма Страхова в 1913 году (автор умер в 1896 г.) вдова Достоевского обвинила критика в лицемерии,

³³ См. подробнее: Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. В кн.: Литературное наследство. Т. 83. М., 1971.

назвав его «наш фальшивый друг» [6, с. 417], и написав с обидой: «Страхов был злым гением моего мужа не только при его жизни, но, как оказалось теперь, и после его смерти» [6, с. 421].

Достоевский и Толстой отчетливо ощущали и осознавали меру и масштабы значения друг друга в отечественной и мировой литературе. Н. И. Азарова пишет: «"Опора отскочила" – и надо теперь одному выстоять и выдержать тот нравственный груз, что приходится на долю первому русскому писателю. После утраты Достоевского предначертано было Толстому стать духовным руководителем для взыскующих идеала русских людей. "Нравственный меридиан мира" отныне пролег через Ясную Поляну» [13, с. 672-673].

«Толстому незачем лукавить. Теперь, после смерти Достоевского, он "вдруг" осознал их духовное родство: это действительно так, в виду направленность их пути. Смерть одного из них сняла вероятность спора: осталось лишь сожаление, что встреча не произошла. <...> У Толстого нет ни малейшего сомнения в том, что рано (что-то тут не дописано!) они бы встретились: "теперь только не пришлось, но это мое", мог бы сказать в свою очередь и Достоевский. Это было *их общее, ибо* каждый из них мысленно уже пережил грядущую встречу. И не потому ли Толстой – может быть, неожиданно для себя – говорит: «опора какая-то отскочила от меня», что он "теперь" с горечью ощутил свое духовное одиночество?» [94, с. 390], – пишет И. Л. Волгин о возможных ожиданиях Толстого.

В. В. Тихомиров отмечает, что Н. Н. Страхов первый указал на религиозно-нравственный характер творчества Толстого, который уже в «Войне и мире» своим смыслом (верой в жизнь) противостоял «распространившемуся в современной России безверию, нигилизму, увлечению "миражной теорией прогресса"» [276, с. 362]. Стремление к возрождению религиозного искусства позднее в трактате «Что такое искусство?» подтвердил сам Толстой, отстаивая «идею религиозных истоков искусства» и объявляя

«искусство секуляризированное <...> ложным и профанированным» [276, с. 367].

Воздерживаясь от публичных высказываний о творчестве Достоевского, Толстой захвачен его личностью (7 мая 1904 г.: «Достоевский говорил, что самое большое страдание для него в тюрьме было то, что он никогда не бывал один. Я это понимаю» [15, с. 272]). Достоверно, что Толстой с большим интересом читал 11 февраля 1909 г. в «Новом времени» воспоминания барона А. Е. Врангеля о Достоевском [16, с. 327]; 9 февраля 1910 г. в журнале «Русская старина» – воспоминания поляка о Достоевском на каторге [18, с. 178], подчеркивая (12 мая 1909 г.): «Все, что касается Достоевского, все это мне интересно» [17, с. 411]. 10 февраля 1910 г. после чтения Достоевского просил передать все его сочинения Булгакову. «Наверно хочет поручить ему какую-нибудь работу о Достоевском» [18, с. 178], – пишет Д. П. Маковицкий.

Толстой ценит серьезность творчества Достоевского. Д. П. Маковицкий записывает высказывания Льва Николаевича. Например, 21 марта 1907 г.: «Достоевский не был так изящен, как Тургенев, но был серьезный. Он много пережил, передумал. Умел устоять, чтобы не льстить толпе» [16, с. 399]. 25 июня 1908 г.: «После Пушкина, Достоевского (и потом, как бы поправляясь), после Достоевского, Островского – ничего нет. Еще Чехов, который мил, но бессодержателен. А потом пошла самоуверенная чепуха» [17, с. 124]. 12 мая 1909 г. Толстой, вспомнив рассказ Достоевского о смерти арестанта из «Круга чтения», говорит, что «Достоевский и Гоголь не разбираются критиками, потому что это были серьезные люди» [17, с. 409]. 31 января 1910 г.: «... В художественной литературе: были Диккенс, Гюго, Дюма-сын, Достоевский, а теперь кто?» [18, с. 173].

Лев Николаевич неоднократно упоминает Достоевского в личных записях и беседах с близкими. Сонечка и Илюшок Андреевичи, внуки Толстого, читают по его рекомендации «хорошие сочинения русской литературы – например, Гоголя, Достоевского» [17, с. 287]. Автор «Анны Карениной» 6 февраля 1904 г.

рекомендует Кузминской читать «Достоевского, у него есть шедевры – «Записки <из Мертвого дома>» [15, с. 165].

В 1883 г., беседуя с Г. А. Русановым, членом Харьковского окружного суда, Толстой именует «Преступление и наказание» «лучшим» романом Достоевского, уточняя: «"Вы прочтите несколько глав сначала, и вы узнаете все последующие, весь роман. Дальше рассказывается и повторяется то, что Вами было прочитано в первых главах..." <...> По случаю чтения Н. Н. Страховым вслух статьи В. В. Розанова "Легенда о Великом инквизиторе" Лев Николаевич сказал: "Достоевский – такой писатель, в которого непременно нужно углубиться, забыв на время несовершенство формы, чтобы отыскать под ней действительную красоту... Я считаю в "Преступлении и наказании" хорошими лишь первые главы – это шедевр. Но этим все исчерпано: дальше мажет, мажет"» [233, с. 107-108]. Толстой пишет Страхову 1 декабря 1883: «И Пресансе, и Достоевский – оба с заминкой. И у одного вся ученость, у другого ум и сердце пропали ни за что. Ведь Тургенев и переживет Достоевского и не за художественность, а за то, что без заминки» [32, т. 63, с. 142].

В 1883 году свои выписки из Достоевского посылал Толстому и Чертков (см. Т, 85, 25). Толстой же пишет Черткову о некоем Тищенко: «Это очень тонкий, чувствительный и даровитый человек. Он мне напоминает своим душевным складом Достоевского...» [32, т. 86, с. 54]. А. Плякин упоминает о пометках Толстого в тексте романа «Братья Карамазовы», о фразе, сказанной Г. А. Русанову в 1883 г., что «не мог дочитать», и о свидетельствах чтения Толстым романа Достоевского в 1886 г.³⁴

В оценке Толстого прослеживается противоречивое отношение ко всем произведениям Достоевского, кроме «Записок из Мертвого дома», которые Толстой считал образцом высшего искусства и неоднократно к ним обращался (письмо Страхову 1882 г., работа над романом «Воскресение» в 1892 г. и другое). Маковицкий записывает 8 ноября 1907 г., что в разговоре с

³⁴ См. Толстой Л. Н. ПСС, т. 84. С. 167.

Александрой Львовной, читающей Достоевского, «Л. Н. выделил "Записки из Мертвого дома". Александра Львовна заговорила о "Бесах".

Л. Н. Ну, этого ("Бесов") не разберешь» [16, с. 557].

«Два отрывка из "Записок" Толстой озаглавил "Смерть в госпитале", "Орел" и включил их как недельные чтения в "Круг чтения" (Т. 41. С. 322-323, 434-436)» [242, с. 106]. Работая над статьей о непротивлении, Толстой дает в дневнике от 13 июня 1891 г. такую характеристику «Сну смешного человека»: «Хорошо задумано, дурно исполнено» [32, т. 52, с. 40]. Однако 2 ноября 1892 г. Лев Николаевич пишет графине Софье Андреевне Толстой: «Читаем вслух Карамазовых, и очень мне нравится» [32, т. 84, с. 167]. 5 ноября 1892 г. Толстой сообщает супруге: «Мы читаем Достоевского» [32, т. 84, с. 168]. «Достоевского давно не читал. Вот кого надо мне хорошо перечесть» – записывает 23 ноября 1909 г. слова Толстого Маковицкий [18, с. 113]. На следующий день Толстой прекращает чтение («Дневника писателя»): «Он труден» [18, с. 113-114]. Однако Достоевский не отпускает, и Толстой принимается за «Братьев Карамазовых». Домашним говорит (20 февраля 1909 г.) о духовной энергии и драгоценных требованиях Гюго, Герцена, Диккенса, Достоевского, Шиллера. С Молоствовым делится мнением о Достоевском 13 июня 1908 г.: «Большой человек, его ценю. В его произведениях он вначале все скажет, потом размазывает – может быть, вследствие его болезни» [17, с. 114].

По свидетельству Маковицкого, Толстой (24 июня 1907 г.) «жалел, что Достоевский торопился, что не поправлял своих писаний» [16, с. 460]. 14 октября 1910 г. ругает Достоевского («отвратителен») за художественное («хороши описания, но есть какая-то ирония не у места. В разговорах же героев – это сам Достоевский говорит. Ах, нехорошо, нехорошо! Тут семинарист и игумен, Иван Карамазов тоже, тем же языком говорят» [16, с. 380]), но автор «Анны Карениной» оценивает религиозную глубину как выражение духовной борьбы, сильной в Достоевском. При этом упрекает последнего в отсутствии свободы и путаницы, так как «он держится предания и "русского, исключительного". Он связан религией народа» [17, с. 336].

В Дневнике от 11 февраля 1910 г. находим запись: «Перечитывал Достоевского, – не то» [32, т. 58, с. 15]. 23 октября 1910 г. в письме к А. К. Чертковой Толстой сообщает: «Я, – всё забывши, – хотел вспомнить и забытого Достоевского и взял читать “Братьев Карамазовых” (мне сказали, что это очень хорошо). Начал читать и не могу побороть отвращение к антихудожественности, легкомыслию, кривлянию и неподобающему отношению к важным предметам» [32, т. 89, с. 229]. «На год смерти Достоевского у Толстого встречается еще одно упоминание романа "Униженные и оскорбленные" (Т, ПСС, т.49, с. 161)» [233, с. 106].

Толстой с целью проникновения в творческую лабораторию Достоевского с карандашом штудировал его произведения. Исследователь сообщает: «На сегодня личная библиотека Л. Н. Толстого насчитывает 18 печатных единиц сочинений Ф. М. Достоевского: Ф. М. Достоевский. ПСС. Т. 1–14. СПб., тип. А. С. Суворина. 1882–1884. Часть томов отпечатана в типографии бр. Пантелеевых.

(Два экземпляра Т.14)

Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. Изд. 7-е. СПб., тип. А. С. Суворина. 1884.

(Ф. М. Достоевский) Ползунков (Рассказ)

Без титульного листа, обложки и переплета.

Пометки, оставленные Толстым, есть на отдельном издании "Преступления и наказания" и в т. 13 собрания сочинений (первые части "Братьев Карамазовых").

В "Преступлении и наказании" фиолетовым карандашом отчеркнуты строки с описаниями внешности Родиона Раскольников. Катерины Ивановны, Сони, Авдотьи Романовны, Пульхерыи Александровны» [233, с. 106-107].

Пометки Толстого в произведениях Достоевского свидетельствуют о его наблюдениях над работой выдающегося старшего современника. По мнению исследователя, пометы в первой и второй частях «Преступления и наказания» относятся ко второй половине 1880-х гг., то есть ко времени работы Толстого

над статьей «Для чего люди одурманиваются» (1890 г.), где автор разбирает принятие Раскольниковым рокового решения.³⁵

При всем различии художественных исканий писателей объединяла вера в божественный источник любви и добра, надежда на возрождение человека и человечества в целом. Оба с трепетом относились к «Сикстинской мадонне» Рафаэля (Л. И. Сараскина указывает на то, что репродукция картины с 1862 г. находилась в доме Л. Н. Толстого, а 30 октября 1879 года, стараниями вдовы поэта А. К. Толстого, графини С. А. Толстой, фотография картины в натуральную величину украсила и квартиру 58-летнего Достоевского [254, с. 733]).

«Толстой часто восхищался религиозно-этическими воззрениями Достоевского, которые он старался приспособить для собственных просветительских и учительских целей», – замечает В. А. Туниманов [282, с. 85], но в то же время и всячески противился возвеличиванию последнего по причине расхождений в вопросах веры. В августе 1883 года в беседе с Г. А. Русановым Толстой говорит о своем представлении о Достоевском последних лет жизни: "У него какое-то странное смешение высокого христианского учения с проповедыванием войны и преклонением пред государством, правительством и попами"» [114, с. 654]. «Мне кажется, вы были жертвою ложного, фальшивого отношения к Достоевскому, – убежденно пишет он Страхову 1 декабря 1883 г. – не вами, но всеми – преувеличения его значения и преувеличения по шаблону, возведения в пророки и святого, – человека, умершего в самом горячем процессе внутренней борьбы добра и зла. Он трогателен, интересен, но поставить на памятник в поучение потомству нельзя человека, который весь борьба» [32, т. 63, с. 142].

29 августа 1892 г. Страхов, находясь в состоянии внутреннего противоречия, пишет Толстому: «Достоевский, создавая свои лица по своему образу и подобию, написал множество полупомешанных и больных людей и был твердо уверен, что списывает с действительности и что такова именно

³⁵ См. Толстой Л. Н., ПСС, т. 27. С. 280.

душа человеческая» [32, т. 66, с. 254]. Поверхностного суждения Страхова о «творческой лаборатории» Достоевского большой художник слова не принимает, 3 сентября 1892 г. он возражает: «Вы говорите, что Достоевский описывал себя в своих героях, воображая, что все люди такие. И что ж! результат тот, что даже в этих исключительных лицах не только мы, родственные ему люди, но иностранцы узнают себя, свою душу. Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее. – Не только в художественных, но в научных философских сочинениях, как бы он ни старался быть объективен – пускай Кант, пускай Спиноза, – мы видим, я вижу душу только, ум, характер человека пишущего» [32, т. 66, с. 253-254].

Н. Н. Скатов точно замечает: «Редчайший дар перевоплощения, сопереживания, проникновения в глубины психологии человека, иными словами, то, в чем Страхов вдруг увидел коренной порок Достоевского-писателя, представлялось Толстому первым условием подлинно художественного творчества. <...> (Толстой. – С. III.) одновременно выступил с опровержением и осуждением "открытий" Страхова. Но есть справедливость судьбы в том, что это сделал именно Лев Николаевич Толстой, единственный, по мнению Страхова, в мире человек, который мог бы справедливо рассудить его запоздалый спор с покойным Достоевским» [258, с. 31].

«Он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек» [32, т. 63, с. 43], – этим признанием Толстой поставил крест на домыслах людей, старавшихся представить его если не врагом, то непримиримым антиподом Достоевского. Л. И. Сараскина называет это письмо Толстого – единственного в своем роде заступника «сердечного делания Достоевского» [254, с. 780] – «непробиваемым щитом против отравленной стрелы» [254, с. 779] домыслов и лжи.

Мысли Достоевского, и помимо воли Толстого, оказывали на него немалое влияние, он пишет 18 февраля 1897 г. Сократу Бырдину: «Я всегда вспоминаю Достоевского, который говорил о том, как смешно видеть человека, желавшего перевернуть весь мир и не могущего обойтись без папирос и готового на всё,

только бы ему дали покурить. Я говорю не о курении, а о том, что самое важное не борьба, а то, чтобы орудия борьбы, т. е. люди, были сильны *верою*, были чисты, как голуби, и мудры, как змеи. А если люди будут таковы, то они без борьбы будут побеждать» [32, т. 70, с. 25. – *Курсив мой.* – С. III].

Сборники Толстого «Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «На каждый день», «Для души», «Путь жизни» содержат цитаты Достоевского, взятые из настольных календарей. Секретарь Толстого В. Ф. Булгаков отобрал шестьдесят четыре мысли Достоевского для «Пути жизни», но Толстой, посчитав, что они «не сильны, расплывчаты», оставил лишь две: «Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив» [32, т. 45, с. 481] и «Живи истинной жизнью – и много будешь иметь противников, но и противники твои будут любить тебя. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то и счастлив будешь и жизнь благословишь, и других благословить заставишь» [32, т. 45, с. 482]. В сборники Толстого вошли и такие изречения Достоевского: «Страдание-то и есть жизнь. Без страдания какое было бы в ней удовольствие?» [32, т. 40, 91]; «В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода лишь в одолении себя и воли своей так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтобы всегда, во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведет лишь к рабству» [32, т. 44, с. 310]; «Люди ограниченные, тупые гораздо меньше делают глупостей, чем люди умные, – отчего это?» [32, т. 44, с. 312].

Е. А. Акелькина считает, что в "Круге чтения" «опыт синтеза (культурных начал. – С. III.) в "Дневнике писателя" был по-своему осмыслен и усвоен поздним Л. Н. Толстым...» [35, с. 94]. Исследователь уверена, что «отзыв Достоевского об "Анне Карениной" в июльско-августовском выпуске "Дневника писателя" за 1877 г. был Толстому хорошо известен» [35, с. 95], и верно подмечает, что расположение по темам и датам собрания мыслей мудрых людей в «Круге чтения» подобно «тематико-проблемным сопряжениям на основе годового цикла» «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского.

Е. А. Акелькина усматривает сходство жанровой специфики «Круга чтения» и «Дневника писателя»: «Все мысли, изречения в "Круге чтения" связаны с поиском истины писателем в монтаже чужих высказываний под определенным "толстовским" углом зрения. Так же в "Дневнике писателя" Ф. М. Достоевского много афористичных заглавий, цитат <...> В художественно-публицистическом "Круге чтения" Л. Н. Толстого таким переходным мостиком к размышлению собственно художественных произведений стали "Недельные чтения", в которые вошли отрывки из чужих повестей, рассказов, легенд» [Там же]. Но исследователь точно подмечает и существенную разницу авторской позиции: если Ф. М. Достоевский «пытается разбудить в читателе "Дневника писателя" способность к собственному мышлению, пусть и парадоксальному, то Л. Н. Толстой знакомит, убеждает, внушает, учит» [Там же]. Достоевский, подобно Пушкину, более всего дорожит свободой художника и поэтому стремится «дать целостно чужой голос, чужой образ сознания, Л. Н. Толстого (художника-проповедника и учителя жизни. – С. III.) интересуют мысли, созвучные ему, близкие его способу мышления» [35, с. 96]. Считая, что для Ф. М. Достоевского метафизика человека является особым способом мышления о мире, Е. А. Акелькина полагает, что в отличие от него «Л. Н. Толстой принципиально имперсоналистичен, именно поэтому из всех произведений Ф. М. Достоевского он выбрал для цитирования в "Круге чтения" "Записки из мертвого дома" – книгу о судьбе России, народном целом, правде общего мнения» [Там же].

Примечательно, что Толстой в последний год жизни занимается формированием фонда библиотеки в Ясной Поляне, 30 января 1910 г. сличает список князя Павла Долгорукова с бирюковским каталогом народных библиотек и беспокоится: «Лермонтова что-то не вижу, Достоевского» [18, с. 171]. 31 января 1910 г. на открытии народной библиотеки-читальни в Ясной Поляне Толстой опять удивляется, не увидев всего Достоевского.

К концу жизни Толстой невольно признал за своим несостоявшимся визави и пророческое начало. 9 октября 1910 г. он напишет Шпигановичу: «И

случится или не случится то, что предсказывает Достоевский, из направленной так в прежних условиях деятельности любви, кроме блага для себя и для всех окружающих, ничего выйти не может» [32, т. 82, с. 183].

Достоевский «не отпускает» Толстого в его последний год (а по словам Туниманова, и на протяжении многих лет). 12 октября 1910 г. он пишет в дневнике: «После обеда читал Достоевского. Хороши описания, хотя какие-то шуточки, многословные и мало смешные мешают. Разговоры же невозможны, совершенно неестественны» [32, т. 58, с. 117]. Запись от 18 октября: «Читал Достоевского и удивлялся на его неряшливость, искусственность, выдуманность...» [32, т. 58, с. 119].

Нельзя не согласиться с мнением исследователя: «За этим отталкиванием стоит неприятие художественного стиля Достоевского, который лежит в *принципиально иной литературно-идеологической традиции*, в отличие от эпического стиля Толстого. Генетически такой тип творческого сознания можно проследить через русло, так или иначе связанное с традициями Евангелия, житий. Это отчасти сознавал Толстой – вот запись из его дневника: "Сегодня читал часть Нагорной проповеди. Лишнего много, тяжело читать. Написано хуже Достоевского"» [233, с. 108. – *Курсив мой.* – С. III.]. Вспомним, что впоследствии Толстой предпримет попытку переписать Евангелие, соединив и избавив его от всего лишнего (мистического).

23 октября 1910 г., за две недели до смерти, в разговоре с В. Ф. Булгаковым Толстой говорит о последнем романе Достоевского: «Есть отдельные места, хорошие. Как поучение этого старца, Зосимы... Очень глубокие. Но неестественно. Что кто-то об этом рассказывает. Ну, конечно, великий инквизитор... Я читал только первый том, второго не читал» [32, т. 58, с. 541].

«В свете этих трагических событий (ухода и смерти Толстого. – С. III.) обретают глубокий смысл пометки Толстого в романе "Братья Карамазовы", который он читал, согласно записям в дневнике 12, 18, 19 октября 1910 г. Пометки, принадлежащие Толстому, содержит т.13. Книга в плохом состоянии,

переплет утрачен. Лев Николаевич с ранней молодости выработал привычку читать книги с карандашом и загибать уголки по свойственной ему манере. На с. 15 нижний уголок загнут вдвое (история жизни Аделаиды Ивановны, первой жены Ф. П. Карамазова). Загнуты уголки на страницах с жизнеописанием старца Зосимы (С. 38), выделен финал скандала и отъезд из монастыря Федора Павловича (С. 105) и др. Ограничусь перечислением страниц, на которых уголки были загнуты вдвое или были загнуты и затем расправлены – это С. 16, 198, 249, 311, 320, 354» [233, с. 108-109].

В. А. Туниманов пишет: «Толстой ценил не только "Записки из Мертвого дома", "Униженные и оскорбленные", но и "Преступление и наказание". Отрывки же из "Братьев Карамазовых" предполагал включить в "Круг чтения"» [282, с. 81]; «Толстой по меньшей мере трижды читал первый том "Братьев Карамазовых", любил поучения старца Зосимы» [282, с. 95].

Достоевский привлекал и отталкивал Толстого. Он искал в его произведениях отклик на свои мысли, но тут же противился, встречая идею, входящую в разрез с его *idée fixe*.

Отметим, что художественные образы из романа Достоевского причудливо переплетаются в сознании Толстого с воспоминаниями об ушедших в мир иной. Дневниковая запись от 26 октября 1910 г.: «Видел сон Грушенька, будто бы Ник. Ник. Страхова. Чудный сюжет» [32, т. 58, с. 123]. Через два дня, уйдя из Ясной Поляны, Толстой в телеграмме из Козельска дочери Александре, напишет: «Пришли мне или привези <...> начатые мною книги Montaigne, Николаев, 2-й том Достоевского («Братьев Карамазовых» – С. III.), Une vie» [32, т. 82, с. 216]. 29 октября в Оптиной пустыни в записную книжку под № 3 (лист 7) в список тем художественных замыслов внесет: "Роман Страхова – Грушенька-экономка"» [32, т. 58, с. 235].

Сознание Достоевского перед Уходом полно Толстым (собирается писать ему письмо), да и сознание Толстого перед Закатом тоже полно Достоевским. Не диалог ли это в потоке сознания, уходящий в вечность?

Достоевский не успел написать Толстому, но его ответ последнему был настолько необходим, что его решает дать сама жизнь. И. Л. Волгин проводит параллель между уходом Степана Верховенского в романе «Бесы» и уходом из Ясной Поляны Толстого, указывает на притягательность для обоих Великой Книги: «Толстой: именно он будет стараться – причем письменно и подробно – "исправить ошибки этой замечательной книги" (о Евангелии. – С. III.). И даже после ухода, останься он жив, он вряд ли отказался бы от устного проповедничества, более доступного для народного разумения. ("Я буду полезен и на большой дороге", – говорит Степан Трофимович.)» [95, с. 140].

В Рождество 7 января 1909 г. Толстой, прочитав домашним конец «Орла» из «Круга чтения», воскликнул: «– Хорошо, чудесно! Достоевский – серьезный писатель» [17, с. 298]. На последовавшую за этим реплику Софьи Андреевны, что они соседи в Историческом музее (комнаты Достоевского и Толстого расположены рядом), глубокомысленно заметил: «Надеюсь скоро в настоящем соседстве быть» [Там же]. «Но в том соседстве уже неуместен диалог» [93], – заключает И. Л. Волгин. К счастью, сегодня мы имеем возможность прикоснуться к вневременному Диалогу мыслителей, захватывающему в орбиту великих чувств и мыслей все новых и новых читателей.

Таким образом, вся совокупность представленных фактов и мнений исследователей говорит о неизбежности и закономерности возникновения творческого диалога между писателями, о важности этого диалога для дальнейшего развития художественной индивидуальности каждого из них. Достоевский и Толстой полностью осознают значение друг друга не только как художников слова, но и как мыслителей, чье слово обладает порой невероятной силой, влияющей на общество (о всенародной любви и признательности без сословных ограничений свидетельствовали и похороны сначала Достоевского, а затем и Толстого). Свою мировоззренческую, художественную и гражданскую позицию они как бы оттачивают в диалоге друг с другом.

§ 2. Творческие параллели в произведениях 1870-х годов

2.1. Идеино-творческие схождения и расхождения как необходимое условие диалога

Несмотря на то, что внимание к литературным трудам друг друга Достоевский и Толстой проявляли и раньше, но именно с 1870-х годов можно говорить о сознательной установке авторов на диалогичность в творчестве. Это время «зрелого» мастерства писателей: для Достоевского – последнее десятилетие жизни, для Толстого – последнее десятилетие в лоне традиционного православия. Начиная с «Анны Карениной» открывается движение «позднего» Толстого навстречу Достоевскому и берёт свое начало процесс взаимного притяжения и отталкивания художников слова. Например, в романах «Анна Каренина» и «Подросток» Толстой и Достоевский указывают на симптомы духовного распада семьи и общества и в творческом диалоге на уровне проблематики и поэтики этих произведений ищут пути его преодоления. Вместе с тем в кругу внимания литераторов оказывается целый ряд важнейших социальных, политических, философско-религиозных проблем. При этом наиболее активную, а порой и категоричную позицию в отношении гражданских и писательских предпочтений Толстого занимает Достоевский, откликаясь на мысли удаленного собеседника не только в художественных произведениях и публицистике («Дневник писателя»), но и в жанре эпистолярном.

Романы «Анна Каренина» Толстого и «Подросток» Достоевского сближает время написания (1870-е гг.), обращение к животрепещущим проблемам эпохи, с позиции не описательной (при огромной силе слова), а мировоззренческой, при которой любое социальное явление имеет не только психические, но и духовные истоки. Таким образом, писателей роднит сам способ художественного познания действительности.

В 1870-х годах Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой внимательно следят за творчеством друг друга. Во второй половине 1870-х писатели параллельно публикуют в журналах «Отечественные записки» (Н. А. Некрасова) и «Русский

вестник» (М. Н. Каткова) романы о современной жизни «Подросток» и «Анна Каренина», более того, фактически совпадает начало публикаций – 22 и 25 января 1875 года. Обратимся к публикации журнала «Гражданин» от 2 февраля 1875 (№ 5): «Петербург говорит и о „Подростке“, и об „Анне Карениной“ <...>. Оба романа появились почти одновременно в январских книжках <...>. Обратим внимание на крупный факт, совершившийся в нашей литературе» [9, т. 29 (II), с. 195]. С 1876 года Достоевский возобновляет ежемесячное издание «Дневника писателя», на страницах которого в открытой форме выражает свои взгляды по самым злободневным вопросам, неоднократно отзываясь на публикацию «Анны Карениной». Нельзя не согласиться с Н. Н. Арденсом, который пишет: «Автор "Подростка", гневно и с болью в душе раскритиковав в романе о воспитании свою современность, продолжил в "Дневнике" страстные отклики на текущие события в роли (уже вполне освоенной им) публициста и как публицист проявил <...> силу писателя, равнодушно оценивающего большие вопросы окружавшей его ломавшейся и заново укладывавшейся действительности» [39, с. 212]. Отметим, исследователи характеризуют жанровую природу «Дневника писателя» Достоевского как художественно-публицистическое произведение. Действительно, Достоевский неоднократно напоминает читателям о том, что он романист, а в «Дневнике» появляются как отдельные художественные произведения, так и художественные зарисовки органично вплетенные в ткань публицистики.

Толстой начал работу над своим романом зимой 1873 г., что следует из письма Н. Н. Страхову от 25 марта 1873 года: «... Жена принесла снизу Повести Белкина <...>. Не только Пушкиным прежде, но ничем я, кажется, никогда я так не восхищался. *Выстрел, Египетские ночи, Капитанская дочка!!!* И там есть отрывок "*Гости собирались на дачу*".

Я невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман <...> очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен...» [32, т. 62, с. 16. – *Курсив Толстого. – С. III.*]. Работа

продолжалась с большими перерывами до 1878 года, когда «Анна Каренина» вышла уже отдельным изданием.

Достоевский реализовывал свой давний замысел в «Подростке» с февраля 1874 г. по ноябрь 1875 года, в апреле 1874 года Н. А. Некрасов предложил опубликовать роман в «Отечественных записках». В первом выпуске «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский делится творческой историей своего романа: «Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и, конечно, о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении. Когда, полтора года назад, Николай Алексеевич Некрасов приглашал меня написать роман для “Отечественных записок”, я чуть было не начал тогда моих “Отцов и детей”, но удержался, и слава Богу: я был не готов. А пока я написал лишь “Подростка”, – эту первую пробу моей мысли. Но тут дитя уже вышло из детства и появилось лишь неготовым человеком, робко и дерзко желающим поскорее ступить свой первый шаг в жизни. Я взял душу безгрешную, но уже загаженную страшною возможностью разврата, раннюю ненавистью за ничтожность и “случайность” свою и тою широкостью, с которою еще целомудренная душа уже допускает сознательно порок в свои мысли, уже лелеет его в сердце своём, любит его еще в стыдливых, но уже дерзких и бурных мечтах своих...» [9, т. 22, с. 7-8].

Достоевский считал важным представить читателю в романе молодое поколение, современную русскую семью, сильно изменившуюся за двадцать лет. «Эту задачу хорошо понимал и Толстой» [42, с. 22], – подчеркивает Э. Г. Бабаев. На скрытую в самом замысле романа «Подросток» полемичность в отношении трилогии «Детство. Отрочество. Юность» и «Войны и мира» Толстого указывали Бем, К. Мочульский. Действительно, в подготовительных материалах к «Подростку» неоднократно упоминается имя Льва Толстого, вершины художественного мастерства которого («реализм художественного изображения», широкая эпическая манера повествования, отточенность фразы, тонкое проникновение во внутренний мир человека) привлекают Достоевского.

Достоевский в отличие от Толстого, холодно воспринявшего «Подростка», сразу обратил внимание на «Анну Каренину». Уязвленный нелестными отзывами критиков о «Подростке» (В. Г. Авсеенко в «Русском вестнике») и чрезмерным, по его мнению, восхищением толстовским романом А. Н. Майкова, а также друга и соратника Н. Н. Страхова, ставшего фанатичным поклонником Толстого, Достоевский написал жене 7 февраля 1875 года: «Роман довольно скучен и слишком не Бог знает что. Чем они восхищаются, понять не могу» [9, т. 29, кн. II, с. 11]. Сравним отзыв Страхова о «бесподобном» впечатлении, произведенном «Анной Карениной», в письме Толстому от 13 февраля 1875 года: «Какое-то очарование! Я видел ученых людей, которые чуть не прыгали от восторга. "Ах, как хорошо! Ах, как хорошо! Можно же так хорошо писать!"» [22, с. 58]. Достоевскому оскорбительна скупость «Русского вестника», он сообщает супруге 20 декабря 1874 г.: «Мне 250 р. не могли сразу решиться дать, а Л. Толстому 500 заплатили с готовностью! Нет, уж слишком меня низко ценят, а оттого, что работой живу» [9, т. 29, кн. I, с. 370]. Отметим, что этот факт подтверждает и Страхов в письме Толстому от 1 января 1875 года: «Приятно думать, что Вам хорошо заплатили; 20 тысяч ещё небывалая цена за роман» [22, с. 55].

Но шестая и седьмая части «Анны Карениной» изменили отношение Достоевского к роману Толстого. Из письма Страхова Толстому от 18 мая 1877 года: «Последняя часть "Анны Карениной" произвела особенно сильное впечатление, настоящий взрыв. Достоевский машет руками и называет Вас богом искусства. Это меня удивило и порадовало – он так упрямо восстановлен против Вас» [22, с. 117]. Достоевский выражает свое восхищение романом Толстого в «Дневнике писателя» за июль-август 1877 года: «"Анна Каренина" – есть совершенство как художественное произведение, <...> с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху не может сравниться...» [9, т. 25, с. 200].

Что же так восхитило Достоевского в романе Толстого? Чтобы понять глубину чувств Достоевского, обратимся к «злобе дня» на страницах

«Подростка», где нашли отражение и состояние гражданского общества, и внешнеполитическая нестабильность, и духовные и нравственные искания образованного сословия. Острые сюжетные повороты подсказывала сама жизнь: газеты сообщали о самоубийцах, детях-подкидышах и семейных скандалах, о денежных махинациях, игорных домах и подделке акций. Да и критик Н. К. Михайловский настойчиво рекомендовал взяться за беса национального богатства...

Итак, в феврале 1877 года автор «Подростка» прямо указывал на сближение проблематики своего романа с «Анной Карениной» Толстого: «У писателя – художника в высшей степени, беллетриста по преимуществу, я прочел три-четыре страницы настоящей "злобы дня", – всё, что есть важнейшего в наших русских текущих политических и социальных вопросах, и как бы собранное в одну точку» [9, т. 25, с. 51]. Н. К. Гудзий в свое время так обозначил злободневность толстовского романа: он «отзывался в нем на многое из того, что возбуждало умы русского общества и находило отклики в печати как раз в эти годы или незадолго до этого. Научные и философские проблемы, вопросы искусства, исторические политические события, отдельные правительственные мероприятия, факты общественной жизни за это время в той или иной мере подверглись обсуждению в “Анне Карениной”» [110, с. 103].

Возникает ощущение, что Толстой и Достоевский торопятся высказаться по одним и тем же проблемам. С долей ревности, а порой и раздражения воспринимается каждым полемичная к собственной позиция другого выдающегося современника, ведь в 1870-х переоценить взаимное влияние на общественное мнение было уже исключительно сложно. Отметим, что в этот период не только Достоевский был внимательным читателем и критиком Толстого, но и Толстой, в свою очередь, следил за публикациями Достоевского и участвовал в творческой полемике на страницах своих произведений.

Отметим, что оба писателя были убеждены: спасение России возможно только через возвращение к родной «почве», к традиционной духовности и здоровой нравственности народа. Не случайно Аркадий меняет

«ротшильдовскую идею» на идею «благообразия» Макара Долгорукого, а Левин обретает смысл бытия через слова крестьянина. Согласимся с мнением Г. Б. Курляндской: «Толстой и Достоевский сознавали, что духовное богатство человека во многом зависит от меры близости его к народу» [173, с. 245]. Н. Н. Арденс утверждал: «Большая любовь к родной стране и ее людям, неподдельна страсть в служении ее духовным нуждам и социальным требованиям <объединяют Достоевского и Толстого. – С. III.>» [39, с. 324-325]. Литературовед указывал на общность их интересов «к идейному содержанию окружавшей их жизни, к внутреннему миру и психологическим формам индивидуальных и общественных переживаний современных им людей, к проблемам личной и социальной морали, а вместе с тем и интересов к религиозным критериям, оказавшимся у них резко противоположными» [32, с. 325].

В «Подростке» и «Анне Карениной» писатели стремятся к «разгадке» природы человека, максимально заостряя внутренний конфликт. Г. М. Фриндлендер отметил, что в этих романах в центре художественного анализа оказывается проблема «трудного и противоречивого развития человеческой личности и её сознания» [295, с. 164]. Каждый по-своему и на разном жизненном материале Достоевский и Толстой размышляют о духовно и нравственно мятущемся человеке. Их герои (Анна и Левин; отец и сын, Версиков и Аркадий Долгорукий, воплотившие черты «героя-мечтателя») – личности рефлексивные. По точному замечанию Г. М. Фриндлендера, Анна и Левин (добавим и Аркадий) «переживают сходный путь развития “по спирали”: каждый новый виток этой спирали одновременно духовно обогащает их и ведет к кризису, усиливает ощущение нравственного “тупика”, в который они зашли, так же как современная им культура и цивилизация» [295, с. 168].

«Диалектика души» свойственна творчеству обоих писателей, но если Толстой ищет причины бед человека вовне, в недрах цивилизации (при этом признавая наличие животного и духовного начала в душе каждого человека), то Достоевский видит их первопричину исключительно внутри самого человека.

Не признавая церковного учения о первородном грехе, Толстой считает, что человек в силах измениться к лучшему по доброй воле, но ему мешают внешние условия. Достоевский же указывает на онтологическую поврежденность и порабощенность человека греху.

Мысли К. Мочульского в отношении «Легенды о Великом инквизиторе» вполне можно отнести в целом к образу человека в творчестве Достоевского: «Любовь к ближнему свойственна не падшей человеческой природе, а природе божественной. *Человеколюбец – не человек, а Бог*, отдавший Сына своего на спасение мира.<...> Никогда во всей мировой литературе христианство не выставлялось с такой поразительной силой, как *религия духовной свободы*. Христос Достоевского не только Спаситель и Искупитель, но и Единый Освободитель человека» [212, с. 534. – *Курсив Мочульского*. – С. III].

В романе «Анна Каренина» Толстой-художник, следуя жизненной правде, превалирует над Толстым-философом, поэтому не только и не столько условия жизни и окружение порождают грех и смерть. Гудзий справедливо указал, что трагедия Анны «коренится не только во внешних обстоятельствах, сопутствовавших ее жизни, но и в самих свойствах ее натуры» [110, с. 100]. Анна, как Левин, ощущает, что только строгое исполнение закона добра приносит счастье. Прав Э. Бабаев, когда пишет, что «закон добра, по мысли Толстого, требует больших нравственных усилий от каждого, чем нерассуждающая "сила зла". Духовные искания Левина не в меньшей степени, чем нравственные страдания Анны, принадлежат истории души человеческой...» [42, с. 104], так глубоко разработанной Толстым, все же надеявшимся на то, что изменение условий жизни повлечет за собой и изменение к лучшему самого человека.

По мнению же Достоевского преодолеть растущую виновность и преступность путем постройки «большого муравейника» не получится: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и

грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределены и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей *окончательных*, а есть Тот, который говорит: "Мне отмщение и аз воздам"» [9, т. 25, с. 201. – *Выделено Достоевским. – С. Ш.*]. Э. Г. Бабаев писал: «Недаром Достоевский размышления Левина о народе, его отрицание дворянской собственности, буржуазной ренты и капитала сравнивал с утопическими идеями Сен-Симона и Фурье. Достоевский прекрасно понимал, что и Толстой относится к типу "лекарей-социалистов", когда он в своем "Дневнике писателя" полемизировал с ним и его идеями...» [42, с. 46].

К. Мочульский же не без основания утверждал: «Огромная фигура Толстого преграждает литературный путь Достоевского <...>. Гений великого писателя бесспорен: автор "Подростка" должен или признать свою второстепенность, или резко отмежевать от счастливого соперника свою особую, самостоятельную область. Под влиянием идейной борьбы с Толстым Достоевский осознает свое *эксцентрическое место* в русской литературе. "Подросток" задуман как антитеза семейным хроникам дворянского писателя; идея романа становится понятной только в плане полемики с "изжившей себя помещичьей литературой". Вместо семейств "средне-высшего слоя", с таким искусством изображаемых Толстым, идут "случайные семейства", историографом которых Достоевский считает себя» [213, с. 469. – *Курсив Мочульского. – С. Ш.*].

Автор «Подростка» противопоставляет гладкому пути творчества «законченных форм» в художественных произведениях Толстого собственную поэтическую необходимость «угадывать и ошибаться». Действительно, «Достоевский не без ядовитости причисляет Толстого к деятелям "помещичьей" литературы» [39, с. 212]. Достоевский, безусловно, сам дистанцировался от всей «большой» литературы, записав 22 марта 1875 года среди набросков к «Подростку»: «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности

достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться. Что может поддержать исправляющихся? Награда, вера? Награды не от кого, веры не в кого?» [9, т. 16, с. 329].

Достоевский убежден, что в литературе настало время для его жизненной правды: «Толстой, Гончаров думали, что изображали жизнь большинства, – по моему они-то и изображали жизнь исключений. Напротив, их жизнь есть жизнь исключений, а моя есть жизнь общего правила. В этом убедятся будущие поколения, которые будут беспристрастны, *правда будет за мною*. Я верю в это» [Там же. – *Курсив мой*. – С. III.].

Достоевский горд от осознания собственной пророческой роли. К. Мочульский подчеркивал, что Достоевский первый разглядел катастрофичность и бесформенность русского общества, лишённого религиозных убеждений и нравственных устоев, бросающего человека в подполье. Его правду подтвердили будущим поколениям война и революция. Критик писал: «Все его большие романы посвящены одной теме – изображению трагического *русского хаоса*» [213, с. 468. – *Курсив Мочульского*. – С. III.].

Будущий автор «Подростка» ещё 18 (30) мая 1871 г. писал Страхову: «А знаете – ведь это все помещичья литература. Она сказала все, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого). Но это в высшей степени помещичье слово было последним. *Нового слова*, заменяющего помещичье, еще не было...» [9, т. 29 (I), с. 216. – *Выделено Достоевским*. – С. III.]. К. Мочульский утверждает: «Такое гордое сознание своей новаторской, почти революционной роли неизбежно приводит его к столкновению с величайшим представителем старого искусства – Львом Толстым» [212, с. 469].

Думается, что Мочульский слишком резко противопоставляет «Подростка» творчеству Толстого, в тени остается то, что объединяло писателей (в особенности с Толстым периода «Анны Карениной»). Не случайно же К. Н. Леонтьев обвинял Толстого и Достоевского как «новых христиан» в проповеди «мировой гармонии», противной, по его мнению, духу христианства

подлинного в отношении к миру и судьбе человечества. Достоевского с Толстым сближала вера в возможность установления гармонии общественных отношений на земле путём изменения человека. Но в представлениях о путях преображения человечества у писателей имелись различия, носящие у Достоевского сверхъестественный, а у Толстого – естественный характер (соответственно, допускающий или нет вмешательство Божие в судьбы рода людского).

Ю. В. Лебедев убедительно доказывает, что надежды на человеческую гармонию у Достоевского с 1840-х годов были связаны с идеями евангельского социалиста аббата Ламенне и трактовкой Двадцатой главы Апокалипсиса как будущего «милениума» или «хилиазма» – Тысячелетнего Царство Христа на земле с воскресшими к вечной жизни праведниками (Откр., 20, 1-5). «Между христианским социализмом Ламенне и ученьями Фурье и даже Сен-Симона (материализмом. – С. III.) существовали глубокие различия» [175, с. 178]. Достоевский принимал идею о первородном грехе, а с ней и надежду на Божественное вмешательство в судьбу человечества, Толстой же уповал не на чудесное (онтологическое) преображение твари³⁶, а на учение Христово, разумность которого должна восторжествовать в мире.

Однако рубашка «толстовства» трещала по швам, когда дело касалось литературного творчества. Н. Н. Страхов писал ему 16 (23) ноября 1875 года: «Вы не моралист, Вы истинный художник; но нравственное мирозерцание всегда отзывается в художественных произведениях, и я с изумлением и радостью вникаю в Ваши образы, следя за этим мирозерцанием. Может быть, я скажу Вам то, что Вы сами не осознаёте. Отвлечённые нравственные правила всегда узки и односторонни, и в *Ваших созданиях выражается гораздо больше, чем кто-нибудь (даже Вы сами) можете формулировать* отвлечённым языком» [22, с. 69. – *Курсив мой.* – С. III.]. И перечитывая «Войну и мир», Н. Н. Страхов обращался к Толстому 27 июля 1887 года: «Если бы я теперь

³⁶ Христоцентрическая антропология о преображении всей тварной природы (см. С. С. Хоружий. URL: http://azbyka.ru/dictionary/01/horuzhiy_k_fenomenologii_askezy_08-all.shtml).

писал свои статьи об Вас, то написал бы иначе. Я не видел тогда, что Вы уже тогда выступили мыслителем и нравоучителем, с полным мировоззрением, – так точно, как выступаете теперь. Если Вы давно не читали “Войны и мира”, то убедительно прошу и советую Вам – перечтите внимательно это первое полное выражение стремлений Вашей души; Вы увидите, что, в сущности, они те же, что и теперь, и выражены часто с бесподобною силою и ясностью. Вы вывели на сцену целую толпу людей религиозных, Вы показали, как растёт и живёт в душе религия, и какую силу она даёт людям. Несравненная книга!» [22, с. 355].

Таким образом, в произведениях Достоевского и Толстого 1870-х годов не только явственно просматриваются параллели, но и становится абсолютно очевидной ориентация авторов на диалог, порожденный глубинными онтологическими расхождениями. Для писателей это не просто спор по некоему поводу, но, прежде всего, стремление укрепить свою мировоззренческую позицию, представив её публично, ведь каждый осознает законность претензий друг друга на статус Учителей общества, а вместе с этим нарастет потребность сказать свое слово (новое), найти и выразить, наконец, так необходимую больному гражданскому обществу высшую Правду!

2.2. Тематические переключки в творчестве писателей 1870-х годов

Попробуем наглядно продемонстрировать имеющуюся у писателей возможность не только ознакомиться с публикациями друг друга, но осуществить взаимоучитывающие отклики по животрепещущим вопросам современности. Для подтверждения творческой полемики (открытого и скрытого характера), выявим и сопоставим хронологически основные темы, отраженные в публикациях писателей второй половины 1870-х гг.

В примечании к сравнительной таблице «Основные тематические направления творческого диалога Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского (хронология первых публикаций романов «Анна Каренина», «Подросток» и

«Дневника писателя» за 1876-1877 и 1880 годы)³⁷ мы выделили общие тематические блоки, характерные для творческого диалога Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого 1870-х годов. Писателей волнуют проблемы веры и религии; предназначения искусства и места художника в жизни; социальные вопросы, неотделимые от проблематики патриотической и народнической; вопрос о роли дворянского сословия в пореформенной России; внешнеполитическая проблематика; вопросы войны и мира и важнейшие для каждого человека вопросы семьи и воспитания детей. В исследовании при установлении параллелей и перекличек по первым журнальным публикациям «Подростка» и «Анны Карениной» с целью обеспечения максимальной точности в первую очередь необходимо сопоставить объемы и тексты первых журнальных публикаций и окончательного варианта романа «Анна Каренина» в редакции Н. Н. Страхова³⁸. Известно, что роман «Подросток» не подвергался правке после журнальной публикации. Для достижения хронологической точности при сравнительном анализе первых публикаций романов было важно определить и особенности выпусков журналов «Русский вестник» М. Н. Каткова и «Отечественные записки» Н. А. Некрасова, которые выходили томами по два выпуска в каждом. В Таблице-1 выделены подчеркиванием публикации, в которых авторы открыто обращаются к творчеству друг друга (1877 год).

Поясним, что Л. Н. Толстой публикует роман «Анна Каренина» на протяжении трех лет с 1875 по 1877 год включительно (13 журнальных публикаций и отдельное издание Восьмой части романа). Роман выходит с большими перерывами (в первых четырех книжках или в двух томах 1875 и 1876 года). Декабрьская публикация 1876 года предваряется и сопровождается сообщением редакции (дважды!³⁹) о причинах задержки публикации и намерении ее завершить в новом году. Отметим первоначальное горячее желание М. Н. Каткова опубликовать роман («Несмотря на то, что, по словам Толстого, работа над романом еще не движется к завершению, в конце декабря

³⁷ См. Приложение А: таблица-1. Примечание 1 // Том 2: Приложения.

³⁸ См. Там же, примечание 2.

³⁹ См. Русский вестник : журнал литературный и политический. 1876. Т. 126. С. 2; 687.

1874 года начало “Анны Карениной” оказывается уже набранным для печати и появляется в первых четырех книжках “Русского вестника” за 1875 год» [278, с. 33]) и беспрецедентность отказа журнала от последней публикации романа в связи с нежеланием автора и издателя пойти на взаимные уступки (Катков не принял резкую позицию Толстого в отношении добровольцев и славянского вопроса). Писатель забирает последнюю часть у М. Н. Каткова и передает ее в типографию Ф. Ф. Риса для публикации отдельным изданием, где осуществляется ее набор в июне 1877 г. В «Русском вестнике» за май 1877 года появляется поясняющая заметка с краткой аннотацией эпилога романа, сводящая все его содержание к великосветской линии. Безусловно «появление подобного рода статьи о романе в том же журнале, в котором этот роман был опубликован (да ещё от имени редактора) было довольно необычно для журнальной практики того времени» [278, с. 35].

Проанализируем по таблице-1 проблематику романа «Анна Каренина». Что же особенно волнует Толстого? Как видно, из 14 публикаций (в семи томах журнала) в 13-ти затрагиваются вопросы семьи, детей и воспитания (блок тем VI). Поиск нравственной и социальной опоры для всего пореформенного российского общества приводит писателя к глубоким размышлениям о судьбах высшего сословия (блок IV – 13 публикаций); о состоянии, положении и будущем общества и страны, народа и власти (блок III – 11 публикаций). К смыслообразующим вопросам веры и религии (блок I) Толстой обращается семь раз в начале и в конце первой публикации романа. (Заметим, что в «Анне Карениной», написанной незадолго до своего духовного перелома, Толстой сохраняет приверженность православной религиозной традиции.) Проблем искусства и творчества (блок II) писатель касается в феврале и апреле 1876 г. и дважды (март, июнь) в 1877 г. А вопросам войны (блок V) находится место лишь в последней главе романа (1 публикация).

Рассмотрим частотность и хронологию обращения Достоевского к различным проблемно-тематическим блокам. Так, на протяжении всей публикации романа «Подросток» в течение 1875 года («Отечественные

записки» № 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12) Достоевский обращается к актуальным социальным и общегосударственным вопросам (блок III): писателя волнуют роль русского народа в судьбах России и Европы, его высшее предназначение, смыслы труда и «особость» русского человека, политические партии, социальное устройство и общественные нравы, жажда наживы, азартные игры, трагедия бедности, порождающая развитие «подпольной» психологии, рост числа самоубийств. Не меньший интерес проявляет писатель к высшему сословию, иронично живописуя дворянство, «лучших людей» (блок IV). В шести из семи публикаций Достоевский касается вопросов веры (блок I), за исключением февральской публикации. В проблематику семьи, детства и воспитания (блок VI) писатель погружен постоянно, лишь в апрельской публикации касается этих вопросов косвенно. В январской и декабрьской публикациях автор «Подростка» уделяет внимание собственно литературному творчеству, делая упор в Третьей части Тринадцатой главы на размышлениях о творчестве писателя-романиста (блок II). Отдельным изданием роман «Подросток» выходит уже в начале 1876 г.

В таблице наглядно представлены тематические блоки, к которым авторы обращаются в одно и то же время (безусловно, это не случайно). При публикации романов писатели рассматривают параллельно (в январе, феврале и апреле 1875 г.) острые социальные и внутривластные проблемы (III), а также вопросы о судьбах высшего сословия (IV); в январе и феврале 1875 г. оба писателя погружены в семейную проблематику; а вот обращение к вопросам веры наблюдается в первой (январской) публикации обоих романов. Нерегулярностью печатания «Анны Карениной» обусловлена и некоторая очередность высказываний авторов по тем или иным актуальным проблемам.

Анализ публикаций Достоевского 1876 и 1877 годов показывает, что «Дневник писателя» был своего рода политической и гражданской трибуной автора, позволяющей свободно высказаться по волнующей, злободневной проблематике. Если в «Подростке» Достоевский в одной публикации может охватить максимум пять тематических направлений (единожды, в декабре

1875 г.), то в 11 публикациях «Дневника писателя» за 1876 год и в 10 публикациях за 1877 год большая часть номеров охватывает самые разные тематические направления. Например, шесть блоков тем объемлет номер за июль-август 1877 г.; пять направлений представлены в трех публикациях 1876 г. (апрель, июль-август и декабрь) и двух 1877 г. (февраль, май); четыре блока – трижды в публикациях 1876 г. (май, июнь, октябрь) и 1877 г. (январь, октябрь, ноябрь); на двух тематических направлениях сосредоточено внимание писателя в публикациях за май и ноябрь 1876 г. Толстой же достигает максимального панорамного охвата жизненных явлений действительности (шесть тематических направлений) в июньской публикации романа за 1877 год. Сравнительная таблица позволяет сделать выводы об актуальности различной проблематики для Достоевского в 1875–1877 и 1880 годах. Самыми болевыми являются для автора социальные вопросы, к которым автор обращается в 9 из 11 публикаций 1876 г. и 9 раз из 10 публикаций 1877 г., а также в единственной публикации 1880 г. Не меньше беспокоит в 1877 г. Достоевского внешнеполитическая и военная проблематика (9 из 10 публикаций). Этот показатель значительно выше, чем в 1876 г. (6 из 11 публикаций). Ранжирование количественных показателей позволяет утверждать, что в 1876 г. исключительно актуальным для писателя был семейный вопрос (8 обращений), по-прежнему насущными являются проблемы веры и творчества (по 7 обращений). Вопросы творчества остаются болевыми для Достоевского и в 1877 г. (7 из 10 публикаций), в это же время мы фиксируем значительное снижение внимания писателя к семейной проблематике (3 обращения из 10 публикаций). Вопрос о лучших людях представляется писателю уже не столь актуальным (3 из 11 возможных обращений в 1876 г.) по сравнению с публикацией «Подростка» (7 из 7 возможных обращений!). Примерно на этом же уровне беспокоит эта тема автора и в 1877 году (4 из 10 обращений). Социальная и военная проблематика неразрывно связаны в сознании Достоевского с вопросами веры и церкви, к

ним в 1877 г. он обращается чаще, чем в 1876 (8 из 10 возможных обращений) и в 1875 году (в «Подростке» 6 из 7 публикаций).

Возобновление Достоевским издания «Дневника писателя» (с января 1876 г.) обеспечивает синхронность обращения Толстого и Достоевского к волнующей проблематике. Выделим темы, разрабатываемые литераторами в 1876-1877 гг. В 1876 году: январь – пишут о семье; февраль – о творчестве, социальных вопросах и семейных отношениях; март – о вере и церкви, жизни человека в кругу семьи; апрель – о вере, творчестве, взглядах и жизни высшего сословия; декабрь – о вере, лучших людях и семье. В 1877 году писатели рассматривают вопросы социального и политического характера (III) в январе, феврале, марте и июле (время появления в свободной продаже отдельного издания «Анны Карениной»); о вере (I) – в апреле и июле; о высшем сословии (IV) – в феврале, июле; о семье (VI) – в апреле, июле, о войне (V) – в июле. В «Дневнике писателя» за январь, февраль и июль 1877 года Достоевский вступает в открытую полемику с Толстым. Наиболее острым и насыщенным по проблематике оказывается июльский выпуск, практически полностью ориентированный на полемику по самым разнообразным вопросам с именитым оппонентом.

Анализируя таблицу-1, вполне можно предположить, что наиболее полемичными должны быть публикации романа «Подросток» за апрель, май, сентябрь, ноябрь и декабрь 1875 г. В свою очередь, в публикациях романа «Анна Каренина» 1876–1877 годов имеется большая вероятность найти скрытые отклики на мысли Достоевского. В «Дневнике писателя», кроме явных откликов (публикации за январь, февраль, июль 1877 г.), мы предполагаем наличие и скрытой полемики с Толстым.

Обратимся к анализу таблицы-2 «Сопоставление тематики и проблематики творчества писателей»⁴⁰. На основании анализа табличных данных можно сделать вывод о наличии явных тематических связей между Достоевским и Толстым, а также о существовании объективных условий (в том числе и

⁴⁰ См. Приложение Б // Том 2 : Приложения.

временных) для реализации творческого диалога, по меньшей мере, в шести направлениях: в области веры и религии; искусства и творчества, прежде всего литературного; важных политических и острых социальных вопросов, размышлений о высшем сословии; войне и мире; семье, детях и воспитании.

На основе анализа блока I видно, что вопросы веры и религии интересуют писателей по-разному. Толстому свойственен рассудочный (головной) подход: он описывает ученый (с упоминанием авторитетных имен) спор Кознышева со склонным к материализму профессором, увязывающим бытие, сознание и ощущение. (Э. Г. Бабаев в комментариях пишет: «Кейс, Вурст, Кнаус и Припасов – имена вымышленные и пародийные» [43, с. 480]. Однако интересен тот факт, что позднее, в начале XX века, популярными становятся идеи молодого Эдгара Кейса о реинкарнации и карме в русле буддийской философии, которой Толстой интересовался.) Л. Л. Толстой вспоминал слова Льва Николаевича по этому поводу: «– Безсмертие – это сознание, – начал отец, – и все, что входит в него. И любовь, и правда, и совесть, и добро, – все это в нашей бессмертной душе ... Я вчера гулял и думал о брате Николае. Очень живо думал и спросил себя, где же он. И тогда ответил себе: если я думаю о нем, значит, он этим самым и жив и существует. Мысль, – та же бессмертная душа потому, что если бы не было мысли, то не было бы ничего» [28, с. 83]. На примере насмешливого отношения окружающих к религиозности молодого Николая Левина автор «Анны Карениной» демонстрирует деградацию «теплохладных» и «мелких» людей. Доводы науки и разума не позволяют брату Левина обрести в вере опору.

Достоевского с первых страниц «Подростка» волнует живое религиозное чувство, движущее странником Макаром и экзальтированным католиком-неофитом Версиловым. Рефреном в «Великом пятикнижии» Достоевского звучит мысль о связи нравственности и благородства с верой: «Все религии и все нравственности в мире сводятся на одно: "Надо любить добродетель и убегать пороков"» [8, т. 218, № 1, с. 81]. Отрицание веры социалистами вызывает у писателя тревогу по поводу будущего «муравейника»: «Ведь вы

Бога отрицаете, подвиг отрицаете, какая же косность, глухая, слепая, тупая, может заставить меня действовать так, если мне выгоднее иначе? <...> Что мне за дело о том, что будет через тысячу лет с этим вашим человечеством, если мне за это, по вашему кодексу, – ни любви, ни будущей жизни, ни признания за мной подвига? Нет-с, если так, то я самым пренебрежительным образом буду жить для себя, а там хоть бы все провалились!» [8, т. 218, № 1, с. 61].

Как бы намекая на увлечение Толстого идеями Руссо, Достоевский в апреле 1875 г. устами Версилова призывает Подростка верить в Бога и тут же хвалит русских атеистов, утверждая при этом: «Женевские идеи – это добродетель без Христа, мой друг, теперешние идеи или, лучше сказать, идея всей теперешней цивилизации» [8, т. 219, № 4, с. 434].

Достоевский демонстрирует жажду веры у молодежи: «Мама, милая, <...> я хочу искренно веровать, я только фанфаронил, и очень люблю Христа...» [8, т. 220, № 5, с. 156] и то, как убиваются зачатки религиозного сознания молодых ограниченным и приземленным материализмом, доминирующим в обществе. «Представь, Петр Ипполитович вдруг сейчас стал там уверять этого другого рябого постояльца, что в английском парламенте, в прошлом столетии, нарочно назначена была комиссия из юристов, чтоб рассмотреть весь процесс Христа перед первосвященником и Пилатом, единственно чтоб узнать, как теперь это будет по нашим законам, и что все было произведено со всею торжественностью, с адвокатами, прокурорами и с прочим... ну и что присяжные принуждены были вынести обвинительный приговор...» [8, т. 220, № 5, с. 146]. Достоевский противопоставляет блужданиям вокруг веры Версилова (а с ним и Левина) искреннее чувство Макара Ивановича, живущего «благообразно», благодарящего Бога подобно Иову Многострадальному и с кроткой мудростью наставляющего Подростка в вопросах веры.

В первых публикациях 1876 г. Толстой сообщает о сложном восприятии Церкви Левиным, прибегающим к таинствам по необходимости. Герой уповает на чудо, повторяя во всех испытаниях как заклинание «если Ты есть». Здесь явно прослеживаются личностные мотивы, переживания писателя.

С июня 1876 по конец 1877 и в январе 1880 г. Достоевский открыто и горячо говорит о вере со страниц «Дневника писателя». Из летних публикаций 1876 года видно, что православие для него – живая и героическая вера, тесно связанная с идеалами добра и правды, чувством патриотизма и верности престолу (в качестве зло удерживающего). Автор убежден в силе народной веры (август и декабрь 1876; январь, февраль, март 1877; август 1880 г.). Он считает католицизм врагом не только православия, России и всего славянского мира, но и самого Христа. Достоевский искренне возмущен тем, как и какую веру приобретает Левин от мужика. «Вера, которую находит Левин, приобретает религиозный смысл. Но она не имела церковной формы. Не случайно Достоевский уже в заметках о романе "Анна Каренина" заговорил об "отпадении" Толстого. Он ясно видел и то, что Левин "норовит в обособление". Прежде всего в обособление от церкви» [42, с. 45].

Блок II Таблицы-2 позволяет проанализировать взгляды писателей на искусство и творчество. Наиболее ярко тема представлена у автора «Подростка», с первых страниц которого повествователь, упоминая «красоты» романистов, намекает на Толстого. Достоевский воспринимает литературный труд как серьезную душевную работу, поэтому Аркадий в конце романа и признается, что письмом «перевоспитал себя». Пространные рассуждения о русских романистах, историографах русского родового дворянства, ещё сохраняющего «вид красивого порядка и красивого впечатления» [8, т. 221, № 6], и противопоставление им романиста, изображающего героев из случайного семейства, переводит скрытую полемику с Толстым в открытую форму. Автор «Анны Карениной» также в феврале 1876 г. пишет об особом влиянии писателей на общество. Эту тему продолжает Достоевский в «Дневнике писателя» в октябре и декабре этого же года. В январском (1877 г.) номере он напрямую обращается к творчеству Толстого, рассуждая о современной русской и всемирной (Жорж Занд) литературе. О творчестве Пушкина и «Анне Карениной» Толстого идет речь в февральской публикации 1877 г. Всего два выпуска «Дневника» посвящены Некрасову, по три –

Пушкину и Толстому. Особое место в «Дневнике» занимают два фантастических рассказа «Кроткая» (ноябрь 1876 г.) и «Сон смешного человека» (апрель 1877 г.).

Проиллюстрируем широту охвата изображаемой действительности на примере тематического блока III Таблицы-2 (политическая и социальная проблематика). В рамках этого тематического поля мысль Толстого (в поисках выхода из общего состояния духовной апатии и нравственного разложения) совершает в «Анне Карениной» некое спиралевидное движение. В начале романа мы узнаем об активной земской деятельности Левина, который, охладев к судам, школам и больницам, погружается в хозяйственно-экономические проблемы собственной усадьбы. В последних частях и Вронский реализует собственную жажду деятельности, двигаясь от благоустройства усадьбы (больница, школа) к общественным заботам (выборы губернского предводителя), в конце же романа мы узнаем о его отъезде на освободительную войну. По мнению Толстого, личное и общественное делание (в том числе решение вопросов женского образования, вопиющего социального неравенства, университетских проблем) способны сделать человека и общество лучше. Но здесь вмешивается ещё неподвластная разуму разрушительная сила, которая гнездясь в самом сердце человека, не только посягает на его жизнь (попытки самоубийства Вронского), но и отнимает её (гибель Анны).

В «Подростке» Достоевского мысль рассказчика отталкивается от фактов окружающей действительности. Бездуховность и безнравственность тесно связаны с жаждой власти и богатства, они порождают крайнее социальное расслоение, бесправие детей и двусмысленное положение женщин. В растлевающей атмосфере прогрессируют порочные страсти, в конце концов, ненависть к окружающим обращается на самого ненавидящего, который видит лишь один выход – самоубийство. Об этой страшной эпидемии повествует Достоевский. Соответствующую атмосферу романа создают и устойчивые для творчества Достоевского 1870-х годов мотивы-символы паука и жертвы («Преступление и наказание», «Подросток», «Бесы», «Братья Карамазовы»),

одинокого потерявшегося мальчика («Мальчик у Христа на ёлке», «Подросток», «Братья Карамазовы»), бегства в Америку как избавления от окружающего неблагообразия («Подросток», «Бесы», «Братья Карамазовы»). Достоевский убежден: без помощи Божией человеку и человечеству не выбраться из тьмы порабащавшего и уничтожающего греха. Так, онтологические расхождения становятся первопричиной возникновения творческой полемики двух великих мыслителей-современников.

В IV блоке представлено развитие суждений писателей о высшем сословии, наглядно демонстрирующее их противоположные позиции. С первых публикаций (январь-апрель 1875 г.) Толстой изображает жизнь аристократов: князя, графы, дворяне танцуют на балу, посещают театр и скачки, лечатся на водах; их служба и деятельность «на общее благо», светская и семейная жизнь подчинены строгому этикету, однако нравственное состояние «лучших людей» далеко от идеала, паутина лжи и корысти опутала отношения большого света.

Уже первые страницы романа Достоевского, касающиеся высшего сословия, вступают в полемику с Толстым. Автор «Подростка» изображает дворян и дворовых, отношения которых парадоксально переплетаются. В итоге рождается ребенок, незаконный сын дворянина Версилова, но по закону считающийся сыном дворового Макара Долгорукова. Настоящее страдание доставляет Подростку его «княжеская» фамилия. Версилов – натура порывистая, желающая блага крестьянству и всему человечеству, но при этом делающая несчастными близких людей. Исключительно пародийны и образы князей-идеалистов Сокольников. Фактически весь сонм героев благородных кровей «Подростка» (прежде всего наличием «широкой» совести) оттеняет нравственного, серьезного и основательного Левина, рачительного хозяина усадьбы, с которым связаны надежды Толстого на будущее России и народа. В «Дневнике писателя» Достоевский с разных сторон анализирует вопрос о «лучших людях» (честь, долг, достоинство и воспитание). В публикациях февраля 1875 г. пародией на изображенные Толстым кружки петербургского высшего света выглядит повествование Достоевского о благородном

воспитании в среде «князей и сенатских детей». В мартовской публикации Толстой рассуждает об аристократизме и демонстрирует роскошную праздную жизнь. Через месяц в апрельской публикации Достоевский парирует рассуждениями о дворянстве и подделке акций, при этом изображая гостя из «самого настоящего» высшего света. В майской публикации 1875 г. тема древности рода и подделанных акций звучит «крещендо», с насмешкой и даже издевкой, на первый план в «Подростке» выходят немецкие бароны, пекущиеся более всего о собственной репутации. В заключительных публикациях «Анны Карениной» Толстой наряду с охотой изображает дворянские выборы, клубную жизнь и, наконец, далекую от всеславянских и патриотических настроений реакцию высшего общества на войну, чем и вызывает в летнем выпуске «Дневника писателя» 1877 г. ожидаемую отповедь Достоевского, не принимающего «обособления»: «Такие люди, как автор "Анны Карениной", – суть учителя общества, наши учителя, а мы лишь ученики их. Чему ж они нас учат?» [9, т. 25, с. 223].

В V блоке Таблицы-2 представлена позиция писателей в отношении войны и мира. С июня 1876 г. на страницах «Дневника писателя» регулярно появляются заметки о Восточном вопросе и судьбе Константинополя, о страданиях болгар и зверствах турок и черкесов. Достоевский четко выражает свою позицию, поддерживая добровольческое движение и генерала Черняева. Писатель приводит большое количество доказательств сознательного отношения народа к помощи братьям-славянам. Сообщая о подвиге Фомы Данилова, воплотившего в себе лучшие черты русского человека и верного христианина, писатель, горячий патриот, воодушевляет соотечественников собственной непоколебимой верой в победу истины, добра, справедливости и веры. В апреле 1877 г. он горячо приветствует вступление России в освободительную войну, объясняя нравственные смыслы справедливой войны. Толстовское неприятие войны, в том числе и справедливой, «сниженное» представление о русском добровольческом движении в романе «Анна

Каренина» глубоко задевает Достоевского. Порой от критики литературной он переходит на критику личной позиции оппонента.

«Автор "Анны Карениной", несмотря на свой огромный художественный талант, есть один из тех русских умов, которые видят ясно лишь то, что стоит прямо перед их глазами, а потому и прут в эту точку. Повернуть же шею направо или налево, чтоб разглядеть и то, что стоит в стороне, они, очевидно, не имеют способности: им нужно для того повернуться всем телом, всем корпусом. Вот тогда они, пожалуй, заговорят совершенно противоположное, так как во всяком случае они всегда строго искренни.

Этот переворот может и совсем не совершиться, но может совершиться и через месяц, и тогда почтенный автор с таким же задором закричит, что и добровольцев надо посылать и корпий щипать, и будет говорить всё, что мы говорим...» [9, т. 25, с. 175].

Автор «Дневника писателя» доводит до абсурда развитие характера Левина, изобличая этим эгоистическое (противоречащее принципам братства во Христе) ядро любого обособления. В ноябрьском номере за 1877 г. писатель изобличает лживую политику Англии, не обходит молчанием опасность милитаристских устремлений Пруссии и агрессивную политику римского престола.

Наконец, важнейшим направлением дискуссии в романах являются вопросы семьи, отношения к детям, взгляды на их воспитание.⁴¹ Действительно, авторы как бы подвергают своих героев испытанию семьей, браком: «поэтизируются носители семейного начала – натуры добрые, самоотверженные, цельные, жизнеспособные. Это Левин, Долли, мать Подростка, Соня. Обесцениваются герои, не годные для семейной жизни, натуры бесплотные или эгоистичные. Это Вронский, Сергей Иванович Кознышев, Варенька, Стебельков, Ламберт» [235, с. 141-142].

Семья – колыбель личности, и у Толстого с самого начала «Анны Карениной» читатель видит многодетные семьи (январь 1875 – Облонские,

⁴¹ См. Тематический аспект таблица 2, блок VI.

Щербацкие), счастливые или не очень, они живут рядом со своими детьми. Левин с сердечным трепетом вспоминает жизнь в родительской семье, мечтая возродить семейное гнездо в усадьбе (февраль 1875). Однодетные семьи – Карениных, Анны и Вронского – родственными узами связаны непрочно. У Достоевского в романе сразу (январь, февраль, май, ноябрь, декабрь 1875 г.) речь идет о невольных носителях «подпольной психологии» – детях-изгоях, незаконнорожденных, лишенных общения с родителями. Для писателя это давняя тема, его волновали «...дети вообще. Дети с отцами и без отцов в особенности» [9, т. 22, с. 140].

В феврале 1875 г. Толстой изображает бездну страсти, охватившей Анну и Вронского, а в мае Достоевский далее развивает эту тему, показывая безнравственность браков по расчету и трагическую двусмысленность положения Лизы в обществе. В сентябре, ноябре и декабре автор «Подростка» пишет о парадоксах любви-страсти и её плодах, вынужденных слишком рано задумываться детях. В январе 1876 г. в романе Толстого Анна оказывается перед выбором между сыном и любовником, отдавая предпочтение последнему. Достоевский же в январской публикации «Дневника писателя» продолжает тему ребенка из «случайного семейства», изображая детей бродяг и преступников. Кульминацией развития «детской» темы является рассказ «Мальчик у Христа на елке»: реальное одиночество и холод, обступающие малолетнего героя рассказа, оттеняют душевное одиночество и обездоленность его ровесника из романа Толстого. Публикации шестой-восьмой частей «Анны Карениной» (январь, март, июнь 1877 г.) призваны были наряду с примерами разрушающейся семьи дать читателю надежду на возможное воплощение супружеского идеала в жизнь (Левины, Львовы). Достоевский, в свою очередь, в «Дневнике писателя» за 1877 г. погружает читателя в мир неприглядной житейской реальности, изображая искаженные до неузнаваемости детско-родительские отношения на примере семей Кронеберга (февраль 1876), Корниловой (декабрь 1876; апрель и декабрь 1877), Джунковых (июль-август 1877).

Сопоставление тематики отдельных глав (см. Приложение Б, таблица-2) позволило нам подтвердить наше предположение о наличии в романах диалоговых связей (см. Приложение А, таблица-1), конкретнее обозначить вопросы и время скрытой художественной полемики писателей. Приведем лишь некоторые примеры. Так, в феврале 1875 года Толстой рассказывает о социальном и нравственном расслоении в семействе Левиных – Кознышевых, опустившемся Николае, сочувствующем ему Константине и Сергее Ивановиче. Апрельская публикация 1875 г. «Подростка» также касается социальных расслоений внутри семьи Версиловых – Долгоруких (отношения между братьями и сестрами). В январском номере 1875 года Толстой, рассуждая о земстве, не может стороной обойти вопрос этнических особенностей русских. Достоевский в сентябре этого же года как бы откликается на рассуждения Толстого своими размышлениями о «широкости» русского человека, особенно женщины. Толстой рассуждает о земстве в январе и апреле 1875 года, об артели и социальном переустройстве ведут речь братья Левины в февральской публикации романа. Об отмене крепостного права, деньгах и власти идет речь в ноябрьской публикации «Подростка» за этот же год. В январе, феврале, марте и апреле 1875 г. на страницах «Анны Карениной» разворачиваются сцены из жизни высшего света. А в апрельской публикации «Подростка» появляется гость из «самого настоящего» высшего света. Пародийный мотив подхватывает и майская публикация романа, где повествуется о старейших родах и подделанных акциях. В февральской публикации романа Толстого речь идет о страсти Анны и Вронского, о разводах, о падении Анны. В майской публикации романа Достоевского – о женитьбе по расчету и положении Лизы, а в ноябрьской – о любви-страсти и её незаконных плодах. О самоубийствах пишет Достоевский в январской, февральской и декабрьской публикациях 1875 года. А в февральской публикации романа Толстого за 1876 год появляется эпизод с попыткой самоубийства Вронского.

Таким образом, в 1870-е гг. писатели стремились с возможной полнотой отразить жизнь современной им эпохи, различая за событиями внешними

духовные тенденции в развитии судеб мира и человека, при этом явно учитывая мнение друг друга. Предложенные нами Таблица-1 и Таблица-2 (см. Том 2. Приложения.) имеют достаточный потенциал для дальнейшего исследования в области творческого диалога писателей в русле как отдельных тематических направлений: веры и религии; искусства и творчества; социальных вопросов; судеб и предназначения высшего сословия; войны, мира и международной политики; семьи, детей и воспитания, так и в целом для сравнительного анализа творчества Толстого и Достоевского.

Выводы по первой главе

Сделаем необходимые выводы. Несмотря на то, что внимание к литературным трудам друг друга Достоевский и Толстой проявляли и раньше, но о сознательной установке авторов на диалогичность можно говорить именно с 1870-х годов. Это время «зрелого» мастерства писателей: для Достоевского – последнее десятилетие жизни, для Толстого – последнее десятилетие в лоне традиционного православия. В этот период складываются наиболее благоприятные условия для творческого диалога писателей. Достоевский после прочтения «Войны и мира», оценив по достоинству мастерство Толстого, желает узнать его лично, в свою очередь и Толстой испытывает потребность в контакте с выдающимся современником. Посредническую роль в этом заочном общении выполняет Н. Н. Страхов, информируя обоих писателей о личной, семейной и творческой жизни друг друга. (Позднее оба искренне сожалели о несостоявшейся встрече.) Достоевский и Толстой полностью осознают грандиозный масштаб общественного влияния друг друга, не только как художников слова, но и как мыслителей, и испытывают обоюдное желание понять причину столь невероятного признания. (Позднее всенародную (да и всесословную) любовь засвидетельствовали похороны Достоевского, а затем и Толстого.)

Необходимость в диалоге достигает кульминации в период создания «Подростка» и «Анны Карениной». Контакты романов Достоевского и

Толстого – явление объективное: их сближает время написания и публикации, обращение к животрепещущим проблемам эпохи – «злобе дня», роднит и способ художественного познания действительности, стремление разглядеть в ней приметы вечного.

Толстой и Достоевский указывают на симптомы духовного распада семьи и общества и в творческом диалоге на уровне проблематики и поэтики этих произведений ищут пути его преодоления; предметом внимания литераторов становится целый ряд важнейших социальных, политических и философско-религиозных проблем.

С долей ревности, а порой и раздражения воспринимается каждым полемичная к собственной позиция другого. Однако оба убеждены: спасение России возможно только через возвращение к родной «почве», к традиционной духовности и здоровой нравственности народа.

В романах авторы размышляют о духовно и нравственно мятущемся человеке, стремятся к «разгадке» его природы, в развитии характеров героев отталкиваются от глубинных первопричин, в их творчестве формируются новые художественные методы – «диалектика души» у Толстого и психологизм у Достоевского. Однако Толстой ищет причины личных бед, прежде всего, вне личности, в недрах цивилизации, а Достоевский, не отрицая социального фактора, видит их источник в душе самого человека.

Автор «Подростка» в период написания своего романа и далее в 1876-1877 гг. регулярно (и из-за границы) следит за публикациями «Анны Карениной» в «Русском вестнике». В подготовительных материалах к «Подростку» неоднократно упоминается имя Льва Толстого. Анализ хронологии выходов в свет произведений 1870-х показывает, что писатели имели возможность не только ознакомиться с публикациями друг друга, но осуществить взаимоучитывающие отклики по животрепещущим вопросам современности. Не случайно многие проблемы поднимаются ими практически в одно и то же время.

Автор «Подростка» противопоставляет гладкому пути творчества «законченных форм» Толстого собственную поэтическую необходимость «угадывать и ошибаться». Фактически весь сонм героев благородных кровей «Подростка» «широтой» совести оттеняет нравственного и основательного Левина, рачительного хозяина усадьбы, с которым связаны надежды Толстого на будущее России и народа. Достоевский убежден, что в литературе настало время его жизненной правды, в отношении же беспрецедентного успеха Толстого в душу автора «Подростка» проникает и некая доля ревности.

Начиная с «Анны Карениной» открывается движение «позднего» Толстого навстречу Достоевскому, который в отношении гражданских и писательских предпочтений оппонента занимает наиболее активную, иногда и категоричную позицию. Шестая и седьмая части «Анны Карениной» меняют его отношение к роману, а возобновление с 1876 года регулярного издания «Дневника писателя» обеспечивает продолжение творческого диалога. Достоевский публично и очень искренне выражает свое восхищение совершенством романа Толстого, а в январе и феврале 1877 года вступает с Толстым в открытую полемику на страницах «Дневника», острый и насыщенный июльский выпуск оказывается практически полностью ориентирован на диалог-спор по самым разнообразным вопросам с автором «Карениной».

Выявленные многочисленные параллели творчества (например, январь – декабрь 1876 и январь – июль 1877 г.) демонстрируют многоаспектность существующих диалоговых связей Достоевского и Толстого.

Достоевский неоднократно советует читать произведения Толстого, который тоже читает произведения Достоевского (особенно ценит «Записки из Мертвого дома») и рекомендует другим. Достоевский, получив от Н. Н. Страхова письмо Толстого от 26 сентября 1880 г., смущен и обрадован высокой оценкой своего творчества автором «Карениной», узнав же о религиозных поисках Толстого, решается писать ему о вере и религии, намериваясь посвятить этой проблематике «Дневник писателя» 1881 года.

Смерть Достоевского тяжело воспринял Толстой. Он не видит среди живущих писателей-современников подобного Достоевскому по глубине и искренности гражданского и всечеловеческого боления. Будучи убежденным, что более некому удерживать нравственный баланс в обществе, Толстой принимает эстафету прямой проповеди Достоевского, как бы становясь его духовным преемником, при этом всячески противится возвеличиванию последнего по причине расхождений в вопросах веры. На авансцену творчества автора «Анны Карениной» вступает публицистика. Готовя свои статьи, он обращается к творчеству Достоевского (например, перечитывает «Сон смешного человека» в «Дневнике писателя»). Толстой оценивает дар Достоевского противоречиво: ценит его серьезность и глубинную красоту, умение писать не на потребу, но подвергает критике его художественную манеру. (Достоевский учитывает свободу читательского восприятия и развития художественного образа, Толстой же предпочитает поучение.)

В последнее десятилетие жизни думы о Достоевском не отпускают Толстого, с ним он соизмеряет свои мысли и идеи, читает в периодике критические статьи и воспоминания о писателе, неоднократно перечитывает его произведения (не менее 3-х раз «Карамазовых», делает пометки, закладки) и советует это делать другим, беспокоится о наличии в народной библиотеке-читальне в Ясной Поляне всех произведений Достоевского, дополняет его цитатами сборники «Мысли мудрых людей на каждый день», «На каждый день», «Для души», «Путь жизни»; в «Круг чтения» включает отрывки из «Записок» («Недельные чтения» за май – «Смерть в госпитале», за июнь – «Орел»); в «Круге чтения» Толстой перерабатывает опыт «Дневника писателя», располагая мысли мудрых людей по темам и датам в рамках годового цикла.

Таким образом, вся совокупность представленных фактов и мнений исследователей говорит о неизбежности и закономерности возникновения художественно продуктивного и многоаспектного диалога между писателями, при том, что объективно существует почва для его реализации в разных формах (публицистической, эпистолярной, но главное – художественной, романной).

Этого диалог оказался исключительно важен для дальнейшего развития художественной индивидуальности Достоевского и Толстого. Именно в этой форме творческого общения они оттачивали свою мировоззренческую, художественную и гражданскую позицию.

В следующей главе мы уделим внимание исследованию конкретных проявлений творческого диалога Достоевского и Толстого в разных направлениях, что может помочь углубить характеристику каждого писателя, выявить особенности его мировоззрения, объяснить специфику творческого метода.

Глава 2. Творческий диалог писателей

Ограниченный объем исследования позволяет нам рассмотреть творческий диалог писателей лишь в некоторых направлениях. Мы предполагаем, что многообразные творческие связи между Толстым и Достоевским имеют причины онтологического свойства и именно философско-религиозные сходства и различия порождают как близость или неприятие позиций друг друга по важнейшим вопросам современной им действительности, так и разницу в художественном методе писателей. В художественных мирах Толстого и Достоевского имеется общее социальное истолкование конфликта (семейного, любовного); социальное уходит корнями в антропологическое, онтологическое; Достоевский более чем Толстой склонен рассматривать антиномии бытия в сфере религиозной.

§1. О «гнезде, в котором выводятся люди»⁴²

Б. Бурсов в работе «Личность Достоевского» справедливо указывает на то, что «преодоление неподлинности в людях – общая тема Достоевского и Толстого» [78, т. 2, с. 30]. Действительно, исключительное значение придают

⁴² См. Толстой Л.Н. ПСС, т. 20. С.339.

писатели дилемме истинного и наносного в отношении ключевых и глубоко личных вопросов, требующих индивидуальных ответов (любовь и семья, рождение и воспитание детей, встреча смертного часа). Писатели-мыслители творчески решают животрепещущие проблемы, двигаясь от частного к общему, от личного к общественному, справедливо полагая, что нравственное переустройство мира подвластно лишь духовно «воскресшему» человеку. Однако если Толстой убежден в том, что личная добрая воля может практически всё, а правильное воспитание вкупе с правильной естественной жизнью способны привести к душевной гармонии, интуитивно ощущаемой, то Достоевский не столь оптимистичного мнения о человеческих возможностях: он считает внутреннюю раздвоенность и хаос поврежденностью, изначально присущей роду людскому. По справедливому замечанию М. М. Дунаева, «исследование жизненного движения человека от начальной абсолютной гармонии к дисгармонии, отыскание в каждом характере в каждый конкретный момент его бытия начатков (или остатков) естественной душевной гармонии, тоска по этой гармонии – есть основное содержание едва ли не всего художественного творчества Толстого. Этим Толстой, прежде всего, отличен от Достоевского, искавшего в человеке не следы натуральной гармонии, но просвечивающий сквозь греховную помутнённость образ Божий» [88, ч. IV, с. 9].

Е. П. Порошенков указывал, что «семьей, браком у Толстого и Достоевского испытываются характеры героев: поэтизируются носители семейного начала <...>. Обесцениваются герои, не годные для семейной жизни...» [235, с. 141-142]. Мы считаем, что обращение авторов к семейной проблематике, явное сближение поэтик, выявляемое и типологически, обусловлено единством глубинных сотериологических представлений авторов. На протяжении не одного столетия русскому православному сознанию было присуще представление о равенстве двух путей спасения души: монашеском, через труд и молитву, и семейном, где личное добровольно, из любви, отдано в жертву общему. Неслучайно в монастырях традиционно окормлялся люд,

живущий в миру (с оптинскими старцами не понаслышке были знакомы Толстой и Достоевский). Простой народ не одобрял закоренелых холостяков – бобылей. По святоотеческому учению, семейный человек живет более внутренней жизнью, чем несемейный, ведь душевные движения скрыть в семье трудно, а значит и постоянно развивается нравственное чувство. Саму атмосферу семьи можно рассматривать как мирозерцание, основанное на определенной иерархии ценностей. В христианстве семья, подобно Церкви, уподобляется телу Христову: «Страдает ли один член, страдают все члены, славится ли один член, с ним радуются все члены» (1 Кор., 12, 26). Под этим углом зрения несколько иначе видятся семейные коллизии на страницах великих русских романов.

Л. Н. Толстой подчеркивал, что в романе «Анна Каренина» он любил «мысль семейную». «Семья – тот оселок, на котором проходит проверку едва ли не каждый, включая и периферийных действующих лиц "Анны Карениной"» [88, ч. IV, с. 143]. После «Войны и мира» автора романа о современной жизни волнуют непрочные человеческие связи: «Все члены семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожительстве и что на каждом *постоялом дворе случайно* сошедшиеся люди более связаны между собой, чем они...» [32, т. 18, с. 3. – *Курсив мой. – С. III.*]. Заложниками нравственного распада семейств становятся дети, бегающие по дому «как потерянные». Эта же «злоба дня» не оставляет равнодушным и Ф. М. Достоевского, записывающего: «семейство – это явление *случайное*» или «множество таких, несомненно родовых, семейств русских с неудержимой силой переходят массами в семейства случайные и сливаются с ними в общем *беспорядке и хаосе*» [9, т. 13, с. 452. – *Курсив мой. – С. III.*]. Личное и общественное связано на самом глубинном, ментальном уровне; и у Достоевского, как и у Толстого, присутствует образ-мотив *постоялого двора* как символа разъединения: «Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на *постоялом дворе* и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...» [9, т. 13, с. 54. – *Курсив мой. – С. III.*]. «Постоялый двор» и Россия, и семья, общее

проявляется в частном и наоборот... Очевидно, что оба автора как «случайные» характеризуют отношения между близкими людьми; семья, а вместе с ней и вся Россия напоминают постоялый двор, образ которого неразрывно связан с лошадьми, да и в обоих романах встречаем мы слово «порода» в значении кровного или сословного единения.

О понятиях «порода» (у Толстого) и «случайное семейство» (у Достоевского) уже говорили исследователи. Например, А. А. Жарова [131, с. 60], сопоставляя трилогию и роман «Война и мир» Толстого с «Неточкой Незвановой», «Униженными и оскорбленными», «Игроком», «Идиотом» и «Зимними заметками о летних впечатлениях» Достоевского, противопоставляет восприятие семьи писателями на основании лексической оппозиции.

Мы же, проанализировав тексты «Анны Карениной» и «Подросток» на предмет частоты употребления и лексического значения слов «порода» и «семейство», обнаружили их использование в обоих романах (см. табл. 1).

Таблица 1

Слова «порода» и «семейство» в романах «Анна Каренина» и «Подросток»

	частота употребления слов		
	порода		семейство
«Анна Каренина»	6	2	18
синонимы (значение)	род, сословие, кровь	вид (разновидность)	семья
примеры употребления	«если уже гордиться <i>породой</i> , то не следует останавливаться на Рюрике и отречься от первого родоначальника – обезьяны», «ему, хорошей <i>породы</i> <...> сделать предложение княжне Щербацкой», «мы все покорные жены, это у нас в <i>породе</i> », «каковы черногорцы? По <i>породе</i> воины»	«тасканской <i>породы</i> , что за хвост таскать» (ирония), «о лучшей <i>породе</i> скота»	«добрая мать <i>семейства</i> », «среди старого дворянского, образованного и честного <i>семейства</i> », нравственное, огромное или бедное семейство, английское или русское <i>семейство</i>
«Подросток»	2		31
синонимы (значение)	люди, принадлежащие к высшему сословию; народ		формальное образование, род, близкие родственники, семья (как с

		положительным, так и с отрицательным оттенком)
примеры употребления	«чины, предрассудки <i>породы</i> и гордости», «русские – <i>порода</i> людей второстепенная»	«уведомлял о себе " <i>семейство</i> "», «Что я " <i>честь семейства</i> ", что ли, должен спасти?», «родоначальники бывших культурных <i>семейств</i> », <i>семейство</i> князя, малое, многочисленное, русское, родовое; <i>случайное семейство</i> – 4 раза

Как видно, слово «порода» авторы используют значительно реже, чем «семейство» (в соотношении 8 к 18 у Толстого и 2 к 31 у Достоевского). Приведенные примеры показывают, что у Толстого слово «порода» употребляется не только по отношению к животным (вид), но и к людям (род, сословие, кровь), в связи с чем и приобретает дополнительный лексически сниженный оттенок (физиологическое животное начало), у Достоевского же «порода» употребляется только в отношении человека и имеет социальный оттенок. «Семейство» используется Толстым только как слово с положительным зарядом в значении «семья», «близкие родственники». У Достоевского семантический спектр шире: не только положительное и отрицательное, но прямое и переносное значения слова: формальное образование, род, близкие родственники, семья (см. строка «синонимы» раздел «Подросток» в Таблице 1). Таким образом, у Толстого чаще, чем у Достоевского, слово «семейство» употребляется в значении положительном, Достоевский же позволяет себе иронизировать по поводу этого социального образования (о «чести семейства»). У обоих авторов употребление слова «порода» применительно к человеку связано с голосом крови, определенным отбором людей, причем у Толстого «порода» всегда имеет одобрительный оттенок (см. примеры табл. 1), у Достоевского же «порода» не имеет ярко выраженного эмоционального заряда, означает либо принадлежность к определенному социальному слою, либо этническую группу.

В обстановке всеобщего хаоса обоих писателей волнует судьба нового поколения. «Юность чиста уже потому, что она – юность. Может быть, в этих, столь ранних, порывах безумия заключается именно эта жажда порядка и это

искание истины...», – говорит в романе воспитатель Подростка. Аркадий Долгорукий, «мечтатель», «случайный сын» «случайного семейства» ищет в период всеобщего «разложения» идеал, жизненный путь, который должен быть предложен «отцами». «Я – жалкий подросток и сам не знаю поминутно, что зло, что добро. Покажи вы мне тогда хоть капельку дороги, и я бы догадался и тотчас вскочил бы на правый путь» [9, т. 13, с. 217], – упрекает Аркадий «раздвоенного» Версилова. Достоевский в «Дневнике писателя» за декабрь 1876 года пишет о «расшатавшейся» семье в «известных слоях нации» и юном поколении, вынужденном самостоятельно искать идеалы и смысл жизни: «Но это-то отъединение их, это-то оставление на собственные силы и ужасно. Это вопрос слишком, слишком значительный в теперешний момент, в теперешний миг нашей жизни. Наша молодежь так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл жизни. От наших умных людей и вообще от руководителей своих она может заимствовать в наше время, повторяю это, скорее лишь взгляд сатирический, но уже ничего *положительного*, – то есть во что верить, что уважать, обожать, к чему стремиться, – а всё это так нужно, так необходимо молодежи, всего этого она жаждет и жаждала всегда, во все века и везде!» [9, т. 24, с. 51. – *Выделено Достоевским. – С. Ш.*].

Заметим, проблема ответственности старшего поколения за события настоящего волновала Достоевского на протяжении длительного времени. В августе 1878 года в письме редактору «Гражданина» В. Ф. Пуцыковичу по поводу убийства начальника III Отделения Мезенцева Фёдор Михайлович с плохо скрываемой болью пишет: «Статьи нашей печати об убийстве Мезенцева – верх глупости. Это всё статьи либеральных отцов, несогласных с увлечениями своих нигилистов детей, которые *далее их пошли*» [9, т. 30, кн. 1, с. 43. – *Выделено Достоевским. – С. Ш.*]. В семидесятниках есть хоть какая-то искренность («гнусный жир»), а в поколении 40-х годов, виновном за события 70-х, лишь теплохладность» [94, с. 19].

Современный исследователь считает «Подростка» «полюмичным откликом на педагогические изыскания Толстого (его «Азбуку». – С. Ш.)» [140, с. 81]: «За работу над романом “Подросток” Достоевский принимается в 1874 году, то есть почти сразу после выхода в свет рецензии на “Азбуку” Толстого. Если гипотеза о том, что рецензия была написана Достоевским, верна, несомненным становится тот факт, что роман “Подросток” стал продолжением тех мыслей и идей, которые возникли у Достоевского после ознакомления с “Азбукой”» [132, с. 14]. Мы же полагаем, что роман «Подросток» полемичен и в отношении «Анны Карениной». Гипертрофированное «эго» отцов болезненно отзывается в детях, «убивая» естественное нравственное чувство. Стремящийся к духовной гармонии Толстой изображает зыбкость и хрупкость человеческих связей на примере «неподлинных» отношений в семьях Облонских и Карениных, описывая при этом и семьи крепкие. У Достоевского же семьи Соколовских, Ахмаковых, Версиловых-Долгоруких заостряют общую картину «неблагообразия», автор ставит современному семейству неутешительный диагноз – «случайное».

У Толстого праздность светского общества, дурманящий блеск столицы массово порождают нравственно ущербных людей, плодящих несчастливые семьи. М. Дунаев точно именуется салонную петербургскую жизнь, описываемую Толстым, образцом ненатурального, «формального» [88, ч. IV, с. 57] существования. Свет навязывает женщине противоестественную её природе роль. На это указывает Толстой, описывая манеру дам одеваться. Вызывающе выглядят светские «львицы» Элен Курагина в «Войне и мире», жена церемониймейстера бала Егорушки Корсунского Лиди, («до невозможности обнаженная красавица» [32, т. 18, с. 84].). А вот Бетси Тверская в театре: « – Ну, *bonne chance*, – прибавила она, подавая Вронскому палец, свободный от держания веера, и движением плеч опуская поднявшийся лиф платья, с тем чтобы, как следует, быть вполне голою, когда выйдет вперед, к рампе, на свет газа и на все глаза» [29, с. 796]. Может поэтому и Версиров у Достоевского сомневается в добродетелях Катерины Николаевны: «...Несмотря

на обожание Катерины Николаевны, в нем всегда коренилось самое искреннее и глубочайшее неверие в ее нравственные достоинства» [9, т. 13, с. 446].

Развращенность, свойственная обществу 1870-х гг., во всем своем неприглядном виде предстает перед читателем на страницах «Анны Карениной» и «Подростка», особенно страшно, когда это касается жены, сестры, матери. Двусмысленно поведение Лизы Меркаловой и Сафо Штольц, поражающей «крайностью, до которой был доведен ее туалет, и смелостью <...> манер» [32, т. 18, с. 315]. Толстой пишет: «...Целый ряд случаев современных неверностей жен мужьям высшего света возник в воображении Алексея Александровича» [32, т. 18, с. 295]. В романе же Достоевского низменный Ламберт восклицает: «Они развращены до конца ногтей» [9, т. 13, с. 357]. Поведение Ахмаковой и Анны Версиловой вполне можно оценить как близкое к аморальному.

По убеждениям Толстого, только приближаясь к естественной жизни народа, крестьянскому труду и природе человек может обрести душевный мир и гармонию. Женщине природой и Богом предназначена роль любящей жены и матери, именно в этом качестве проявляются лучшие глубинные качества женской души (Наташа Ростова). Эпизод венчания Левина и Кити наполнен красотой жизни, отзвуком предвечной мировой гармонии, о которой грезил автор. Невесту переполняет «чувство торжества и светлой радости». Улыбка сияет на ее «просветлевшем лице» и Левину становится «светло и весело». Само таинство воспринимается молодыми «весело». *«Искра радости, зажегшаяся в Кити, казалось, сообщилась всем бывшим в церкви. Левину казалось, что и священнику и дьякону, так же как и ему, хотелось улыбаться.*

Сняв венцы с голов их, священник прочел последнюю молитву и поздравил молодых. Левин взглянул на Кити, и никогда он не видал ее до сих пор такую. Она была прелестна тем *новым сиянием счастья*, которое было на ее лице» [32, т. 19, с. 25. – *Курсив мой.* – С. III.].

Мать же Подростка (идеальный женский образ любящей женщины, труженицы, матери у Достоевского) и в конце романа полноты женского

счастья не обретает: «О Катерине Николаевне он как будто совершенно забыл и имени ее ни разу не упомянул. О браке с мамой тоже еще ничего у нас не сказано» [9, т. 13, с. 447]. (Любопытное совпадение: героиню Достоевского именуют так же, как и супругу Толстого – Софья Андреевна.)

Обоим писателям свойственно представление о святости семейных уз и в обоих романах нарушение обета верности сопровождается осознанием героинями собственной духовной гибели. Сопоставим отрывки из романов.

«Подросток»: «... Как она-то могла, она сама, уже бывшая полгода в браке, <...> в какие-нибудь две недели, дойти до такого греха? <...> И на такую *явную гибель*? Что *на гибель* – это-то и мать моя, надеюсь, понимала всю жизнь; только разве когда шла, то не думала *о гибели* вовсе; но так всегда у этих «беззащитных»: и знают, что *гибель*, а лезут» [9, т. 13, с. 12-13. – *Курсив мой.* – С. III.].

«Анна Каренина»: Анна все ниже опускает «*постыдную* голову», сгибается и падает. «Она *чувствовала себя столь преступною и виноватою*, что ей оставалось только унижаться и просить прощения; а в жизни теперь, кроме его, у ней никого не было, так что она и к нему обращала свою мольбу о прощении. Она, глядя на него, *физически чувствовала свое унижение* и ничего больше не могла говорить. <...> *Стыд перед духовною наготою* своей давил ее и сообщался ему. <...>

– Всё кончено, – сказала она. – У меня ничего нет, кроме тебя. Помни это.

– Я не могу не помнить того, что есть моя жизнь. За минуту этого счастья...

– Какое счастье! – *с отвращением и ужасом* сказала она, и *ужас невольно сообщился ему*. – Ради Бога, ни слова, ни слова больше.

Она быстро встала и отстранилась от него.

– Ни слова больше, – повторила она, и с странным для него *выражением холодного отчаяния* на лице она рассталась с ним» [32, т. 18, с. 157-158. – *Курсив мой.* – С. III.].

А вот абсолютное иное состояние её души до падения. Анна, впервые оказавшись в разлуке с восьмилетним Серёжей, страдает как любящая мать.

Горячее сердце готово отдавать тепло и другим: она помнит не только имена, но и особенности всех своих многочисленных племянников. Её душа спокойна и безмятежна.

Дети в романах Толстого и Достоевского страдают через пораженных грехом взрослых (прежде всего родителей), мешают им (Каренину, Анне, Версилкову). Так, ребенок в романе Толстого, чувствительный к душевному состоянию взрослых, выступает в роли «лакмусовой бумаги» по отношению к ним. В первый день пребывания Анны в Москве дети Облонских, сердечно откликаясь на душевную искренность и чистоту героини, всячески выражают к ней свое доверие и любовь. Анна «сидела окруженная детьми <...> старшие два, а за ними и меньшие, как это часто бывает с детьми, еще до обеда прилипли к новой тете и не отходили от нее. И между ними составилось что-то вроде игры, стоящей в том, чтобы как можно ближе сидеть подле тети, дотрагиваться до нее, держать ее маленькую руку, целовать ее, играть с ее кольцом или хоть дотрагиваться до оборки ее платья» [32, т. 18, с. 77]. Дети находятся с героиней на одной эмоциональной волне: к выбежавшим после чая и спорящим детям и сама Анна со смехом стремится навстречу. Она с радостью «обняла и повалила всю эту кучу копошащихся и визжащих от восторга детей» [32, т. 18, с. 79]. Однако встреча с Анной после бала, перед её отъездом в Петербург, оставляет их совершенно равнодушными. Соблазн, неосознанное принятие героиней самой возможности запретной любви нарушают её душевный покой, Анна как бы переходит на иную орбиту бытия, удаленную от чистого и невинного мира детства. В силу ли непостоянства или чуткости отношение детей к ней резко меняется: они «вдруг прекратили свою игру с тетей и любовь к ней, и их совершенно не занимало то, что она уезжает» [32, т. 18, с. 108].

А в торжественный день причащения дети Долли доверчиво и радостно встречают малознакомого Левина, у которого в отношении к ним нет притворства: «дети высказали ему дружелюбие такое же, какое они нашли на лице матери. На приглашение его два старшие тотчас же соскочили к нему и

побежали с ним так же просто, как бы они побежали с няней, с мисс Гуль или с матерью. Лили тоже стала проситься к нему, и мать передала ее ему; он посадил ее на плечо и побежал с ней» [32, т. 18, с. 282].

Как нравственный компас в бушующем житейском море воспринимается Вронским и Анной ребенок, с его «наивным взглядом на жизнь», «который показывал им степень их отклонения от того, что они знали, но не хотели знать» [32, т. 18, с. 196]. Сережа – помеха для чувственной любви матери, он интуитивно отличает искренность от фальши, правду от лжи. Сын Анны настороженно, робко и неровно относится к Вронскому, испытывающему к ребенку, «с его вопрошающим, противным» [32, т. 18, с. 195] взглядом, «чувство беспричинного омерзения» [32, т. 18, с. 196]. Мальчик, чувствуя изменившееся к себе отношение, робеет и в отношении отца. Оскорбленный Каренин «в душе своей закрыл, запер и запечатал тот ящик, в котором у него находились его чувства к семье, то есть к жене и сыну» [32, т. 18, с. 212]. Ребенок ищет защиту у матери и чуждается ранее внимательного отца, который, подтрунивая, холодно обращается к сыну: «А! молодой человек!».

Дети не ответственны за грехи родителей, но (увы!) отношение к родителям нередко переносится на детей. Трагично, когда в круг слепой ненависти между некогда родными людьми вовлекается ребенок. Вот и после признания Анны Каренин мысленно отрезает от себя жену: «Все, что постигнет ее и сына, к которому, точно так же как и к ней, переменились его чувства, – перестало занимать его. Одно, что занимало его теперь, это был вопрос о том, как наилучшим, наиприличнейшим, удобнейшим для себя и потому справедливейшим образом отряхнуться от той грязи, которою она забрызгала его в своем падении, и продолжать идти по своему пути деятельной, честной и полезной жизни» [32, т. 18, с. 294-295]. Ребёнок в семье Карениных становится разменной монетой. Не любовь и забота, а чувство мести дает ответ на вопрос о том, с кем останется мальчик после расставания родителей. Алексей Александрович безапелляционно заявляет: «Сын же мой переедет к сестре». Анна возражает:

«— Вам нужен Сережа, чтобы сделать мне больно <...> Вы не любите его... Оставьте Сережу!

— Да, я потерял даже любовь к сыну, потому что с ним связано мое отвращение к вам. Но я все-таки возьму его» [32, т. 18, с. 384].

Каренин, неплохой человек, полон решимости исполнить угрозу — требовать развода и отнять сына. Вражда супругов достигла апогея, разум помутнён и Каренин заявляет Дарье Александровне: «Я так сомневаюсь во всем, что я ненавижу сына и иногда не верю, что это мой сын» [32, т. 18, с. 414].

Достоевский же на страницах своего романа открывает читателю душу Подростка, «ибо из подростков созидаются поколения...» [9, т. 13, с. 452]. В художественном «расщепленном» мире Достоевского находится место только множеству «случайных семейств», в которых закономерно рождаются дети, уже по факту своего появления на свет ущемленные с позиции права, общественной морали и нравственности, с собственной «подпольной» психологией: «...Я законнорожденный, хотя я в высшей степени незаконный сын, и происхождение мое не подвержено ни малейшему сомнению» [9, т. 13, с. 6]. Так могла бы заговорить и Ани, дочь Анны и Вронского... Аркадий Долгорукий рассказывает о своих унижениях, полученных не только в пансионе Тушара («мучили меня лишь немножко, всего только два года» [9, т. 13, с. 62]), но и от своего брата, законного сына Версилова, который, предварительно рассмотрев его в пенсне, через лакея подает гордому и благородному брату сорок рублей: «О, эти обидчики еще с детства, еще в семействах своих выучиваются матерями своими обижать!» [9, т. 13, с. 400].

Автор рисует трагедию «сына любви», в молодой душе которого условия жизни и людская черствость провоцируют развитие ущербной психологии «пассивной ненависти и подпольной злобы» [9, т. 13, с. 268]: «...Коли уж мне сделали зло, восполнили его окончательно, оскорбили до последних пределов, то всегда тут же являлось у меня неутолимое желание пассивно подчиниться оскорблению и даже пойти вперед желаниям обидчика: "Нате, вы унизили

меня, так я еще пуще сам унижусь, вот смотрите, любуйтесь!" Тушар бил меня и хотел показать, что я лакей, а не сенаторский сын, и вот я тотчас же сам вошел тогда в роль лакея» [9, т. 13, с. 268]. Болезненное самолюбие растравляет душевную рану, и, уже повзрослев, Аркадий чуть ли не при каждом удобном случае объявляет с вызовом, что он незаконнорожденный сын Версилова, «хвалится» происхождением от дворового, за что и получает отповедь как от отца, так и от товарищей. Автор призывает к ответственности все поколение «отцов»: в конце романа воспитатель Аркадия Николай Семенович указывает на типичность подобного явления: «И таких, как вы, юношей немало, и способности их действительно всегда угрожают развиться к худшему или в молчалинское подобострашие, или в затаенное желание беспорядка» [9, т. 13, с. 453]. Подлая мысль порождает низкое слово, а то, в свою очередь, преступный поступок. Вот реакция старого князя Сокольского на рассказ заглавного героя о его бесчинствах в компании с Ламбертом: «O mon cher, этот детский вопрос в наше время просто страшен: покамест эти золотые головки, с кудрями и с невинностью, в первом детстве, порхают перед тобой и смотрят на тебя, с их светлым смехом и светлыми глазками, то точно ангелы Божии или прелестные птички; а потом... а потом случается, что лучше бы они и не вырастали совсем!» [9, т. 13, с. 28]. (Достоевский указывает на онтологическую поврежденность человека.)

Судьба «случайных» детей незавидна, материальные блага не способны заглушить потребность в ласке матери или заботе отца. «Замечу, что мою мать я, вплоть до прошлого года, почти не знал вовсе; с детства меня отдали в люди, для комфорта Версилова...» [9, т. 13, с. 10], – пишет двадцатилетний Подросток. Его дальнейшие откровения показывают всю глубину незаживающей душевной раны: «...Я мечтал о нем (об отце – С. III.) все эти годы взасос (если можно так о мечте выразиться). Каждая мечта моя, с самого детства, отзывалась им: витала около него, сводилась на него в окончательном результате. Я не знаю, ненавидел или любил я его, но он наполнял собою все мое будущее, все расчеты мои на жизнь, – и это случилось само собою, это шло

вместе с ростом» [9, т. 13, с. 16]. Аркадий оскорблен грубостью чувств «тонкого человека» Версилова, который не понимает, что «мне не дворянство версировское нужно было, что не рождения моего я не могу ему простить, а что мне самого Версирова всю жизнь надо было, всего человека, отца, и что эта мысль вошла уже в кровь мою?» [9, т. 13, с. 111].

По народным и христианским представлениям ребенок есть венец брака, благословение Божие. Традиционно как счастливую воспринимали на Руси многодетную семью. («У кого детей много, тот не забыт у Бога» или «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын».) У Долли и Стивы в начале романа Толстого пять детей, затем рождается шестой. Но Облонские лишены спокойствия и счастья. Отец семейства, находящий удовольствие в жизни холостой (противоестественной при жене и детях), неверен супруге, жажда удовольствия доминирует над долгом: «У него были холостые вкусы, только с ними он соображался» [32, т. 18, с. 274]. Вот Дарья Александровна, покраснев, кричит на улице забывчивому мужу:

«– Мне ведь нужно пальто Грише купить и Тане. Дай же мне денег!

– Ничего, ты скажи, что я отдам, – и он скрылся, весело кивнув головой проезжавшему знакомому» [32, т. 18, с. 393].

Долли – прекрасная мать и обманутая жена – вынуждена постоянно действовать «нравственно засучив рукава» [32, т. 18, с. 130]. Груз ежедневных забот по ведению хозяйства и уходу за многочисленным семейством сопровождается постоянным внутренним напряжением, невероятным терпением с целью сохранения семьи. Это отнимает не только физические, но и душевные силы. Вот в начале романа идеальная мать признается Анне: «...Я сейчас учила Гришу: прежде это бывало радость, теперь мученье. Зачем я стараюсь, тружусь? Зачем дети?» [32, т. 18, с. 74]. Во мраке нахлынувшего отчаяния женщина допускает мысли о бессмысленности деторождения, но тотчас ужасается решению Анны не иметь более детей: «И вдруг ей пришла мысль: могло ли быть в каком-нибудь случае лучше для ее любимца Гриши, если б он никогда не существовал? И это ей показалось так дико, так странно,

что она помотала головой, чтобы рассеять эту путаницу кружащихся сумасшедших мыслей» [32, т. 19, с. 215]. (Сближение творческой манеры Толстого и Достоевского в изображении противоречивого состояния героев прослеживается на протяжении всего романа «Анна Каренина».)

Толстой с нежностью описывает простое и естественное счастье материнской любви в сценах жизни в имении (подготовка к причащению, посещение церкви, сцена с пирогом за обедом, купание). Естественная жизнь Долли, проходящая в заботах о детях, близка и понятна простому люду. Ей интересен разговор с бабами и приятна их незамысловатая похвала. «Но хлопоты и беспокойства эти были для Дарьи Александровны единственно возможным счастьем <...> как ни тяжелы были для матери страх болезней, самые болезни и горе в виду признаков дурных наклонностей в детях, – сами дети выплачивали ей уж теперь мелкими радостями за ее горести. <...> Она не могла не говорить себе, что у нее прелестные дети, все шестеро, все в разных родах, но такие, какие редко бывают, – и была счастлива ими и гордилась ими» [32, т. 18, с. 276].

Долли собирается с детьми в церковь, её внутреннее состояние отражается и во внешнем облике: «Дарья Александровна причесывалась и одевалась с заботой и волнением <...>. Теперь она одевалась не для себя, не для своей красоты, а для того, чтоб она, как мать этих прелестей, не испортила общего впечатления. И, посмотревшись в последний раз в зеркало, она осталась довольна собой. Она была хороша. Не так хороша, как она, бывало, хотела быть хороша на бале, но хороша для той цели, которую она теперь имела в виду» [32, т. 18, с. 277-278].

Достоевского беспокоит состояние души детей, обделенных в правах с рождения. В мае 1875 автор рассказывает о четырех детях Версилова (из двух семей), разделенных правами рождения. Нравственная «коррозия» разъедает все слои общества, при этом страдают дети и законные, и незаконные. Подросток подчеркивает эту разницу в разговоре с сестрой Лизой, позволившей себе любовь с князем Сергеем Сокольским: «...Мы не дворяне, а он князь и

делает там свою карьеру; он нас, честных-то людей, и слушать не станет. Мы даже и не братья с тобой, а незаконнорожденные какие-то, без фамилии, дети дворового; а князя разве женятся на дворовых? О, гадость!» [9, т. 13, с. 237].

В романе присутствуют и другие образы несчастных детей из «случайных семейств»: подкидыш Риночка, грудной ребенок безумной Лидии Ахмаковой, одинокий и испуганный малыш, встреченный Подростком на петербургской улице. Горькая участь этих детей будоражит личную и общественную совесть. Достоевский ещё вернется к этому вопросу в «Дневнике писателя» в январе 1876 года («Мальчик у Христа на ёлке»).

Вопросы воспитания занимают Толстого с 1870-х годов особенно. Толстой дает пример высоконравственного отцовства: дипломат Львов, оставивший службу в заботе о наилучшем воспитании детей, пристально наблюдает за их образованием. Образцовый отец так определяет собственную педагогическую позицию: «Только бы были лучше меня. Вот все, чего я желаю» [32, т. 19, с. 259]. Однако и в этой семье духовный центр смещён. В обществе произошел перекосяк в детско-родительских отношениях. Члены семьи смотрят уже не в одном направлении (Бога), а пристально вглядываются друг в друга, каждый оказывается под пронизательным взором, как под увеличительным стеклом. Не в этом ли причина и неудовлетворенности Левина в первое время семейной жизни? Супруга Львова указывает на перегибы в педагогике мужа, вспоминая воспитание в родительской семье: «...Нас держали в антресолях, а родители жили в бельэтаже; теперь напротив – родителей в чулан, а детей в бельэтаж. Родители уж теперь не должны жить, а все для детей» [32, т. 19, с. 260].

Но в обществе имеется и другая крайность: самоустранение родителей от воспитания детей. Вот идеал Стивы Облонского: «В Петербурге дети не мешали жить отцам. Дети воспитывались в заведениях, и не было этого, распространяющегося в Москве – Львов, например, – дикого понятия, что детям всю роскошь жизни, а родителям один труд и заботы. Здесь понимали, что человек обязан жить для себя, как должен жить образованный человек» [32, т. 19, с. 307]. Вопросы нравственного воспитания детей ставят на первое место

милые сердцу автора Левин и Львов, который считает невозможным достижение результатов на этом поприще без помощи религии. А вот Облонский восхищен революционным педагогическим примером князя Чеченского, имеющего законную и незаконную семьи, который «чувствовал себя счастливее во второй семье» [Там же]. Князь, под видом отцовского воспитания, с негласного одобрения света, фактически развращает собственных детей: «И он возил своего старшего сына во вторую семью и рассказывал Степану Аркадьичу, что он находит это полезным и развивающим для сына» [Там же].

На страницах романа нашли место актуальные и в XIX-м веке вопросы образования: как, с какого возраста, когда и где уместно обучать детей иностранному языку. Вот реакция Левина, будущего «идеального» отца, на методы обучения французскому детей Долли: «Девочка хотела сказать, но забыла, как лопатка по-французски; мать ей подсказала и потом по-французски же сказала, где отыскать лопатку. И это показалось Левину неприятным. Все теперь казалось ему в доме Дарьи Александровны и в ее детях совсем уже не так мило, как прежде. "И для чего она говорит по-французски с детьми? подумал он. – Как это неестественно и фальшиво! И дети чувствуют это. Выучить по-французски и отучить от искренности", – думал он сам с собой, не зная того, что Дарья Александровна все это двадцать раз уже передумала и все-таки, хотя и в ущерб искренности, нашла необходимым учить этим путем своих детей». [32, т. 18, с. 286].

В рассуждениях Константина Левина, утешающего Долли, расстроенную дракой детей, слышны некоторые отзвуки идей Руссо: «"Нет, я не буду ломаться и говорить по-французски со своими детьми, но у меня будут не такие дети: надо только не портить, не уродовать детей, и они будут прелестны. Да, у меня будут не такие дети"» [32, т. 18, с. 287].

В романе Достоевского, полемичного в основных позициях толстовской педагогике, возрастание главного героя соотносится с тремя пространственно-

временными пластами сюжета: младенчество в деревне, раннее отрочество в Москве, отроческий (подростковый) период в пансионе Тушара.

Незаконнорождённый ребенок искусственно оторван от матери, помещен в противоестественные условия чужеродного окружения. И это не исключение, а правило «разорванных связей». Подросток сообщает о пребывании Версилова в деревне: «Маленькие дети его были не при нем, по обыкновению, а у родственников; так он всю жизнь поступал с своими детьми, с законными и незаконными» [9, т. 13, с. 7]. Ощущения Аркадия от собственно детства далеки от идиллических: «Я был как выброшенный и чуть не с самого рождения помещен в чужих людях» [9, т. 13, с. 14]. В разговоре с сыном отец демонстрирует безразличие и чрезвычайное невнимание к его переживаниям, спрашивая: «... Ведь ты, кажется, в Москве проживал... если не ошибаюсь» [9, т. 13, с. 88].

Перипетии детства героя целиком определяются посторонними лицами, его опекающими. В деревне мальчик жил до семилетнего возраста у покойной тетушки Версилова Варвары Степановны, в памяти ребенка осталось одно отрадное мгновение, связанное с матерью, «когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно...» [9, т. 13, с. 92].

Поиск дороги спасения и смысла лейтмотивом проходит через весь роман Достоевского (как и через роман Толстого – мотив-образ железной дороги). В «Подростке» пространственно-предметные образы голубя, причастия в деревенской церкви, потира со Святыми Дарами, связанные в детском сознании с образом матери, исполняют роль путеводных знаков: только следуя законам традиционной народной веры можно обрести благообразие. «Голубь» – символ чистоты и невинности души – заостряет крайние противоречия жизни между свободой полета птицы и несвободой ребенка и матери быть вместе. Заметим, что в романе 28 раз употребляется обращение «голубчик», призванное передать сердечное расположение говорящего. Церковное таинство – приобщение души человека к источнику Любви, к Создателю, диссонирует с «неподлинностью»

жизни ребенка, лишенного материнской любви. Одним из ведущих мотивов в романе является мотив страдающей и одинокой детской души. Образ чаши как символ испытаний главного героя – восходит к евангельскому первообразу (Гефсиманской чаше).

Аркадий после семилетнего возраста проживает в Москве у Андронниковых, много читает, декламирует, учит французский. Мальчик восхищен и очарован единственной встречей с отцом, сыгравшим роль Чацкого. Ни одна мельчайшая деталь костюма или движения родителя не ускользают от ока и «возвеселившегося» сердца мальчика. Но вот его, «влюбленного и невинного», свезли в пансион Тушара, где хозяин, «человек глубоко необразованный», бывший сапожник, не получив за происхождение ребенка дополнительного вознаграждения, его третирует: «"Ты не смеешь сидеть с благородными детьми, ты подлого происхождения и все равно что лакей!" И он пребольно ударил меня по моей пухлой румяной щеке. Ему это тотчас же понравилось, и он ударил меня во второй и в третий раз» [9, т. 13, с. 97]. Тушар употребляет мальчика как прислугу, «князья и сенаторские дети» его презирают... Не понимая, что он не ровня остальным, мальчик ищет вину в себе, стремится угодить Тушару. «Школа была хорошая», с горечью констатирует Подросток. Он пытается убежать, но пугается... И с высоты своего двадцатилетия заключает: «Вот с самой этой минуты, когда я осознал, что я, сверх того, что лакей, вдобавок, и трус, и началось настоящее, правильное мое развитие!» [9, т. 13, с. 99]. В пансионе, в развращающем окружении законнорожденных, Аркадий получает первые уроки безнравственности. Боясь издевок товарищей, он не смеет проявить сыновние чувства при единственном посещении матери. Страдая, обливаясь слезами, ребенок шепчет потом: «"Мамочка, мама, раз-то в жизни была ты у меня... Мамочка, где ты теперь, гостя ты моя далекая? Помнишь ли ты теперь своего бедного мальчика, к которому приходила... Покажись ты мне хоть разочек теперь, приснись ты мне хоть во сне только, чтоб только я сказал тебе, как люблю тебя, только чтоб обнять мне тебя и поцеловать твои синенькие глазки, сказать тебе, что я совсем

тебя уж теперь не стыжусь, и что я тебя и тогда любил, и что сердце мое ныло тогда, а я только сидел как лакей. Не узнаешь ты, мама, никогда, как я тебя тогда любил! Мамочка, где ты теперь, слышишь ли ты меня? Мама, мама, а помнишь голубочка в деревне?.."» [9, т. 13, с. 273-274].

Достоевский детализирует процесс самовоспитания, закалки воли и характера Подростка, доходящего до крайней степени аскетизма ради проверки своих возможностей и «идеи».

Писатели отзываются на проблемы детей и их воспитания не только художественным словом. Лев Толстой учреждает школу для яснополянских детей и пишет знаменитую «Азбуку», а Достоевский обращается к широкому общественному мнению на страницах «Дневника писателя», пытаясь через публицистику достучаться до сердец и совести своих читателей, к этому времени уже весьма многочисленных.

Отцы ответственны за воспитание детей (и за будущее народа и государства!), эта тема рефреном звучит в «Анне Карениной» и «Подростке», в «Дневнике писателя» за 1876 и 1877 годы. Влияние Версилова на Подростка значительно, Аркадий «раздваивается» в его оценках, он ищет либо подтверждения наилучшим своим ожиданиям, либо со всем пылом юности жаждет благородства. Отношение в «свете» к отцу, неоднозначность его поведения – всё представляет для Подростка тайну, которую жизненно необходимо разгадать. В зависимости от открытия темной или светлой сторон Версилова, меняется отношение к нему сына. Молодой человек опорочил отца в глазах Оли, затем выражает готовность драться за него на дуэли с князем Сергеем Сокольским, поражается способностям Версилова «читать» его собственные затаенные мысли и, вдруг умилившись, с жадностью бросается целовать руку отца, ибо «...сей человек "был мертв и ожил, пропадал и нашелся!"» [9, т. 13, с. 152]. Верхом счастья для Подростка являются откровенные беседы с Андреем Петровичем, который неожиданно намекает на причину собственного неумения жить семейной жизнью: «Видишь, друг мой, я давно уже знал, что у нас есть дети, уже с детства задумывающиеся над своей

семьей, оскорбленные неблагообразием отцов своих и среды своей. <...> Я всегда воображал тебя одним из тех маленьких, но сознающих свою даровитость и уединяющихся существ. *Я тоже, как и ты*, никогда не любил товарищей. Беда этим существам, *оставленным на одни свои силы и грезы* и с страстной, слишком ранней и почти мстительной жаждой благообразия, именно “мстительной”» [9, т. 13, с. 373. – *Курсив мой.* – С. Ш.].

Есть люди способные к семейной жизни и не способные к ней. Что это? Дар свыше или плод родительского воспитания? Толстой считает это результатом воспитания (сказалась увлеченность Руссо – ребенок как чистый лист бумаги). В то же время отметим справедливость мнения А. В. Чичерина, утверждавшего, что Толстой, считая детство «светлой и поэтической» порой, не идеализировал его, как Руссо. Ведь «и злые чувства, и проявления барства, и вспышки грубой чувственности, и лень, и позёрство, и ложь – ничто не скрыто. “Чистота нравственного чувства”, о чём так горячо говорил Чернышевский, не в совершенной невинности героя, а в ясности его самосознания, в той нравственной борьбе, которая в нём идёт, в силе сопротивления всему дурному, которая крепнет, в диалектике его души» [303, с. 335].

И все же позиция Достоевского по вопросу детства явно полемична толстовской. Он уверен в онтологической поврежденности человеческой природы (поэтому дети и «нежного» возраста порой демонстрируют низость, вспомним «князей и сенаторских детей» в пансионе Гушара).

Неспособные к семейной жизни герои «Анны Карениной» в детстве и юности были лишены семьи. Анна и ее брат Стива были воспитаны теткой. Каренина с десяти лет воспитывал дядя, важный чиновник. Вронский «никогда не знал семейной жизни. Мать его была в молодости блестящая светская женщина, имевшая во время замужества, и в особенности после, много романов, известных всему свету. Отца своего он почти не помнил и был воспитан в Пажеском корпусе» [32, т. 18, с. 61]. Увы, по понятиям своего круга и воспитанию, он, внешне проявляющий покорность и почтительность к

родительнице, «в душе своей не уважал матери и, не отдавая себе в том отчета, не любил ее» [32, т. 18, с. 66].

Левин, свято хранящий в душе идеальный образ собственной матери, «...прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитейских дел; для Левина это было главным делом жизни, от которого зависело все ее счастье» [32, т. 18, с. 101]. Сестры Щербацкие, прекрасные жены и матери, выросли в любви и благодарны своим родителям.

Семьи, выведенные в романе, можно разделить на две категории «благообразные» и «неблагообразные» (словами Достоевского), эта классификация тесно связана в романах Толстого 70-х годов с мотивами «естественного» и «неестественного».

Толстой верит в гармонию человеческой жизни, поэтому с умилением описывает автор отношения в семье Щербацких, споры родителей по поводу выбора жениха для Кити. Князь в силу проницательности родительской любви чувствует серьезность намерений Левина и не доверяет «тютюку» Вронскому, считая его «франтиком петербургским», которых на машине делают. Гневается на супругу: «Я не думаю, а знаю; на это глаза есть у нас, а не у баб. Я вижу человека, который имеет намерения серьезные, это Левин; и вижу перепела, как этот шелкопер, которому только повеселиться» [32, т. 18, с. 60]. Отцовскую беззаветную любовь, струящуюся из голубых, добрых глаз сердцем чувствует Кити: «Ей всегда казалось, что он лучше всех в семье понимает ее, хотя он мало говорил с ней» [32, т. 18, с. 128]. И в гневе старичков Щербацких «не заходит солнце», их связывает взаимная любовь и преданность: «И, перекрестив друг друга и поцеловавшись, но чувствуя, что каждый остался при своем мнении, супруги разошлись» [32, т. 18, с. 61].

Образ идеальной семьи, запечатленный с детства в сознании дочерей, помогает им во взрослой жизни. В благочестивой семье Львовых Натали приводит в пример воспитание в родительском доме. В родительской любви

черпает силы Долли для примирения с мужем. Она не может по-другому относиться к своим детям, потому что сама не знала примеров иного отношения. Кити, поддержанная в период болезненного разочарования в любви Вронского («Сердце её было разбито» [32, т. 18, с. 126]) и исцеленная семейным вниманием, стремится отдать любовь и заботу больным скарлатиной детям Долли. Щербацкие верны благочестивым традициям брака. Радуюсь, со слезами на глазах, дают они родительское благословение на брак Кити. В семье горе одного – общее горе, а счастье одного – общее счастье. «Княгиня подошла к мужу, поцеловала его и хотела идти; но он удержал ее, обнял и нежно, как молодой влюбленный, несколько раз, улыбаясь, поцеловал ее. Старики, очевидно, спутались на минутку и не знали хорошенько, они ли опять влюблены, или только дочь их» [32, т. 18, с. 427].

Неестественными, ущербными на фоне семьи Щербацких смотрятся взгляды на брак, семейную жизнь и роль мужа у Вронского. «Женитьба для него никогда не представлялась возможностью. Он не только не любил семейной жизни, но в семье, и в особенности в муже, по тому общему взгляду холостого мира, в котором он жил, он представлял себе нечто чуждое, враждебное, а всего более – смешное» [32, т. 18, с. 62]. Нравственное разложение (коррозия) проникло вглубь высшего света. Бетси в разговоре с легкостью овеществляет мужа приятельницы: «Муж? Муж Лизы Меркаловой носит за ней пледы и всегда готов к услугам. А что там дальше в самом деле, никто не хочет знать. Знаете, в хорошем обществе не говорят и не думают даже о некоторых подробностях туалета. Так и это» [32, т. 18, с. 314].

Вронский, совершая подлость в отношении Кити, не способен осознать греховность своего чувства. «Ему и в голову не приходило, чтобы могло быть что-нибудь дурное в его отношениях к Кити <...> Он не знал, что его образ действий относительно Кити имеет определенное название, что это есть заманиванье барышень без намерения жениться и что это заманиванье есть один из дурных поступков, обыкновенных между блестящими молодыми людьми, как он. Ему казалось, что он первый открыл это удовольствие, и он

наслаждался своим открытием» [32, т. 18, с. 61-62]. Стива Облонский тоже не способен осознать собственные измены как предательство в отношении жены, семьи: «Ему даже казалось, что она, истощенная, состарившаяся, уже некрасивая женщина и ничем не замечательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости должна быть снисходительна» [32, т. 18, с. 5]. Вот как, успокаивая безутешную Долли, характеризует брата Анна: «Эти люди делают неверности, но свой домашний очаг и жена – это для них святыня. Как-то у них эти женщины остаются в презрении и не мешают семье» [32, т. 18, с. 75]. Беззаботный и легкомысленный Степан Аркадьевич, отец шестерых детей с холостыми привычками, не желая зла, наносит непоправимую душевную рану преданной супруге.

«Я с воспитанием татап не только была невинна, но я была глупа. Я ничего не знала <...> Степан Аркадьич ничего не сказал мне. Ты не поверишь, но я до сих пор думала, что я одна женщина, которую он знал. Так я жила восемь лет. Ты пойми, что я не только не подозревала неверности, но что я считала это невозможным, и тут, представь себе, с такими понятиями узнать вдруг весь ужас, всю гадость... Ты пойми меня. Быть уверенной вполне в своем счастье, и вдруг...» [32, т. 18, с. 73]. Долли ради детей ищет с помощью Анны душевные силы для прощения измены, из собственных высоконравственных убеждений находит оправдания неверному супругу: «...Положение его ужасно; виноватому хуже, чем невинному, – сказала она, – если он чувствует, что от вины его все несчастье» [32, т. 18, с. 74]. Однако удержаться на вершине христианского смиренномудрия непросто. Оскорбленная Долли испытывает приступы ненависти: «Ужасно то, что вдруг душа моя перевернулась и вместо любви, нежности у меня к нему одна злоба, да, злоба. Я бы убила его и...» [32, т. 18, с. 74-75]. Долли простила Стиву, и тот весь вечер за семейной беседой был «доволен и весел, но настолько, чтобы не показать, что он, будучи прощен, забыл свою вину» [32, т. 18, с. 80. – *Курсив мой.* – С. III.]. Одним штрихом «сердцеведец» Толстой показывает легковесность чувств Степана Аркадьевича. Внешнее теснейшим образом связано с внутренним,

нескончаемое внутреннее движение (глубинное и поверхностное) неизбежно выплескивается наружу. И вот, следуя законам «диалектики души», наступившее примирение в семье Облонских оказалось недолговечным: «Спайка, сделанная Анной, оказалась непрочна, и семейное согласие надломилось опять в том же месте» [32, т. 18, с. 128].

Измена наносит кровоточащую рану семье, которая может оказаться и смертельной для брака. Не может смириться с преступлением жены и Каренин. Алексей Александрович вспоминает «все известные случаи разводов (их было очень много в самом высшем, ему хорошо известном обществе)» [32, т. 18, с. 296]. Толстой описывает всю гамму тончайших душевных переживаний героя: волнение, нарастающую тревогу, душераздирающую ревность, трагедию потери родного человека и крушения домашнего очага, отстраненность, ненависть и жажду мщения, боль и жалость к ней, вершину благородства, основанного на воплощенной в жизнь христианской морали, неблагодарность жены, крушение надежд и подвиг христианского милосердия...

В романе «Анна Каренина» семьи Левиных, Щербацких и Львовых, сохраняющие благообразие и дающие надежду на будущее, выведены в противовес «неблагообразным» Карениных, Вронского, Облонских. Первые шаги Константина Левина и Кити на поприще семейной жизни делаются в атмосфере взаимной любви и доверия. И хотя автор, проведя героев через тернии взаимного недовольства, обид и ревностей, оставляет их на пути друг к другу, читатель понимает, что эта школа любви приведет их к «естественной» семейной гармонии.

Роман «Подросток» – художественный ответ противника Руссо и «реалиста в высшем смысле» [9, т. 27, с. 65] всему творчеству Толстого (семейным хроникам, «Войне и миру...»), с его многочисленными «благообразными» семьями. Достоевский именует семью без прочных внутренних связей, часто и не скрепленную таинством венчания, «случайным семейством», основанным, в лучшем случае, на любви-страсти. В «Дневнике писателя» за 1877 г. читаем: «Современное русское семейство становится всё

более и более *случайным* семейством. Именно *случайное семейство* – вот определение современной русской семьи. Старый облик свой она как-то вдруг потеряла, как-то внезапно даже, а новый... в силах ли она будет создать себе новый, желанный и удовлетворяющий русское сердце облик? Иные и столь серьезные даже люди говорят прямо, что русского семейства теперь "вовсе нет". Разумеется, всё это говорится лишь о русском интеллигентном семействе, то есть высших сословий, не народном. Но, однако, народное-то семейство – разве теперь оно не вопрос тоже?» [9, т. 25, с. 173].

Все семьи в романе относятся к разряду «случайных». «Лучший» человек Версилов имеет две семьи, и незаконные и законные дети фактически лишены отца. Законные сын и дочь, воспитанные родственниками по материнской линии, впитали, вместе со светским лоском, пороки высшего общества: лживость, корыстолюбие, тщеславие... Незаконная семья находится в противоестественном положении, де-юре отцом семейства является бывший дворовый господ Версиловых Макар Долгорукий, «странник», периодически навещающий семью и поддерживающий переписку с матерью Подростка. «Образовались какие-то странные отношения, отчасти торжественные и почти серьезные. В господском быту к таким отношениям непременно примешалось бы нечто комическое, я это знаю; но тут этого не вышло. Письма присылались в год по два раза, не более и не менее, и были чрезвычайно одно на другое похожие. <...> Писал Макар Иванович из разных концов России, из городов и монастырей, в которых подолгу иногда проживал. Он стал так называемым странником. Никогда ни о чем не просил; зато раз года в три непременно являлся домой на побывку и останавливался прямо у матери...» [9, т. 13, с. 13-14]. Двусмысленна также и роль в семье Андрея Петровича: живя с Софьей, Версилов сначала просит у неё благословения на брак с сумасшедшей Лидией Ахмаковой под предлогом, что та «не женщина», затем, не в силах совладать со всепожирающей страстью, делает предложение Екатерине Николаевне, в конце романа «блажник» опять возвращается к «старой няньке», матери Подростка. Браки заключаются либо по расчету, либо по страсти. Без примеров семейного

«благообразия» будет ли способно молодое поколение Версиловых-Долгоруких создать в свою очередь счастливые семьи?.. Ведь отношения противоестественности и неправды уже омрачают отношения Лизы Долгорукой с князем Сергеем и сопровождают попытку Анны Андреевны заключить брак с её благодетелем старым князем Сокольским.

И если Толстой «прокладывает» своим героям путь к жизненной гармонии через семью, то Достоевский этот путь четко не обозначает, спасительное движение возможно только в глубине каждой души. Автор «Подростка» в отличие от Толстого считает не достижимой на земле идею человеческого единения. В мире, где каждый ответствен за всех и за всё, не может быть абсолютной гармонии и счастья. Г. В. Мосалева именуется слова Достоевского «Все за всех виноваты» духовным законом личной и общей ответственности за происходящее, содержащим ключ «к пониманию единства соборного сознания народа, направляемого им к преодолению исторического и духовного кризиса» [210, с. 262]. Однако отношение детей в семье друг к другу есть необходимый урок для построения собственной гармоничной семьи. Толстой склонен к идеализации этих отношений, а Достоевский, в противовес «утопизму» Толстого, изображает в «Подростке» мимолетность братско-сестринского единства между Аркадием и Лизой:

«— Ах, как жаль! Какой жребий! Знаешь, даже грешно, что мы идем такие веселые, а ее душа где-нибудь теперь летит во мраке, в каком-нибудь бездонном мраке, согрешившая, и с своей обидой... Аркадий, кто в ее грехе виноват? Ах, как это страшно! Думаешь ли ты когда об этом мраке? Ах, как я боюсь смерти, и как это грешно! Не люблю я темноты, то ли дело такое солнце! Мама говорит, что грешно бояться... Аркадий, знаешь ли ты хорошо маму?

— Еще мало, Лиза, мало знаю.

— Ах, какое это существо; ты ее должен, должен узнать! Ее нужно особенно понимать...

— Да ведь вот же и тебя не знал, а ведь знаю же теперь всю. Всю в одну минуту узнал. Ты, Лиза, хоть и боишься смерти, а, должно быть, гордая,

смелая, мужественная. Лучше меня, гораздо лучше меня! Я тебя ужасно люблю, Лиза <...> Ты и мама – у вас глаза проникающие, гуманные, то есть взгляды, а не глаза, я вру... <...> Как хорошо на тебя смотреть сегодня. Да знаешь ли, что ты прехорошенькая? Никогда еще я не видал твоих глаз... Только теперь в первый раз увидел... Где ты их взяла сегодня, Лиза? Где купила? Что заплатила? Лиза, у меня не было друга, да и смотрю я на эту идею как на вздор; но с тобой не вздор... Хочешь, станем друзьями? Ты понимаешь, что я хочу сказать?..

– Очень понимаю.

– И знаешь, без уговору, без контракту, – просто будем друзьями!

– Да, просто, просто, но только один уговор: если когда-нибудь мы обвиним друг друга, если будем в чем недовольны, если сделаемся сами злы, дурны, если даже забудем все это, – то не забудем никогда этого дня и вот этого самого часа! Дадим слово такое себе. Дадим слово, что всегда припомним этот день, когда мы вот шли с тобой оба рука в руку, и так смеялись, и так нам весело было... Да? Ведь да? <...>

– Ох, ты очень смешной, ты ужасно смешной, Аркадий! И знаешь, я, может быть, за то тебя всего больше и любила в этот месяц, что ты вот этакий чудак. <...>

– Ты смотришь?

– Да и ты смотришь. Я на тебя смотрю и люблю тебя.

Я довел ее почти вплоть до дому и дал ей мой адрес. Прощаясь, я поцеловал ее в первый раз еще в жизни... <...>

И все бы это было хорошо, но одно только было нехорошо: одна тяжелая идея билась во мне с самой ночи и не выходила из ума. Это то, что когда я встретился вчера вечером у наших ворот с той несчастной, то сказал ей, что я сам ухожу из дому, из гнезда, что уходят от злых и основывают свое гнездо и что у Версилова много незаконнорожденных. Такие слова, про отца от сына, уж конечно, утвердили в ней все ее подозрения на Версилова и на то, что он ее оскорбил. Я обвинял Стебелькова, а ведь, может быть, я-то, главное, и подлил

масла в огонь. Эта мысль ужасна, ужасна и теперь... Но тогда, в то утро, я хоть и начинал уже мучиться, но мне все-таки казалось, что это вздор: “Э, тут и без меня "нагорело и накипело", – повторял я по временам, – э, ничего, пройдет! Поправлюсь! Я это чем-нибудь наверстаю... каким-нибудь добрым поступком... Мне еще пятьдесят лет впереди!”

А идея все-таки билась» [9, т. 13, с. 160-162].

Эта сцена очень похожа на разговор Наташи с Николаем Ростовым в «Войне и мире»:

«– Бывает с тобой, – сказала Наташа брату, когда они уселись в диванной, – бывает с тобой, что тебе кажется, что ничего не будет – ничего; что всё, что хорошее, то было? И не то что скучно, а грустно?

– Еще как! – сказал он. – У меня бывало, что всё хорошо, все веселы, а мне придет в голову, что всё это уж надоело и что умирать всем надо. Я раз в полку не пошел на гулянье, а там играла музыка... и так мне вдруг скучно стало...

– Ах, я это знаю. Знаю, знаю, – подхватила Наташа. – Я еще маленькая была, так со мной это бывало. Помнишь, раз меня за сливы наказали и вы все танцевали, а я сидела в классной и рыдала, никогда не забуду: мне и грустно было и жалко было всех, и себя, и всех-всех жалко. И, главное, я не виновата была, – сказала Наташа, – ты помнишь?

– Помню, – сказал Николай. – Я помню, что я к тебе пришел потом и мне хотелось тебя утешить и, знаешь, совестно было. Ужасно мы смешные были. У меня тогда была игрушка-болванчик и я его тебе отдать хотел. Ты помнишь?» [32, т. 10, с. 277].

Душевное единение сестры и брата у Толстого диссонирует с единодушием Аркадия и Лизы, с трудом пробившимся сквозь ледящий холод семейного неблагообразия и всеобщего разъединения.

Тема семьи выводит читателя к вечным антиномиям бытия: любви и ненависти, рождению и смерти.

Иван Ильин пишет: «Человеку доступна двоякая любовь: *любовь инстинкта и любовь духа*. <...> Сколь же счастливы те люди, у которых оба

потока любви соединяются в один и становятся тождественными! Всякое иное счастье на земле является, по сравнению с этим счастьем, чем-то второстепенным» [139, т. 1, с. 74. – *Курсив Ильина*. – С. III]. Семья не мыслима без любви, и к этой теме Толстой и Достоевский обращаются на протяжении обоих романов.

В «Анне Карениной» в салоне Бетси Тверской гости говорят о любви по страсти и по рассудку. Вронский заявляет, что «счастье браков по рассудку разлетается, как пыль, именно оттого, что появляется та самая страсть, которую не признавали» [32, т. 18, с. 145]. Опять возникает мотив «неподлинности», фальши, невольно напрашивается вывод об «абсурдности» не только браков по рассудку, но и браков, основанных на страсти, где оба, перебесившись или, по выражению Вронского, «переболев scarлатиной», стали абсолютно индифферентны друг к другу. В свою очередь витиевато высказывается о любви и Анна: «...я думаю... если сколько голов, столько умов, то и сколько сердец, столько родов любви» [32, т. 18, с. 146]. Не случайно, услышав эти слова, Вронский с облегчением вздыхает, ведь не имея крепкого духовного стержня, Анна оказывается подвластна любым ветрам.

А вот уже Облонский спрашивает совета у Левина, как же быть, если при любви к жене ты увлекся другой. Левин отвечает:

«– Извини <...> не понимаю, как бы я теперь, наевшись, тут же пошел мимо калачной и украл бы калач.

Глаза Степана Аркадьича *блестели больше обыкновенного*.

– Отчего же? Калач иногда так пахнет, что не удержишься» [*курсив мой*. – С. III. – 6, т. 18, с. 44-45].

Потворствующий мимолетным желаниям и увлечениям Стива раздваивается в мыслях и чувствах. Любовная дилемма кажется неразрешимой и ему: «Ты не успеешь оглянуться, как ты уже чувствуешь, что ты не можешь любить любовью жену, как бы ты ни уважал ее. А тут вдруг подвернется любовь, и ты пропал, пропал! – с унылым отчаянием проговорил Степан Аркадьич» [32, т. 18, с. 45]. И Ильин утверждал: «... Кто “может по-иному” и

“может с другими”, тот еще ничего не знает о любви» [139, т. 3, с. 193]. Развращенность лишает человека самой способности любить, и в обществе, с размытыми нравственными ориентирами, истинная любовь становится редкостью.

Вот для влюбленного Левина все девушки в мире (по убеждению Облонского) поделены на два сорта: «один сорт – это все девушки в мире, кроме ее, и эти девушки имеют все человеческие слабости, и девушки очень обыкновенные; другой сорт – она одна, не имеющая никаких слабостей и превыше всего человеческого» [32, т. 18, с. 41]. Левин вспоминает платоновское определение любви в «Пире»: «обе любви служат пробным камнем для людей. Одни люди понимают только одну, другие другую. И те, что понимают только неплатоническую любовь, напрасно говорят о драме. При такой любви не может быть никакой драмы. “Покорно вас благодарю за удовольствие, мое почтение”, вот и вся драма. А для платонической любви не может быть драмы, потому что в такой любви все ясно и чисто, потому что...» [32, т. 18, с. 46]. Автор романа дает читателю возможность разобраться в оттенках тончайших человеческих взаимоотношений.

Семьи в романе «Анна Каренина» можно в зависимости от видов любви разделить на несколько типов (см. табл. 2).

Таблица 2

*«Сколько сердец, столько родов любви» или
полиморфия любви в романе «Анна Каренина»*

Направленность природа человека	<i>альтруистическая</i>	<i>эгоцентрическая</i>
<i>дух</i>	Филиа (philia) Щербацкие	Рацио Каренины, Облонские
<i>душа</i>	Агапе (agape) Львовы	Людос Вронский и Кити
<i>тело</i>	Эрос (eros) Левины	Мания Анна и Вронский

«Неблагообразные» (несчастные) и «благообразные» (счастливые) семьи формируют личности с преобладающей эгоцентрической или альтруистической

направленностью. Опираясь на христианское учение о триединой природе человека (телесно-душевно-духовной – см. 1 столбец табл. 2) можно рассмотреть любовь по нисходящей (развитие страстей до всепоглощающего состояния) и восходящей (максимальное развитие духовного чувства) линиям (см. столбцы 2 и 3 табл. 2). В этом направлении размышляли древние греки (Аристотель, Платон, Пифагор) и философы раннего христианства. Сама общая направленность развития конкретного типа цивилизации обусловила то, что эгоцентрическая иерархия (с ориентиром на земное, телесное) оказалась гораздо глубже разработана мудрецами древности, чем иерархичность альтруистического любовного чувства (с ориентиром на небесное, духовное) христианскими мыслителями.

В русле развития духовной составляющей, стремящейся от земного к небесному, от телесного к духовному и богоподобному, рассмотрим любовь, скрепляющую «благообразные» семьи. По словам И. Ильина, «... если мужчина и женщина охвачены истинной любовью и уже не могут жить друг без друга, тогда они образуют творческую жизненную общность, которая стремится быть признанной Богом и людьми – одобренной, освященной, уважаемой, охраняемой...» [139, т. 3, с. 193]. Молодую семью Левиных объединяет взаимопроникающая и оберегающая любовь-эрос, устремленная к единению душ и телес. Вот Левин увидел по дороге в деревню коляску с Кити: «Только одни на свете были эти глаза. Только одно было на свете существо, способное сосредоточивать для него весь свет и смысл жизни. Это была она» [32, т. 18, с. 292]. Готовность создать семью, где каждый друг в друге и оба одно, проявляют герои ещё до брака, поэтому и испытывают они во время венчания чувство абсолютного единения: «Левин поцеловал с осторожностью ее улыбающиеся губы, подал ей руку и, ощущая новую, странную близость, пошел из церкви. Он не верил, не мог верить, что это была правда. Только когда встречались их удивленные и робкие взгляды, он верил этому, потому что чувствовал, что они уже были одно» [32, т. 19, с. 25]. И хотя первое время семейной жизни и приносит некоторые разочарования, герои возрастают в

любви. Горячее чувство приносит желанный плод, рождается ребёнок. Агапе (любовь-служение, сотрудничество и самопожертвование) свойственна в романе более старшей по возрасту семье Львовых, проявляющих в отношении к друг другу непоказное внимание, чуткость и заботу. На самой высокой ступени развития духовного начала находится союз Щербацких. Супругов связывает филиа любовь-единомыслие, понимание, молитвенное единение. Свет такой любви расширяет границы бытия, втягивает в свою орбиту божественное начало, размываются границы земного и небесного, ведь «Любовь никогда не перестает...» (Н.З., 1Кор., 13:8). В высшем своем проявлении любовь достигает божественного начала и приобретает абсолютный характер. В русской религиозной традиции Бог есть Любовь и начало бытия – это абсолютный онтологический принцип, присутствующий и проявляющийся в мире.

От разума проистекает рацио, рационалистическая любовь в семье Алексей Александровича и Анны Карениных. Это, прежде всего, взаимовыгодное партнерство. Не случайно Толстой, увлекшийся в 70-е годы греческим языком, дает герою фамилию Каренин от «каренон» «голова» (Гомер). Вот Алексей Александрович говорит прибывшей из Москвы жене:

«– Да, кончилось мое уединение. Ты не поверишь, как неловко (он ударил на слове неловко) обедать одному» [32, т. 18, с. 116].

Отношения в семье Облонских (во временных рамках произведения) также можно отнести к этому типу. К поискам примирения у Степана Аркадьевича подмешивается денежный интерес (продать лес в имении жены), Дарья Александровна, думая об отъезде, не только не может отвыкнуть считать Стиву своим мужем и любить, но и боится осложнений по уходу за детьми. Сцены ссор супругов изобилуют словесными повторами («грязь», «чужой», «ужасно», «отвратительны»), создающими напряженный и драматичный эмоциональный фон. «"Если мы и останемся в одном доме – мы чужие. Навсегда чужие!" – повторила она опять с особенным значением это страшное для нее слово» [32, т. 18, с. 16].

Людос (любовь-игра) характеризует отношения Вронского к Кити, легкие романтические приятные отношения без серьезного финала. Целый ряд героев второго плана (Бетси Тверская, Сафо Штольц, Лиза Меркалова; Стремов, Васенька Весловский и др.) отдадут предпочтение такой любви.

Между Анной и Вронским чувственность, бесспорно, принимает свою крайнюю форму – мании, всепоглощающей и всё затмевающей любви-страсти, уводящей от Бога, конец которой в само- или взаимо- разрушении. Не случайно автор сравнивает возникшие после сближения Анны и Вронского чувства с ощущениями преступника и убийцы. «Он же чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни. Это тело, лишенное им жизни, была их любовь, первый период их любви. Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою страшною ценой стыда. Стыд пред духовною наготою своей давил ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужас убийцы пред телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством.

И с озлоблением, как будто со страстью, бросается убийца на это тело, и тащит, и режет его; так и он покрывал поцелуями ее лицо и плечи» [32, т. 18, с. 157-158].

Страсть как опиум изменяет восприятие, мир предстает в ракурсе кривого зеркала. Так, со времени связи с Анной Вронский порой испытывает странное чувство: «Это было чувство омерзения к чему-то: к Алексею ли Александровичу, к себе ли, ко всему ли свету, – он не знал хорошенько» [32, т. 18, с. 194].

Бездуховная любовь, по словам философа, «... не совершает полет, а пробирается ощупью, блуждая и падая. Она не чувствует своей правоты и потому ослабляет себя – то смутным, то явным чувством собственного недостойнства. Она не служит, а наслаждается; не строит, а истощается. Её жизнь есть не оживление, а умирание; она не разгорается, а гаснет и чадит. Вот почему любовь без духа слепа, пристрастна, своекорыстна, подвержена опошлению и уродству» [139, т. 5, с. 135].

Около десяти лет пройдут после завершения «Анны Карениной» когда Толстой в философском трактате напишет, что чувство «разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо <...> есть любовь» [32, т. 26, с. 382]. Она может быть только деятельная. «Любовь – только тогда любовь, когда она есть жертва собой» [32, т. 26, с. 392]. «И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир» [32, т. 26, с. 393].

В романе Достоевского любовь для Версилова становится пробным камнем. Любовь к Софье Андреевне и любовь к Катерине Николаевне являются полюсами, между которыми раздваивается душа героя.

Андрей Петрович сошелся с Софьей, которая «красавицей не была» из-за ее «незащищенности»; с ней, по его словам, «романа никакого не было вовсе и <...> все вышло *так*» [9, т. 13, с. 9. – *Курсив Достоевского. – С. III.*]. А вот к «блестящей женщине» генеральше Ахмаковой его тянет неудержимая страсть, которую герой пытается выжечь ненавистью.

Примечательно и то, что женщины принадлежат к абсолютно разным сословиям. Софья Андреевна не только по происхождению, но и по духу своему близка к народу, естественная трудовая жизнь которого (близость к «почве») соотносимы в авторском понимании с жизнью природы и правдой. «Лучший человек» так говорит Подростку о его матери: «Смирение, безответность, приниженность и в то же время твердость, сила, настоящая сила – вот характер твоей матери» [9, т. 13, с. 104-105]. Версиров любуется портретом, в котором «солнце, как нарочно, застало Соню в ее главном мгновении – стыдливой, кроткой любви и несколько дикого, пугливого ее целомудрия» [9, т. 13, с. 370]. Далее следует настоящий гимн любви русской женщине из его уст: «Русские женщины дурнеют быстро, красота их только мелькнет, и, право, это не от одних только этнографических особенностей типа, а и оттого еще, что они умеют любить беззаветно. Русская женщина все разом отдает, коль полюбит, – и мгновенье, и судьбу, и настоящее, и будущее: экономничать не умеют, про запас не прячут, и красота их быстро уходит в того, кого любят» [9, т. 13, с. 370]. Стремящийся всех примирить Подросток,

признаваясь в собственных чувствах, говорит Татьяне Павловне об Ахмаковой: «...Мама – ангел небесный, а она – царица земная!» [9, т. 13, с. 433].

Катерина Николаевна принадлежит к высшему свету, полному условностей и лжи, ей, в отличие от матери Подростка, знакомы чувственные порывы, она осознает силу собственного очарования. Подросток напоминает Андрею Петровичу разговор о «живой жизни» и восклицает: «Вы говорили, что эта "живая жизнь" есть нечто до того прямое и простое, до того прямо на вас смотрящее, что именно из-за этой-то прямоты и ясности и невозможно поверить, чтоб это было именно то самое, чего мы всю жизнь с таким трудом ищем... Ну вот, с таким взглядом вы встретили и женщину-идеал и в совершенстве, в идеале признали "все пороки"! Вот вам!» [9, т. 13, с. 219].

Одержимость Андрея Петровича любовной страстью уподобляется в романе мертвой петле, жить с которой на шее невозможно. Под чары Ахмаковой попадают отец и сын, характеризующий безумную любовь как «колдовство», а саму чаровницу «женщиной-змеей». Подросток уверен в трагичном финале любви отца к Ахмаковой: «Если бы она вышла за него, он бы наутро, после первой ночи, прогнал бы ее пинками... потому что это бывает. Потому что такая насильственная, дикая любовь действует как припадок, как мертвая петля, как болезнь, и – чуть достиг удовлетворения – тотчас же упадает пелена и является противоположное чувство: отвращение и ненависть, желание истребить, раздавить» [9, т. 13, с. 420].

Герои любят такой любовью, которая мешает им жить, ревность затмевает разум и, если желаемое не достижимо, то на помощь приходит месть, призывая смерть поглотить жизнь как любимой, так и любящего (не мне – значит, никому). Любовь-ненависть требует выхода за границы бытия. В романе величину естественной смерти противопоставляется хаос смерти неестественной, пожирающей полнокровную жизнь и красоту. В этом смысле исключительное значение приобретает символ цветущей жизни – букет, принесенный отцом Подростка. Версилов признается Софье: «...Как я его донес, не понимаю. Мне раза три дорогой хотелось бросить его на снег и

растоптать ногой <...> Ужасно хотелось. Пожалей меня, Соня, и мою бедную голову. А хотелось потому, что *слишком красив*. Что красивее цветка на свете из предметов? Я его несу, а тут снег и мороз. Наш мороз и цветы какая противоположность! Я, впрочем, не про то: просто хотелось измять его, потому что *хорош*» [9, т. 13, с. 408. – *Курсив мой*. – С. III.].

Толстой считал искусство «микроскопом», наводящим писателя на «тайны души». И здесь не случайно появление устойчивого мотива *двойничества* в романах Толстого и Достоевского, сближающего «диалектику души» одного и психологизм другого.

В послеродовой горячке Анна говорит Каренину: «Не удивляйся на меня. Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь – она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся» [32, т. 18, с. 434]. В сцене сонного бреда Анны просматривается подсознательная попытка соединить воедино чувственную любовь к мужчине и любовь-благодарность к мужу и отцу своего ребенка. Поругание духовных законов (таинства брака) не остается безнаказанным, раздвоение и мука от осознания собственной неполноценности преследуют Анну на пике любовного чувства. Если нравственные законы бытия есть внешнее выражение невидимых духовных связей, удерживающих мироздание и человека в нем, то их сознательный разрыв есть духовное самоубийство, которое неминуемо влечет героиню к физической гибели.

«Двойник» появляется в романе Достоевского и у Версилова, когда главный герой пытается, но не может соединить воедино страстное чувство к Ахмаковой и чувство праведной, святой любви к Софье. «Знаете, мне кажется, что я весь точно раздваиваюсь, – оглядел он (Версилов. – С. III.) нас всех с ужасно серьезным лицом и с самою искреннею сообщительностью. – Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь. Точно подле вас стоит ваш двойник...» [9, т. 13, с. 408]. К появлению двойника приводит абсолютное потворство Версилова собственным желаниям; выпущенные на волю, они овладевают рассудком, потворствуют противоестественному разгулу страстей,

и как идол, занявший трон сердца, требуют жертвы. Поэтому, узнав от Анны Аркадьевны о возможной встрече Ахмаковой и Версилова, Подросток ужасается: «"Но она боится его... он может убить ее!" и "А двойник, двойник! – воскликнул я. – Да ведь он с ума сошел!"» [9, т. 13, с. 408]. Расколотый Версильовым в порыве безумия (*хочу*) старинный чудотворный образ, завещанный ему старцем Макаром, становится символом раздвоенности целостности бытия.

В душе Версилова, согласно онтологии Достоевского, дьявол с Богом борются: «...Вы сами умны и разумны, а тот непременно хочет сделать подле вас какую-нибудь бессмыслицу, и иногда превеселую вещь, и вдруг вы замечаете, что это вы сами хотите сделать эту веселую вещь и Бог знает зачем, то есть как-то нехотя хотите, сопротивляясь из всех сил хотите. Я знал однажды одного доктора, который на похоронах своего отца, в церкви, вдруг засвистал. <...> Вот я взял опять образ (он взял его и вертел в руках), и знаешь, мне ужасно хочется теперь, вот сию секунду, ударить его об печку, об этот самый угол. Я уверен, что он разом расколется на две половины — ни больше ни меньше. <...> Верь, Соня, что я пришел к тебе теперь как к ангелу <...>! Не подумай, что с тем, чтоб разбить этот образ, потому что, знаешь ли что, Соня, мне все-таки ведь хочется разбить... <...> Вдруг он, с последним словом своим, стремительно вскочил, мгновенно выхватил образ из рук Татьяны и, свирепо размахнувшись, из всех сил ударил его об угол изразцовой печки. Образ раскололся ровно на два куска...» [9, т. 13, с. 408-409].

«Неблагообразие» окружающей действительности, где царствуют разрушающие страсти, способные смять и «растоптать» жизнь лишь за то, что «красиво», передают писатели путем использования слов одного семантического поля с отрицательным эмоциональным зарядом (смерть, умер, ужасно, беспорядок, хаос, неблагообразие). Сопоставим их по частоте употребления в романах «Подросток» и «Анна Каренина», расположив в порядке убывания признака (см. табл. 3). Катастрофическая логика

последовательности событий прочитывается, если расставить слова в обратном порядке.

Таблица 3

*Словоформы с отрицательным эмоциональным зарядом в романах
«Подросток» и «Анна Каренина»*

№	Словоформы и однокоренные слова	Количество употреблений	
		Достоевский	Толстой
1.	смерть	49	100
2.	умер	37	45
3.	ужасно	28	111
4.	беспорядок	16	4
5.	хаос	5	1
6.	неблагообразие	1	–

Мы получаем путь, которым двигались в жизни многие самоубийцы Толстого и Достоевского (Анна и Вронский, «эпидемия самоубийств» и Оля, мальчик): неблагообразие жизни вносит в нее хаос и беспорядок, которые неизбежно приводят к ужасу от самого себя, бессмысленности собственного бытия и разочаровании в целесообразности окружающего мира, ужас влечет за собой смерть, неблагоприятный исход бытия.

О величии и значении смерти размышляли мудрецы прошлого, стремятся к постижению её тайн и великие умы настоящего. Толстой писал позднее: «Не оттого люди ужасаются мысли о плотской смерти, что они боятся, чтобы с нею не кончилась их жизнь, но оттого, что плотская смерть явно показывает им необходимость истинной жизни, которой они не имеют. И от этого-то так не любят люди, не понимающие жизни, вспоминать о смерти. Вспоминать о смерти для них всё равно, что признаваться в том, что они живут не так, как того требует от них их разумное сознание» [32, т. 26, с. 401]. Сама идея смерти способна приоткрыть внутреннее око человека. «Я постепенно учусь различать, что действительно хорошо и прекрасно перед лицом Божиим и что мне только кажется хорошим, а на самом деле лишь соблазняет, прельщает и разочаровывает. И проходя этот жизненный искуc, я все более и более убеждаюсь, что в жизни есть многое множество содержаний, занятий и

интересов которыми не стоит жить или которые не стоят жизни; и, напротив, есть такие, которые раскрывают и осуществляют истинный смысл жизни. А смерть дает мне для всех этих различений и познаний – верный масштаб, истинный критерий» [139, т. 3, с. 338], – пишет Ильин, именуящий пору подобных раздумий «Божьим послом» и «благословенными днями». Очищающее душу воздействие приближающийся естественной смерти мы встречаем и на страницах романов «Анна Каренина» и «Подросток».

Сам же Толстой признавался в письме к С. А. Толстой от 6 мая 1898 года: «Назад ехал через лес тургеневского Спасского вечерней зарёй: свежая зелень в лесу и под ногами, звёзды в небе, запахи цветущей ракиты, вянущего берёзового листа, звуки соловья, гул жуков, кукушка и уединение, и приятное под тобой бодрое движение лошади, и физическое и душевное здоровье. И я думал, как *думаю беспрестанно, о смерти. И так мне ясно было, что так же хорошо, хотя и по-другому, будет на той стороне смерти ... <...>* Я постарался вызвать в себе сомнение в той жизни, как бывало прежде, и не мог как прежде, но мог вызвать в себе уверенность» [32, т. 19, с. 428. – *Курсив мой. – С. Ш.*].

В романе Достоевского противопоставляются естественная смерть Макара Долгорукова («Старцу к могиле, а юноше жить» [9, т. 13, с. 286]) и смерть противоестественная (самоубийство Крафта). Мотив гибели витает в воздухе, Татьяна Павловна в запальчивости восклицает: «Да лучше поди ночью на Николаевскую дорогу, положи голову на рельсы...» [9, т. 13, с. 259].

Благочестивые суждения Макара падают на благодатную почву в душе Подростка, ищущего «благообразия», стремящегося разделить веру странника в то, что «...и после смерти любовь!..» [9, т. 13, с. 290]. Парадоксально, но мудрый старец именно в разговорах о смерти дает Подростку идеал жизни: «Мечта она, эта мысль, а старцу надо отходить *благолепно*. Опять, оно если с ропотом али с недовольством встречаешь смерть, то сие есть великий грех. Ну а если от веселия духовного жизнь возлюбил, то, полагаю, и Бог простит, хоша бы и старцу. Трудно человеку знать про всякий грех, что грешно, а что нет:

тайна тут, превосходящая ум человеческий. Старец же должен быть доволен во всякое время, а умирать должен в полном цвете ума своего, *блаженно и благолепно*, насытившись днями, воздыхая на последний час свои и радуясь, отходя, как колос к снопу, и восполнивши тайну свою» [9, т. 13, с. 287. – *Курсив мой.* – С. Ш.].

М. Дунаев особенно подчеркивает мысли Толстого, перекликающиеся с почвеннической идеей Достоевского: «Мужику, по мысли Толстого, даётся проникновение в смысл жизни помимо его умственных усилий: в силу самого пребывания на своём собственном уровне, к которому он принадлежит по праву рождения и бессознательного воспитания» [88, ч. IV, с. 89].

Об «эпидемии самоубийств» говорит Подросток Крафту, решившему оборвать собственную жизнь. В романе лишают себя жизни и бедная девушка Оля, и запуганный купцом отрок, попытку самоубийства совершает и самый загадочный из героев романа Версиров. Разочарование, отчаяние, ужас или же болезненная страсть толкают несчастных, оторванных от спасительной веры, к последнему шагу. Так, по словам М. М. Дунаева о роковом шаге главного героя романа, «вихрь чувств» способен уничтожить не только его, но и окружающих, именно страсть «подталкивает (Версирова. – С. Ш.) к истинной цели бесовского воздействия на душу» [88, ч. III, с. 452].

Простой сердечный ответ слышит Подросток на свой вопрос об отношении к этой беде от Макара Ивановича: «Самоубийство есть самый великий грех человеческий, – ответил он, вздохнув, – но судья тут – един лишь Господь, ибо ему лишь известно всё, всякий предел и всякая мера. Нам же беспременно надо молиться о таком грешнике» [9, т. 13, с. 310].

Мотив самоубийства все отчетливее звучит в финале романа Толстого. Мысли о противоестественном конце жизни наполняют и голову любимого героя автора Левина, имеющего для счастья всё. Причиной беды являются «теплохладность» и «отсутствие подлинных духовных потребностей», что и «...стало причиной иссякания внутреннего источника его жизненной энергии, когда он приблизился к пропасти самоубийства» [88, ч. IV, с. 197].

Психологически попытки самоубийства Вронского и самоубийство Анны абсолютно закономерны: максимальное развитие страсти, непреодолимая тяга к земному, чувственному, требует смерти здесь и сейчас. Между любящими возникает борьба: «она чувствовала, что рядом с любовью, которая связывала их, установился между ними злой дух какой-то борьбы, которого она не могла изгнать ни из его, ни, еще менее, из своего сердца» [32, т. 19, с. 284]. Анна впадает в состояние измененной реальности. Толстой передает это путем её внутренних монологов в последних главах Седьмой части. Меняется сам синтаксический строй речи: короткие неполные предложения, восклицания и вопросы. Все окружающие кажутся героине враждебными и омерзительными, все особенно смотрят на неё. «Всё кончено!» – не раз как заклятие повторяет себе героиня. Её раздражает всё: «Звонят к вечерне, и купец этот как аккуратнo крестится! – точно боится выронить что-то. Зачем эти церкви, этот звон и эта *ложь*? Только для того, чтобы скрыть, что *мы все ненавидим друг друга, как эти извозчики, которые так злобно бранятся*» [32, т. 19, с. 340-341. – *Курсив мой. – С. Ш.*].

Мотив постоянного двора возникает уже на глубоко личном подсознательном уровне. Фактически враждебно воспринимается всё, связанное с верой, религией... В этом ракурсе гибель Анны в финале есть естественный исход, заданный эпиграфом романа «Мне отмщение, и Аз воздам»: оторванность человека от духовного источника гипертрофирует животное начало, тяготеющее к земле и тлену. Неслучайно разрушительная стихия метели как символ хаоса души и сознания сопровождает на протяжении романа губительную страсть героев. В «Анне Карениной», также как и в романе «Подросток», мотив противоестественной смерти (самоубийства) резко диссонирует с мотивом смерти благообразной, естественной (брат Левина и послеродовая болезнь Анны, примирившая заклятых врагов Каренина и Вронского).

В человеческой жизни равновеликое значение переходу в иной мир имеет приход человека в мир земной. Рождение – священный и таинственный акт

торжества жизни, её победы над небытием. Радость и счастье должны сопровождать вступление в мир нового человека. Но в романе Достоевского Аркадий встречается с подкинутым младенчиком Риночкой, которой, не смотря на всю его заботу, не удалось выжить, затем – с грудным ребенком князя Сергея и Лидии Ахмаковой, которому никогда не суждено почувствовать родительскую любовь и ласку.

Но все же победный гимн торжествующей любви звучит на страницах романа Толстого в сцене рождения сына Левина, приход в мир которого сопряжен с болью и страданием. Великая правда жизни заключается в высоте, на которую способна воспарить душа сопричастных таинству жизни: «...то, что совершалось, было подобно тому, что совершалось год тому назад в гостинице губернского города на одре смерти брата Николая. Но то было горе, – это была радость. Но и то горе и эта радость одинаково были вне всех обычных условий жизни, были в этой обычной жизни как будто отверстия, сквозь которые показывалось что-то высшее» [32, т. 19, с. 291]. И сам Левин и Кити преобразились во время родов сына Димитрия. «Взгляд ее, и так светлый, еще более светлел, по мере того как он приближался к ней. На ее лице была та самая перемена от земного к неземному, которая бывает на лице покойников; но там прощание, здесь встреча» [32, т. 19, с. 295].

Единство восприятия романов «Анна Каренина» и «Подросток» позволяет увидеть широкую художественную панораму детства, семьи, жизни человека в период ломки морально-нравственных устоев общества. Интерпретируя мысли Д. Мережковского, Иван Ильин писал о художниках: «Так, акт Л. Н. Толстого живет преимущественно внешним опытом (чувственным. – *С. III.*); акт Достоевского – преимущественно внутренним опытом...» [139, т. 6, кн. I, с. 198], т.е. постигает мир человеческой души путем изучения душевной раздвоенности.

Полнота художественной «семейной» картины достигается благодаря не только широте охвата различных слоев общества, стремлению показать ребёнка в разные периоды его детства, но и разнице в творческом методе писателей.

Если дети Облонских и Сережа Каренин воспринимаются читателем в период младенчества и раннего отрочества сквозь призму авторского мышления, то в романе Достоевского читатель получает возможность окунуться в хаотичный внутренний мир Подростка из «случайного семейства», сквозь призму его мироощущения взглянуть на окружающих и человеческие взаимоотношения. Художественный метод писателей отражает взгляд на антропологию, по словам Б. Бурсова, так: «Толстой говорил: человек текуч, сейчас он такой, спустя некоторое время – как бы совсем другой. У Достоевского человек сразу и *такой и другой*» [78, т. 2, с. 47. – Курсив Бурсова. – С. Ш.].

Ю. В. Лебедев справедливо утверждает: «Главное открытие, к которому пришел Достоевский в своем художественном исследовании человека, заключается в опровержении истин “гуманизма” <...> Достоевский доказал, что природа человека дисгармонична, что в ней идет постоянная борьба темных и светлых начал, что поле битвы Бога и дьявола – сердца людей. Светлые начала укрепляются и питаются верой в Бога, они бессильны без притока "космических", благодатных энергий, которым открывается доступ лишь в душу верующего человека. С утратой веры человек, предоставленный самому себе, оказывается пленником своих земных несовершенств. Проходя через искушение свободой, такой человек страдает от этих несовершенств и невольно выносится к пограничной ситуации, на гребне которой ему открывается или трагическая перспектива безусловной гибели, или выстраданная в страшных искушениях вера в безусловную правоту христианской истины. Достоевский любит страдание не из пристрастия к человеческим мучениям, а из любви к современному безбожному человеку, которому только через страдания и муки открывается Божественный свет» [175, с. 304].

Анализ диалоговых связей и типологических параллелей в рамках семейной проблематики позволяет убедиться в том, что Достоевский и Толстой признают греховный недуг современного им человека первопричиной повсеместно нарастающей тенденции разложения семьи. И если Толстой ещё ищет отзвуки былой гармонии в сердцах, то Достоевский видит царящий в

душах хаос. Семей, любовью авторы испытывают своих героев и констатируют непрочность связей между самыми близкими людьми (неслучайно в обоих романах появляются мотивы двойничества, постоянного двора и дороги-поиска). Достоевский ставит современному семейству тяжкий диагноз – «случайное», при этом автору «Подростка» в отношении семьи присуща большая ироничность, чем автору «Анны Карениной». Толстой, показывая крепкие семьи (в том числе и лад в многодетной), ещё уповает на голос крови как стабилизирующий фактор и обличает фальшь света, портящего человека, который в силах измениться к лучшему. Художественная антропология Достоевского полемична в отношении толстовской, автор изображает человека «слабого сердца», душа которого раздваивается. Показывая трагизм любовных отношений людей из разных социальных слоев (Лиза и князь Сергей Сокольский), обличая общественную несправедливость, Достоевский солидарен с Толстым, автор «Подростка» без прикрас демонстрирует «коррозию» двуличия и лукавства, поразившую все слои общества.

Писателей беспокоит нравственное состояние женщины, которой должны быть инстинктивно присущи чувства верности и материнской любви. Литераторов волнует судьба молодого поколения и его воспитание (прежде всего нравственное) настолько, что им оказывается тесно в романских рамках, Достоевский неоднократно поднимает эту тему на страницах «Дневника писателя», Толстой пишет «Азбуку» и занимается Яснополянской школой. Дети в любом возрасте страдают по вине взрослых (изломанные судьбы, психика). Достоевский показывает зарождение «подпольной» психологии в Подростке, образы брошенных детей. Отцы ответственны за воспитание детей – этот мотив рефреном звучит на страницах произведений писателей. Лучшие люди (Львов, Левин) относятся к этому исключительно серьезно, другие самоустраняются, и тогда ребенка воспитывает (калечит) среда (пансион Тушара), так появляются люди способные или нет к семейной жизни. Остается одно – уповать на самовоспитание. Авторы видят выход в возвращении

человека к «родной почве», труду и нравственности народа, считая, что это лекарством, способным исцелить больную душу.

Сравнительный анализ творчества Достоевского и Толстого в рамках вышеуказанной проблематики позволяет нам углубить представление о художественных мирах романов. Так, если Достоевскому в романе достаточно изображения альтруистической любви и эгоцентрической любви-страсти, то Толстой, изображая в «Анне Карениной» различия любовного чувства, фактически разрушает собственный афоризм «Все счастливые семьи похожи друг на друга...», ведь любить одинаково его герои не могут. В художественной реальности романов оказываются увязаны воедино антиномии бытия: любовь, рождение и смерть, которая в своем естественном и противоестественном проявлении восходит к мотивам подлинного и фальшивого, присущим обоим великим романам.

§ 2 О «доверии дворянству» или «лучших людях»

На протяжении столетий дворянство было не только правящим сословием в политической, экономической и духовной жизни России, но и олицетворением благородства и верности престолу. «Дворянское самосознание подразумевало готовность по первому требованию монарха пожертвовать своей жизнью и имуществом <...>. Дворянин с юных лет должен был понимать свою исключительную роль в обществе и связанные с этим обязанности. Сословное самосознание формировалось в семье, в дворянских институтах, и потому действительно не могло быть достоянием других людей, пусть даже образованных» [133, с. 89]. Дворянский идеал связан был с воинской отвагой и рыцарским поведением, а благородное сознание заключалось, прежде всего, в подчинении «традиции в большей степени, чем закону, внутренней совести больше, чем соображениям выслуги или наживы» [133, с. 93]. Велика была разница между столбовыми дворянами, происходившими из боярских родов, и служилыми, т.е. выходцами из разных сословий. И хотя в европейской России

дворяне к 1876 году составляли «менее одного процента всего числа жителей Российской империи» [332, с. 678], Ю. М. Лотман, указывая на особенности дворянского образа жизни, манер и быта, призывал не забывать, что «великая русская культура, которая стала национальной культурой и дала Фонвизина и Державина, Радищева и Новикова, Пушкина и декабристов, Лермонтова и Чаадаева и которая составила базу для Гоголя, Герцена, славянофилов, Толстого и Тютчева, была дворянской культурой» [196, с. 15].

Вопрос «о новом положении дворянства, об исторической судьбе сословия и перспективах его будущего развития» [133, с. 88] был чрезвычайно важным для пореформенной России. Спор о «социально-политической гегемонии» велся в пределах образованных кругов. Современник писателей генерал Р. Я. Фадеев так оценивал морально-политическое состояние русского общества 1870-х годов: в России нет совокупной жизни, средний русский человек «не знает, что и кто за него, что и кто против него» [288, с. 725], от этого неуверенность или дерзость, разъединенность людей неминуемо порождает «равнодушие к общему делу» [Там же]. Анализ публикаций Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого этого периода позволяет выделить в качестве одной из ведущих проблематику исторического предназначения и роли высшего сословия в судьбах России, мира и человечества; наиболее выпукло противоположные позиции авторов по этому вопросу демонстрируют страницы «Дневника писателя», романов «Подросток» и «Анна Каренина».

Толстой, изображая не всегда приглядную жизнь аристократов, критикуя её, дает надежду на положительные общественные изменения, показывая в качестве дворянского идеала общественную, трудовую и семейную жизнь Левина, вольно и невольно подчеркивая значимость кровной принадлежности героя к патриархальной аристократии. Достоевский с печалью и иронией пародирует положительных персонажей Толстого, ведь действующие лица благородных кровей в «Подростке» отличаются не широтой кругозора, а «широкостью» совести. В «Дневнике» же Достоевский подвергает тщательному анализу вопрос о «лучших людях», прямо бросая горький упрек оппоненту в

«обособлении» и неизбежном по этой причине заблуждении относительно исторического предназначения дворянства.

Корни принципиального расхождения писателей в споре о «лучших людях» уходят в биографию и в те социально-исторические условия, благодаря которым формировались их представления о человеке и мироустройстве.

Автор «Анны Карениной», потомок графов Толстых и князей Волконских, по рождению принадлежащий к высшей помещичьей знати (Трубецкие, Горчаковы), идеализировал русское дворянство, в средне-высшем круге которого видел прогрессивную общественную силу, способную облегчить жизнь народа через проведение земельных реформ. В 1858 году, откликаясь «Запиской о дворянстве» на речь императора, укорявшего высшее сословие в промедлении выражения согласия на освобождение крестьян, Толстой пишет о материальных условиях проведения реформы, представляя идею отмены крепостничества в качестве давнего желания дворянства. В набросках "аристократической" главы (первая редакция «Войны и мира») Толстой на основе принципа эстетизма противопоставляет жизни аристократов существование иных сословий: «Я пишу до сих пор только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях и боюсь, что и вперед не будет других лиц в моей истории. <...> Жизнь этих людей (низших сословий) менее носит на себе отпечатка времени. <...> Жизнь этих людей некрасива. <...> Я сам принадлежу к высшему сословию, обществу и люблю его.

Я не мещанин, как смело говорил Пушкин, и смело говорю, что я аристократ, и по рождению, и по привычкам, и по положенью. Я аристократ потому, что вспоминать предков – отцов, дедов, прадедов моих, мне не только не совестно, но особенно радостно. Я аристократ потому, что воспитан с детства в любви и уважении к высшим сословиям и в любви к изящному ...» [32, т. 13, с. 238-239].

Ф. М. Достоевский же, будучи сыном врача Мариинской больницы для бедных, потомственный дворянин по личным заслугам отца, лишился «всех прав состояния» за дело «петрашевцев» и вернул себе дворянский титул лишь в

1857 году. Писатель относился к высшему сословию критически, его горький сарказм частично был обусловлен и неблагоприятными впечатлениями от тесного сотрудничества в качестве редактора журнала «Гражданин» в 1872-1874 годах с князем В. П. Мещерским.

Сюжеты «Анны Карениной» и «Подростка» завязываются и развиваются в среде аристократической. Дворянский мир «Анны Карениной» представлен как отдельными героями (Вронский, Анна, Каренин, Левин; интеллигентными патриотами вроде Кознышева и земскими деятелями типа уездного предводителя Свяжского), так и целыми семействами (Щербацкие, Львовы), столичным и провинциальным (уездным) дворянством (Вронский и Левин), чиновным и военным (Стива Облонский и приятели Вронского Серпуховской и Яшвин), московским и петербургским высшим обществом, кружками большого света (графини Лидии, Бетси Тверской...). Однако в соответствии с реалиями жизни поместное дворянство в романе оттесняют новые предприниматели в лице купца Рябинина.

Дворянский мир «Подростка» также достаточно разнообразен, хотя сюжет и вращается вокруг одной фигуры загадочного родовитого помещика Версилова, которого не принимают в обществе из-за подпорченной репутации. Явно пародийны образы князей Сокольских (не слишком избирательного в знакомствах князя Сережу посещают и Стебельков, и представитель «самого высшего света»), «солдафонов» немецких баронов и генерала Ахмакова, прокутившего богатое приданое жены.

Зная высший свет изнутри, Толстой на протяжении трех лет публикации своего романа пристально наблюдает за общественной и семейной жизнью, состоянием морали и нравственности, душевной устремленностью российской элиты.

В первых публикациях романа (март 1875) Толстой устами Левина дает определение аристократизму, где немалое значение придает наследственной составляющей (благородство по крови): «Ты считаешь Вронского аристократом, но я нет. Человек, отец которого вылез из ничего пронырством,

мать которого бог знает с кем не была в связи... Нет, уж извини, но я считаю аристократом себя и людей, подобных мне, которые в прошедшем могут указать на три-четыре честные поколения семей, находившихся на высшей степени образования (дарованье и ум – это другое дело), и которые никогда ни перед кем не подличали, никогда ни в ком не нуждались, как жили мой отец, мой дед» [29, т.116, с.270]. В остром диалоге Левина и Облонского об обнищании дворянства и истинном аристократизме прослеживается преемственность с развитием этой темы в более ранних произведениях Толстого.

Достоевский интуитивно улавливает тесную связь между Толстым и одним из наиболее близких ему героев, наделенным не только мыслями, переживаниями и некоторыми чертами авторской биографии, но и «родственной» фамилией (Левин от имени Лев, т.е. принадлежащий Льву): «в лице Левина автор во многом выражает свои собственные убеждения и взгляды» [9, т. 25. с. 194].

В апрельском номере «Отечественных записок» (1875) в беседе Версилова с Сергеем Сокольским Достоевский подвергает дворянский вопрос всестороннему анализу, фактически вступая в спор с Толстым. (Отметим, что в марте 1875 г. публикации «Подростка» не было, Федор Михайлович читал новые главы романа Толстого). Версилов высказывает князю крамольные (с классовой позиции) мысли, опираясь на нравственную целесообразность господства главенствующего сословия, имеющего «свою честь (понимаемую как долг. – *С. III.*) и свое исповедание чести, которое может быть и неправильным, но всегда почти служит связью и крепит землю; полезно нравственно, но более политически. <...> Везде доселе (в Европе то есть) при уравнивании прав происходило понижение чувства чести, а стало быть, и долга. <...> Но русский тип дворянства никогда не походил на европейский. Наше дворянство и теперь, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи и, что главное, не замыкаясь уже в отдельную касту, что было бы смертью идеи. Напротив, ворота в

сословие отворены у нас уже слишком издавна; теперь же пришло время их отворить окончательно. Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты. В этом новом или, лучше, обновленном виде могло бы удержаться сословие» [8, т. 219, № 4, с. 439].

Здесь важно отметить, что Версиров развивает до идеала соборную идею, ранее высказанную генералом Фадеевым, о коренном отличии русского дворянства от западного в отношении народа, об одинаковом «русском чутье» у простолюдина и человека высшего общества: «Русское дворянство – единственное высшее сословие в Европе, не происходящее из права завоевания, не отличающееся от народа своей кровью и особым племенным духом» [288, с. 783]. «...Оба они проникнуты одинаково русским чутьем, внутреннее содержание, основные взгляды второго – те же самые, что и первого, только без культурных добавлений. <...> Как братьям, никогда не ссорившимся, но давно разъехавшимся, им надо пожить вместе месяц, чтобы столкнуться насчет своего семейного дела; месяц в жизни народа – это одно поколение. Прямое участие нашего культурного слоя – дворянства – в общественной жизни, вместо нынешнего косвенного участия, серьезная деятельность и серьезная ответственность сложат его в одно целое и между собой, и с народом, проникнут его единством настроения...» [288, с. 779].

На диалог с Р. А. Фадеевым указывает и сам Достоевский: «Откуда к нам придут теперь лучшие люди? Дворянство ли, народ ли (Фадеев)...» [9, т. 24, с. 168]. Достоевский убежден в нелепости превозношения одних людей над другими по сословному признаку, абсурдность подобных убеждений автор «Дневника писателя» показывает на примере высказывания золотушного и больного помещика, убежденного в своем превосходстве над мужиком не только в области образования и нравственности: «прямо физическая природа моя выше мужицкой; я *телом* выше и лучше мужика, и это произошло от того,

что в течение множества поколений мы перевоспитали себя в высший тип» [9, т. 22, с. 109]. Автор «Дневника» показывает низменность сознания «барчуков» – «высших "графских лакеев", маленьких, выскочивших в дворянство чиновничешков», которые «презирают прежнюю среду свою, свой народ и даже веру его, иногда даже до ненависти. <...> Еще сильнее презирают народ, чем "большие господа"» [9, т. 22, с. 115].

Ф. М. Достоевский в 1876 году высказывается ясно: «Явился прилив новых сил снизу общества, по нашей терминологии, демократических уже сил, – и особенно из семинаристов. Прилив этот привнес много живительного и плодотворного в отдел лучших людей, ибо явились люди со способностями и с новыми воззрениями, с образованием, еще неслыханным по тогдашнему времени, хотя и в то же время и чрезвычайно презиравшие свое прежнее происхождение и с жадностью спешившие преобразиться, посредством чинов, поскорее в чистокровных дворян. Надо заметить, что кроме семинаристов, из народа и из купцов например, лишь весьма немногие пробились в разряд “лучших людей”, и дворянство продолжало стоять во главе нации"» [9, т. 23, с. 155].

А. Г. Гачева справедливо утверждает: «Никакое отдельное, кастовое представительство дворянства – так сказать, законодательное закрепление его разрыва с почвой, – писатель не считал для России возможным, но он стоял за воссоединение дворянства с *землей*, ведущее к будущему слиянию сословий, когда будет один народ с царем во главе <...>. Будущее дворянства он видел в активном участии его представителей в земских учреждениях, учреждениях всесословных, где и могло быть положено начало тому будущему слиянию сословий в едином народном организме, о которых мечтал Достоевский» [102, с. 616-617]. Исследователь полагает: «Путь покаяния, умопременения, метанойи, обретения веры и идеала, по Достоевскому, открыт всем: и «русскому верхнему слою», и западникам, и нигилистам. Именно в нем залог преображения и возрождения России» [102, с. 612].

Согласимся с мнением А. Г. Гачевой о том, что в исповеди Версилова «полногласно звучит мысль о духовной миссии "высшего культурного слоя", носителя мечты о всечеловечестве и "всепримирении идей", в коей и состоит откровенное слово России миру. А ей параллельно – самым ходом сюжета, развитием образа "русского европейца" – утверждается другая мысль, с первой всецело взаимосвязанная: о необходимости смирения русского дворянства перед верой и правдой народной, ибо без животворного единства России Версиловых и России Макаров мечта о всечеловечестве останется, увы, лишь мечтой» [102, с. 618].

Версиров (подобно самому Толстому) находится в поисках утраченного «нравственного абсолюта», «золотого века» (в его сне оживает картина К. Лоррена «Асис и Галатея»). Античная сцена олицетворяет для героя земной рай, «идеал любовного единения на лоне безмятежной природы, <...> возвышается до символа всечеловеческой гармонии, но символа не умоглядного, а полного необычайной чувственной прелести, соединяющего в себе напряженный интеллектуализм современного человека с яркой эмоциональностью цельного первобытного мироощущения.

Символ этот – дальний ориентир, к которому в конечном счете устремлены духовные искания Версирова, и одновременно он – важнейший идейно-философский центр всего романа. Это нравственный идеал, выраженный на языке утонченно-культурного сознания, на языке русского мыслителя-дворянина, скептика и мечтателя, верующего и сомневающегося, "общечеловека" и эгоиста» [168, с. 372].

Согласимся с мнением А. Г. Гачевой, отмечающей, что, вводя строки стихотворения Тютчева «Бессонница» «Пусть у нас дурное изнеможение в кости. Я как русский дворянин был атеист» [9, т. 16, с. 416–417] в наброски исповеди Версирова, Достоевский переводит драму поколений из онтологической в сферу философии истории, когда «изнеможение в кости» понимается на уровне социальном и религиозно-нравственном как барскость и изнеженность русского дворянского «культурного слоя», оторванного от почвы

и больного безверием. «Русский европеец», рыцарь великих гуманистических идеалов Европы не смиряется с вырождением этих идеалов в новом поколении европейцев. «Представитель "высшего культурного типа", "носитель высшей русской культурной мысли", чающий "всепримирения идей", даже утратив связи с почвой, не может принять курятника за свой идеал, как впрочем, не согласится он ни на капитальный дом, ни на хрустальный дворец. Он едет в Европу, "навстречу солнцу и движенью" <...>, но не примыкает к нему, а "скитается" в тоске и грусти, и это его скитальчество и "русская тоска", которую несет он в Европу, – тоже в определенном смысле миссия. Версилов не может смириться с тем, что разрыв поколений *вечен* и непреложен, что рано или поздно, "покорный общему закону", обречен он покинуть авансцену истории, уступая место "новым людям" с их новыми – но всегда ли глубокими и истинными? – идеалами, когда ни он им уже не нужен <...>, ни они ему непонятны» [102, с. 287-288].

Отметим, что демократичная позиция Версилова есть глубокое убеждение самого автора «Подростка». В записной тетради за 1876 год читаем: «Лучшие люди. <...> Что в самом деле лучшие люди? Просто честный человек, христианин. Стало быть, завидовать нечему. Но надо, чтоб и аристократ уважал такого. Надо настроить так общественное мнение. Лучший человек и всегда был так, но не там, где аристократы. Сильные люди. Не сильные лучшие, а честные. Честь и собственное достоинство только сильнее всего. (Вставить о русских в Эмсе, нет собственного достоинства.)» [9, т. 24, с. 230]. 10 марта 1876 года Достоевский пишет брату Андрею: «Заметь себе и проникнись тем, что идея неперемного и высшего стремления в лучшие люди (в буквальном, самом высшем смысле слова) была основною идеей и отца и матери наших, несмотря на все уклонения» [9, т. 29 (II), с. 76].

В романе же Версилов, не найдя понимания своей идеи у «русского князя», восклицаящего «...ваша идея о дворянстве есть в то же время и отрицание дворянства» [8, т. 219, № 4, с. 440], признает её преждевременность, однако замечает: «Идея чести и просвещения, как завет всякого, кто хочет

присоединиться к сословию, незамкнутому и обновляемому непрерывно, – конечно утопия, но почему же невозможная?» [8, т. 219, № 4, с. 439].

Мы разделяем мнение А. Г. Гачевой, считающей, что идеал дворянства как открытого сословия, «собрания лучших людей» России, открывшего вход и верующему во Христа и Царствие Божие крестьянству, в мировосприятии Достоевского является своего рода переходной формой к обществу, устроенному на евангельских началах братского служения и любви (христианский социализм Достоевского). Этим, по мнению Версилова, и завершится история: «"Я обнимал и целовал старика, ты видел, я *в восторге* слушал его, – говорит Версиров Аркадию в черновом автографе "Подростка". – Я признаю его дворянином и верую, что недалеко время, когда таким же дворянином, как я, и сознателем своей высшей идеи станет весь народ русский" (17; 151)» [102, с. 618].

«Лучшие люди» способны противостоять всеобщему распаду и обособлению, восстановить разрывающиеся связи общества. В. А. Котельников пишет: «...Версиров хотя и несет в себе черты "идеального типа", но слишком заражен сомнениями и противоречиями эпохи, чтобы самому стать связующей силой. <...> И тем более щемящей предстает его тоска по идеалу, которая гонит его из России в Европу и вновь на родину, которая то влечет его к Лидии Ахмаковой, то бросает к Катерине Николаевне, то мучит острой любовью-жалостью к Соне; которая то заставляет преклониться перед Макаром Долгоруким, то порождает неверие в его "правду" и велит расколоть завещанную старцем икону» [168, с. 381–382]. Версиров – характерный для писателя тип «скитающегося дворянина» и одновременно носитель «активно-христианского сознания», в его восторженной речи слышны отголоски «федоровского проективного понимания Троицы» (Н. Ф. Федоров) в качестве «Божественной семьи, утверждающей тот высший *любовно-родственный* принцип взаимодействия, который должен быть положен в основу будущего человеческого многоединства и шире – всего преображенного строя творения...» [103, с. 28].

Примечательно, что важнейшие идеи и сокровенные чаяния Достоевский доверяет «раздваивающемуся» представителю высшего русского «культурного типа». Сам Версиков признается во внутреннем самораздвоении: «Точно подле вас стоит ваш двойник; вы сами умны и разумны, а тот непременно хочет сделать подле вас какую-нибудь бессмыслицу, и иногда превеселую вещь, и вдруг вы замечаете, что это вы сами хотите сделать эту веселую вещь, и Бог знает зачем, то есть как-то *нехотя хотите, сопротивляясь из всех сил хотите* [8, т. 223, № 12, с. 460-461. – *Курсив мой.* – С. III.]. Здоров ли Версиков, если желает бросить на снег и растоптать красивые цветы, предназначенные Соне, или расколоть старинный образ, завещанный «странником» Макаром? На Версикове исполняются слова апостола Павла: «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (Рим.7: 15). Достоевский убежден в онтологической поврежденности человеческой души, о глубине греховного поражения которой свидетельствует тяга Версикова к разрушению.

В. В. Зеньковский усматривал тесную связь специфичной антропологии Достоевского с антропологией христианской, базирующейся на учении о падении человека и тезисе о его спасении и восстановлении. Версиков – тип рефлексирующий, а страждущая душа, осознающая бездну собственного падения, способна дерзновенно уповать на чудо, ведь, по словам Священного Писания, «не здоровые имеют нужды во враче, но больные» (Мф. 9:12).

Трудно согласиться с Е. И. Семеновым, считающим, что через познание личности и разрушение абстрактно сконструированного образа отца-дворянина «общечеловеческий идеал Подростка был бы восстановлен и укреплен, что открыло бы ему путь примирения со всем обществом, т.е. с кругом Версикова» [256, с. 74]. Думается, что в образе Аркадия Достоевский пытался показать абсолютную тягу молодого поколения к идеалу общечеловеческого делания и межличностных отношений, достижимого на высшей ступени развития общества (чаяния Достоевского, Федорова), а поэтому максималист Аркадий вряд ли бы когда-либо принял окружение Версикова в его неизменном

состоянии. Версиров для Аркадия на протяжении всего романа представляет загадку. Презрения или уважения заслуживает он? Подростку, молодому поколению и обществу в целом, нужны нравственные ориентиры. Позиция автора романа созвучна словам генерала Фадеева: «Нам, поколению отцов, не все равно, что происходит с нашими детьми до двадцати одного года...» [288, с. 741]. В декабре 1876, через год по завершении публикации «Подростка», Достоевский в «Дневнике писателя» опять обращает внимание читателя на проблемы молодежи: «А у меня именно есть таинственное убеждение, что молодежь-то наша и страдает, и тоскует у нас от отсутствия высших целей жизни. В семьях наших об высших целях жизни почти и не упоминается, и об идее о бессмертии не только уж вовсе не думают, но даже слишком нередко относятся к ней сатирически, и это при детях, с самого их детства, да еще, пожалуй, с нарочным назиданием.

"Да семейства у нас вовсе нет", – заметил мне недавно, возражая мне, один из наших талантливейших писателей. Что же, это ведь отчасти и правда: при нашем всеобщем индифферентизме к высшим целям жизни, конечно, может быть, уже и расшаталась наша семья в известных слоях нации. Ясно по крайней мере до наглядности то, что наше юное поколение обречено само отыскивать себе идеалы и высший смысл жизни» [9, т. 24, с. 51].

Но где же искать движущую силу для духовно-нравственного исцеления общества? Ю. М. Лотман пишет об авторитете военных в среде высшего сословия: «Военная служба считалась преимущественно дворянской службой – статская не считалась "благородной". Ее называли "подьяческой", в ней всегда было больше разночинцев, и ею принято было гнушаться» [186, с. 25].

Вронский, «один из самых лучших образцов золоченой молодежи петербургской» [29, т. 115, с. 287], к которому не без симпатии относится Толстой, – гвардейский офицер, а Львов, максимально идеализированный персонаж, – бывший дипломат. (Отметим любопытный факт: фамилия Львов упоминается при описании рода Толстых: «У премьер-майора графа Николая Федоровича († 1819 г.) от брака с княжною Натальей Андреевной Львовой

были три сына, графы...» [142, с. 314].) Может, стоит возложить надежды духовного преобразования на военных?

Важным политическим событием начала 1870-х годов стала подготовка военной реформы министром Д. А. Милютиным, по которой интеллигенты из низов получали возможность участвовать в политической и культурной жизни страны. Против всеобщей воинской повинности и пополнения офицерского корпуса выходцами из недворянских слоев выступил генерал Р. Я. Фадеев, предлагавший ограничить общественное воспитание: грамотность для народа, техническое обучение для детей зажиточных родителей и наука для культурного класса. «Нашему Отечеству необходимы образованное дворянство, большое распространение технических и промышленных знаний в средних состояниях и грамотный народ. Каждому свое» [288, с. 821]. Ведь получаемые благодаря произвольно раздаваемым стипендиям и пособиям бедным студентам «искусственно высиженные культурные подростки» есть «жертвы напускной русской учености» [288, с. 820], без опоры и связей выпущенные в чуждое им общество. Генерал Фадеев убежден, что в России нет иной группы, способной руководить обществом.

Царскому рескрипту от 25 декабря 1873 года, объявившему дворянское сословие, служившее «"примером доблести и преданности гражданскому долгу", своей ближайшей опорой в деле просвещения общества, охране его от тлетворных и пагубных влияний» [256, с. 18], предшествовала серьезная общественная полемика. Е. И. Семенов справедливо считает, что Достоевский в «Подростке» возражал консервативной стороне этой полемики, показывая новую культурную силу в образе молодого разночинца, а в самом названии романа «по-своему интерпретирован тип "культурного подростка", символизирующего собою прорыв в "высшие" слои общества "стихийной" массы...» [256, с. 30]. Фадеев боялся, что выходцы из народных низов возглавят бунт «парижского типа», он видел в них «ненормальное и безобразное общественное явление, Достоевский же связывает с фигурой и обликом своего Аркадия, нервного и беспокойного, порою готового на

анархические действия, иные общественные и моральные перспективы» [256, с. 28]. По замыслу Достоевского, отношение других героев к «случайному сыну случайного семейства» (Аркадий внебрачный сын помещика и дворовой крестьянки, получивший образование) позволяет определить их собственную «стоимость», а «необразованный» Подросток становится «подлинным наследником духовных, идейных завоеваний "лучших людей" России» [256, с. 29]. Аркадии без роду и племени выходят на историческую сцену, приходя на смену русским европейцам и скитальцам Версиловым. Согласимся частично с Семеновым в том, что в «Подростке» Достоевский эстетически реабилитирует социальные низы общества.

В августе 1875 г., работая над третьей частью „Подростка“, Достоевский прямо полемизирует с Р.А. Фадеевым, автором книги „Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)“ (СПб., 1874), подвергая критике его идеи об укрупнении землевладений, грозящем уничтожением исконного дворянства, ведь именно в мелких владениях сохраняются „старые знатные роды и дух дворянства“ [256, с. 19-35]. В «Записных тетрадах» Достоевский указывал на противоречивость мысли Фадеева, апеллирующего к «золотому мешку», однако отмечает верность идеи генерала об объединении духовных сил и роли дворянства. Семенов отмечает, что автор «Подростка» в области положительных нравственных качеств, «засвидетельствованных историей страны», противопоставлял дворян «бездуховным русским буржуа, кулакам и кабатчикам» [256, с. 34]. Писатель указывал на необходимость духовного, морального союза нравственно развитых граждан, «озабоченных судьбами страны».

Среди героев романа Достоевского на военной службе были и Версилов, и молодой князь Сокольский, и поддерживающий у себя тон «щекотливо-раздражительный к соблюдению форм чести, краткий и деловой» [8, т. 220, № 5, с. 172] содержатель игорного заведения Зерщиков. Господа военные у Подростка особых симпатий не вызывают. Бьоринг – «барон, полковник, лет тридцати пяти, щеголеватый тип офицера, сухощавый, с немного слишком

продолговатым лицом, с рыжеватыми усами и даже ресницами. Лицо его было хоть и совсем некрасиво, но с резкой и вызывающей физиономией» [8, т. 220, № 5, с. 205]. Его товарищ – физически сильный полковник «немецкого происхождения <...> тоже рыжеватый, как и Бьоринг, и немного только плешивый. Это был один из тех баронов Р., которых очень много в русской военной службе, все людей с сильнейшим баронским гонором, совершенно без состояния, живущих одним жалованьем и чрезвычайных служак и фрунтовики» [8, т. 220, № 5, с. 208]. Военные Достоевского эгоистичны, меркантильны и самолюбивы, подобно толстовским героям.

В поисках нравственных ориентиров писатели обращают взгляд на мир чиновников-аристократов, достойнейшим представителем которого является Алексей Александрович Каренин, озабоченный бытом инородцев и орошением полей в Зарайской губернии. «Особенность Алексея Александровича, как государственного человека, та, ему одному свойственная, характерная черта, которую имеет каждый выдвигающийся чиновник, та, которая вместе с его упорным честолюбием, сдержанностью, честностью и самоуверенностью сделала его карьеру, состояла в пренебрежении к бумажной официальности, в сокращении переписки, в прямом насколько возможно, отношении к живому делу и в экономности» [30, т. 121, № 1, с. 313-314]. Однако характерное для Толстого естественное развитие образа героя в романе выявляет существенный недостаток этого государственного деятеля: он слишком подвержен чужому и чуждому влиянию (новое религиозное учение, Landau).

Пародиен у автора «Анны Карениной» образ ловящего моль адвоката. Толстой явно симпатизирует как воплощению «живой жизни» Стиве Облонскому, при этом ещё и неплохому начальнику одного из присутственных мест в Москве, иронизируя: «Половина Москвы и Петербурга была родня и приятели Степана Аркадьича. Он родился в среде тех людей, которые были и стали сильными мира сего. Одна треть государственных людей, стариков, были приятелями его отца и знали его в рубашечке; другая треть были с ним на "ты", а третья треть были хорошие знакомые; следовательно, раздаватели земных

благ в виде мест, аренд, концессий и тому подобного были все ему приятели и не могли обойти своего <...>. Главные качества Степана Аркадьича, заслужившие ему это общее уважение по службе, состояли, во-первых, в чрезвычайной снисходительности к людям, основанной в нем на сознании своих недостатков; во-вторых, в совершенной либеральности, не той, про которую он вычитал в газетах, но той, что у него была в крови и с которой он совершенно равно и одинаково относился ко всем людям, какого бы состояния и звания они ни были, и, в-третьих, – главное – в совершенном равнодушии к тому делу, которым он занимался, вследствие чего он никогда не увлекался и не делал ошибок» [29, т. 115, с. 258-259]. И если адвокат у Толстого слишком алчен, то Стива Облонский слишком легкомыслен.

В романе Достоевского к миру дворян, состоящих на светской службе, относится начальник отделения Алексей Никанорович, имевший привычку к частным делам сверх службы, по воле которого в руках Подростка оказывается документ, который можно использовать «по совести». По замечанию Крафта, «Андроников "никогда не рвал нужных бумаг" и, кроме того, был человек хоть и широкого ума, но и "широкой совести"» [8, т. 218, № 1, с. 73], однако именно этот человек оказывает Подростку в детстве благодеяния, приграв его в собственной семье. Достоевский изображает и низость графских и сенаторских детей (Ламберт) в пансионе Тушара.

Показывая разные слои дворянства, писатели не обходят вниманием и особенности манер, поведения светского общества. Общественные требования к внешнему (поведенческому) и внутреннему (морально-нравственному) состоянию высшего сословия были исключительно высоки. Например, разговор о чувствах мог происходить исключительно на французском языке, целью же женского образования было воспитание идеальной жены дворянина. Ю. М. Лотман писал: «Принадлежность к дворянству означает и обязательность определенных правил поведения, принципов чести, даже покроя одежды» [196, с. 6]. И все же наиважнейшим было сохранение чести и достоинства в глазах общества, поэтому дуэль, о которой неоднократно

размышляет Каренин (публикация за январь 1876), существовала в качестве сатисфакции достаточно долго. Озабоченный сохранением репутации «физически робкий человек», мысленно содрогаясь, как и в юности, примеривает на себя одеяние «невольника чести»: «Алексей Александрович без ужаса не мог подумать о пистолете, на него направленном, и никогда в жизни не употреблял никакого оружия. <...> страх за свою трусость и теперь оказался так силен, что Алексей Александрович долго и со всех сторон обдумывал и ласкал мыслью вопрос о дуэли, хотя и вперед знал, что он ни в каком случае не будет драться.

"Без сомнения, наше общество еще так дико (не то, что в Англии) <...> Положим, я вызову на дуэль <...>. Положим, меня научат, – продолжал он думать, – поставят, я пожму гашетку, – говорил он себе, закрывая глаза, – и окажется, что я убил его, – сказал себе Алексей Александрович и потряс головой, чтоб отогнать эти глупые мысли. – Какой смысл имеет убийство человека для того, чтоб определить свое отношение к преступной жене и сыну? <...> Но, что еще вероятнее и что несомненно будет, – я буду убит или ранен. Я, невиноватый человек, жертва, – убит или ранен. Еще бессмысленнее. Но мало этого; вызов на дуэль с моей стороны будет поступок нечестный. Разве я не знаю вперед, что мои друзья никогда не допустят меня до дуэли – не допустят того, чтобы жизнь государственного человека, нужного России, подверглась опасности? <...> Дуэль немислима, и никто не ждет ее от меня» [30, т. 121, с. 308].

Подросток же Достоевского готов драться на дуэли с «князьком» за честь отца, потерявшего уважение света из-за слуха о низком отказе от дуэли с обидчиком за публичную пощечину: «И хоть вы, конечно, может быть, и не пошли бы на мой вызов, потому что я всего лишь гимназист и несовершеннолетний подросток, однако я все бы сделал вызов, как бы вы там ни приняли и что бы вы там ни сделали...» [8, т. 219, № 4, с. 435]. Аркадий узнает, что обидчик отца раскаялся, а Версилов три часа назад сделал ему

формальный вызов, от которого через час и отказался, повинясь в «минутном порыве малодушия и эгоизма».

Свод несомненных правил Вронского, делающих его счастливым, спокойным и позволяющих «высоко носить голову», представляет собой яркий пример извращенных светом понятий «что должно и не должно делать»: «Правила эти несомненно определяли, – что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, – что лгать не надо мужчинам, но женщинам можно, – что обманывать нельзя никого, но мужа можно, – что нельзя прощать оскорблений и можно оскорблять и т.д.» [30, т. 121, с. 336].

Мотив чести сопровождает диалог-спор писателей об исторических судьбах родового дворянства или «лучших людях». Следование правилам благородства (прежде всего, внешнее) было обязательным для высшего общества, и в романах Толстого и Достоевского слово «честь» и однокоренные ему слова не только служат для речевой характеристики персонажей определенной социальной группы, но и создают колорит эпохи 1870-х, когда нравственным мерилom человеческого достоинства являлись честь и честность (см. табл. 4).

Таблица 4

Слова «честь» и «честность» в романах «Подросток» и «Анна Каренина»

№	Словоформы и однокоренные слова	Количество употреблений	
		«Подросток»	«Анна Каренина»
1.	честь	53	28
2.	честное (субстантивированное сущ.)	0	3
3.	честное (прилагательное) в словосочетаниях с сущ. (человек, семейство, натура, жена, женщина, мужчина, малый, труд, люди, слово, дело, имя, кров имени; девушка, вид, наклонность, отец, мальчик, поступок, вдова, вдовица, дом)/ честен/ честнее	48	31/1/1
4.	честность	3	3
5.	честолюбие, честолюбив	0	15
6.	пречестный, честное (прил.)	2	0
7.	почесть	1	0
8.	бесчестный, нечестный, нечестивый	16	17
	<i>Всего слов данной группы</i>	129	99

Отметим, что большая часть слов с корнем -чест-имеет положительную оценку, меньшая – отрицательную. Вопреки очевидным предположениям, частота употребления слов лексико-семантической группы (-чест-) в романе «Подросток», где люди света представлены иронично, оказывается значительно выше, чем в «Анне Карениной», где жизнь дворянства изображена широко и правдиво (более чем на ¼ часть: 129 к 99 соответственно). Это можно объяснить тем, что рассказчиком в романе Достоевского является Подросток, которому в силу возраста свойственен юношеский максимализм, Аркадий судит себя и окружающих по чести и совести, доброе имя и благородное сердце для него важнее всего. По мнению Достоевского, «юность чиста уже потому, что она юность» [8, т. 223, № 12, с. 513].

Толстой, ценивший в людях «голубой крови» благородное сознание, осуждал их искусственный образ жизни, поэтому с первых страниц романа читатель встречается с эпизодическими женскими персонажами (Бетси Тверская, графиня Нордсон, жена танцмейстера), вызывающее одеяние и нарочитость поведения которых (например, вульгарность Бетси во Французском театре) не только являются требованием света, но и отражают ненатуральность их переживаний и самой жизни.

Достоевский иронизирует над переживаниями своих полусветских героинь, стремящихся жить по правилам света, которых очень серьезно беспокоит «дорогое выездное платье Анны Андреевны, но старое, то есть три раза надеванное и которое она желала как-нибудь переделать» [8, т. 219, № 4, с. 458].

Р. Я. Фадеев, упрекая русскую литературу в отсутствии почвы «под нашими взглядами» и случайности мнений, указывал на разброд во всех слоях общества, высших и низших. «Одну из причин шатаний в образованном обществе Фадеев видит в перенесении плохо усвоенных понятий западной культуры на русскую почву» [247, с. 21], считает Л. М. Розенблюм. И здесь как не вспомнить слова Фета, который отрицая революционный путь обновления России, писал Толстому 28 февраля <1867 г.> о состоянии дворянства: «Европа

нас просветила, – спасибо, но она внушила нам, будто нам необходима и карета, и театр, и бал, и лионская материя, когда не на что этого купить. Курить дорогую сигару, потому что могу и хочу – барство. Курить ее, потому что стыдно не курить, – холопство. А холопы не могут быть ни свободны, ни богаты. Наше дворянство *было* в эпоху хоть Вашего романа, а теперь это вымирающая вошь, разбогатевшее купечество – сию же минуту заражается той же бессмысленной пустотой. Это ужасно безнадежно» [1, с. 30. – *Курсив Фета. – С. Ш.*].

Известно, что столичное дворянство сильно отличалось от помещного приятными манерами, благородной осанкой, отношением к службе, различинские же манеры резко диссонировали с аристократической простотой движений, отличавших людей «хорошего общества». Толстой подчеркивает, что Вронский и Левин именно по манерам и виду различают в Анне женщину большого света. «Вронский пошел за кондуктором в вагон и при входе в отделение остановился, чтобы дать дорогу выходящей даме. С привычным тактом светского человека, по одному взгляду на внешность этой дамы, Вронский определил ее принадлежность к высшему свету» [29, т. 115, с. 311]. Анна проявляет «... знакомые и приятные Левину приемы женщины большого света, всегда спокойной и естественной» [31, т. 128, с. 358]. Левин отмечает, что «Анна говорила не только естественно, умно, но умно и небрежно, не приписывая никакой цены своим мыслям, а придавая большую цену мыслям собеседника» [31, т. 128, с. 359].

И Подростка из романа Достоевского в молодом князе поражает «удивительная благовоспитанность; вежливость, непринужденность манер – одним словом, весь этот лоск ихнего тона, который они принимают чуть не с колыбели» [8, т. 218, № 2, с. 439]. Особо изощренным является и вежливое хамство надменного брата-дворянина: «Не проговорив ни слова, он направил на меня пенсне и стал рассматривать. Я, как зверь, шагнул к нему один шаг и стал с вызовом, смотря на него в упор. Но рассматривал он меня лишь мгновение, всего секунд десять; вдруг самая неприметная усмешка показалась на губах его,

и, однако ж, самая язвительная, тем именно и язвительная, что почти неприметная; он молча повернулся и пошел опять в комнаты, так же не торопясь, так же тихо и плавно, как и пришел. О, эти обидчики еще с детства, еще в семействах своих выучиваются матерями своими обижать!» [8, т. 223, № 12, с. 450].

Карикатурность манер света в полной мере осознает Вронский, показывая достопримечательности Петербурга иностранному принцу, желающему не упустить ничего из оригинально-национального и «вкусить всех специально русских удовольствий». («Были и рысаки, и блины, и медвежьи охоты, и тройки, и цыгане, и кутежи с русским битьем посуды. И принц с чрезвычайною легкостью усвоил себе русский дух...» [30, т. 121, с. 681], предпочитая, однако, французских актрис, танцовщицу и шампанское с белою печатью...) «Принц пользовался необыкновенным даже между принцами здоровьем; и гимнастикой и хорошим уходом за своим телом он довел себя до такой силы, что, несмотря на излишества, которым он предавался в удовольствиях, он был свеж, как большой зеленый глянцевиный голландский огурец» [30, т. 121, с. 680]. Однако Вронский ощущает себя как бы приставленным к опасному сумасшедшему, с презрительными манерами, готовому оскорбить его в любую минуту. «Его суждения о русских женщинах, которых он желал изучать, не раз заставляли Вронского краснеть от негодования» [30, т. 121, с. 681].

Принц является для Вронского неприятным зеркалом, не льстящим его самолюбию: «Это был очень глупый, и очень уверенный, и очень здоровый, и очень чистоплотный человек, и больше ничего. Он был джентльмен – это была правда, и Вронский не мог отрицать этого. Он был ровен и неискателен с высшими, был свободен и прост в обращении с равными и был презрительно добродушен с низшими. Вронский сам был таковым и считал это большим достоинством; но в отношении принца он был низший, и это презрительно-добродушное отношение к нему возмущало его. "Глупая говядина! Неужели я такой!" – думал он» [30, т. 121, с. 681].

Взволнованный и очарованный «Анной Карениной» Фет в письме Толстому от 26 марта 1876 года отмечает: «...Чуют они все, что этот роман есть строгий, неподкупный суд всему нашему строю жизни. От мужика и до говядины принца» [34].

Практически вслед за Фетом, в апреле 1876 г., Достоевский критикует в «Дневнике писателя» за «обожание высшего света» опубликованный в «Русском вестнике» роман «Млечный путь» г-на Авсеенко, поддерживая Толстого: «Я слышал (не знаю, может быть, в насмешку), что этот роман предпринят с тем, чтоб поправить Льва Толстого, который слишком объективно отнесся к высшему свету в своей "Анне Карениной", тогда как надо было отнестись молитвеннее, колепопреклоненнее...» [9, т. 22, с. 107].

В поисках движущей нравственной силы общества писатели обращают внимание и на интеллигенцию. Следует особо отметить, что активная писательская и общественная деятельность Ф. М. Достоевского 1870-х не могла пройти незамеченной Львом Николаевичем, который в последней публикации 1875 года своего романа с легким юмором представил читателю писателя и философа Сергея Ивановича Кознышева, занятиями, идеями и приверженностью общественному деланию (и общему делу) слишком напоминающего Достоевского: «Сергей Иванович говорил, что он любит и знает народ, и часто беседовал с мужиками, что он умел делать хорошо, не притворяясь и не ломаясь, и из каждой такой беседы выводил общие данные в пользу народа и в доказательство, что знал этот народ» [29, т. 116, с. 598]. В описании героя присутствуют приметы и почвеннических идей Достоевского. «Точно как же, как он любил и хвалил деревенскую жизнь в противоположность той, которой он не любил, точно так же и народ любил он в противоположность тому классу людей, которого он не любил, и точно так же он знал народ как что-то противоположное вообще людям. В его методическом уме ясно сложились определенные формы народной жизни, выведенные отчасти из самой народной жизни, но преимущественно из противоположения.

Он никогда не изменял своего мнения о народе и сочувственного к нему отношения» [29, т. 116, с. 599].

И в одной из первых публикаций 1876 года (февральской) Толстой (не без намек на именитого коллегу по перу) повествует об отношениях московских интеллигентов Кознышева и Песцова: «А так как нет ничего неспособнее к соглашению, как разномыслие в полуотвлеченностях, то они не только никогда не сходились в мнениях, но привыкли уже давно, не сердясь, только посмеиваться неисправимому заблуждению один другого» [30, т. 121, с. 709].

Восьмую часть, опубликованную в середине 1877 года, когда Достоевский и Толстой окончательно разошлись по восточному вопросу, автор «Анны Карениной» начинает с описания общественной активности Кознышева, автора книги с интригующим заглавием «Опыт обзора основ и форм государственности в Европе и в России», чем развеивает последние сомнения об авторе «Дневника писателя» как прототипе своего героя. Сергей Иванович «зорко» следит за впечатлением от своей книги в обществе и литературе, но никакой реакции нет. «Только в *Северном Жуке* в шуточном фельетоне о певце Драбанти, спавшем с голоса, было кстати сказано несколько презрительных слов о книге Кознышева, показывавших, что книга эта уже давно осуждена всеми и предана на всеобщее посмеяние» [32, т. 19, с. 351. – *Курсив Толстого. – С. III.*]. Фельетонист из серьезного журнала пишет ужасную критическую статью, так как «нарочно понял всю книгу так, как невозможно было понять ее. Но он так ловко подобрал выписки, что для тех, которые не читали книги (а очевидно, почти никто не читал ее), совершенно было ясно, что вся книга была не что иное, как набор высокопарных слов, да еще некстати употребленных (что показывали вопросительные знаки), и что автор книги был человек совершенно невежественный. <...> Несмотря на совершенную добросовестность, с которою Сергей Иванович проверял справедливость доводов рецензента, он ни на минуту не остановился на недостатках и ошибках, которые были осмеиваемы, – было слишком очевидно, что все это подобрано нарочно...» [32, т. 19, с. 351].

Сергею Ивановичу как-то во время подворачивается славянский вопрос и сербская война. Несмотря на элемент моды в общем патриотическом порыве, герой приветствует проявление общественного мнения: «Народная душа получила выражение, как говорил Сергей Иванович. И чем более он занимался этим делом, тем очевиднее ему казалось, что это было дело, долженствующее получить громадные размеры, составить эпоху.

Он посвятил всего себя на служение этому великому делу и забыл думать о своей книге» [32, т. 19, с. 353]. Толстой не уповает на интеллигенцию, оторванную от естественного физического труда, живущую иллюзиями и не способную на реальные шаги по изменению нравственно больного общества.

Заметим, что в среде Подростка у Достоевского таким интеллигентом оказывается деликатный помощник Андроникова. Подросток так описывает Крафта: «Что-то было такое в его лице, чего бы я не захотел в свое, что-то такое слишком уж спокойное в нравственном смысле, что-то вроде какой-то тайной, себе неведомой гордости» [8, т. 218, № 1, с. 54]. 26-летний философ путем умозаключений пришел к глобальному выводу о том, что «русский народ есть народ второстепенный... <...>, которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества» [8, т. 218, № 1, с. 55]. Идея поглотила его полностью, а парадоксальные выводы породили мысль о бесполезности деятельности всякого русского человека, жизнь потерял смысл. Самоубийца лишился веры и в нравственные идеи и в человека (окружающие «помешанные»). Трагедия Крафта – при осознании трагедийности настоящего отсутствие надежды на будущее: «Нынешнее время это время золотой середины и бесчувствия, страсти к невежеству, лени, неспособности к делу и потребности всего готового» [8, т. 218, № 1, с. 67]. Для автора очевидно, что у интеллигенции нет внутренней силы для преобразования страны и мира.

Особое внимание в поисках движущей силы общества Толстой обращает на помещиков-землевладельцев. Роль крупного землевладельца, «из каких должно состоять ядро русской аристократии» [32, т. 19, с. 220], с удовольствием

примеривает на себя Вронский, дела его идут прекрасно: «Несмотря на огромные деньги, которых ему стоила больница, машины, выписанные из Швейцарии коровы и многое другое, он был уверен, что он не расстраивал, а увеличивал свое состояние. Там, где дело шло до доходов, продажи лесов, хлеба, шерсти, отдачи земель, Вронский был крепок, как камень, и умел выдерживать цену. В делах большого хозяйства и в этом и в других имениях он держался самых простых, нерискованных приемов и был в высшей степени бережлив и расчетлив на хозяйственные мелочи. Несмотря на всю хитрость и ловкость немца, втягивавшего его в покупки и выставявшего всякий расчет так, что нужно было сначала гораздо больше, но, сообразив, можно было сделать то же и дешевле и тотчас же получить выгоду, Вронский не поддавался ему. Он выслушивал управляющего, расспрашивал и соглашался с ним, только когда выписываемое или устраиваемое было самое новое, в России еще неизвестное, могущее возбудить удивление. Кроме того, он решался на большой расход только тогда, когда были лишние деньги, и, делая этот расход, доходил до всех подробностей и настаивал на том, чтоб иметь самое лучшее за свои деньги. Так что по тому, как он повел дела, было ясно, что он не расстроил, а увеличил свое состояние» [32, т. 19. с. 220-221].

Но Вронский-земледелец уж слишком собой доволен, и автор «Анны Карениной» (с первой январской публикации 1875 года) особые надежды возлагает на «идеального» дворянина Константина Левина, который в русле антропологии Толстого, властен над собой. После отказа Кити, по приезде домой, Левин не позволяет себе упасть духом, уверенный в том, что «с собой сделать всё возможно» [32, т. 18, с. 100]. «Он хотел теперь быть только лучше, чем он был прежде. Во-первых, с этого дня он решил, что не будет больше надеяться на необыкновенное счастье, какое ему должна была дать женитьба, и вследствие этого не будет так пренебрегать настоящим. Во-вторых, он уже никогда не позволит себе увлечься гадкою страстью, <...> для того чтобы чувствовать себя вполне правым, он, хотя прежде много работал и нероскошно жил, теперь будет еще больше работать и еще меньше будет позволять себе

роскоши. И *всё это казалось ему так легко сделать над собой*, что всю дорогу он провел в самых приятных мечтаниях. *С бодрым чувством надежды на новую, лучшую жизнь*, он в девятом часу ночи подъехал к своему дому» [32, т. 18, с. 99].

По мере описания жизни героя в Покровской усадьбе в романе ставятся острые социальные проблемы и утверждается толстовская мечта о реформировании сельского хозяйства в процессе задуманной Левиным «бескровной революции». Автобиографические черты носят усиленные занятия героя хозяйственными делами в имении, описание всего цикла сельскохозяйственных работ в усадьбе, планы по преобразению окружающей действительности.

Герой Толстого искренне переживает за экономическое и нравственное оскудение высшего сословия: «... Мне досадно и обидно видеть это со всех сторон совершающееся обеднение дворянства, к которому я принадлежу <...>. Тут арендатор-поляк купил за полцены у барыни, которая живет в Ницце, чудесное имение. Тут отдают купцу за рубль десятину земли, которая стоит десять рублей. Тут ты без всякой причины подарил этому плуту тридцать тысяч...» [295, т. 116, № 1, с. 268]. Левин подчеркивает историческую значимость благородного сословия, но осознает надвигающуюся на него угрозу хозяйственного разорения: «У детей купца Рябина будут средства к жизни и образованию, а у детей князя Облонского, потомка Рюриковичей, не будет» (К.Н. Леонтьев) [187, с. 151]. (В журнальной версии за март 1875 г. сословная гордость так ярко не выражена: «У детей Рябинина будут средства к жизни и образованию, а у твоих, пожалуй, не будет!» [29, т. 116, с. 268].) «Чуткий сердцем», умный помещик ищет решение острых социально-экономических проблем.

В это же время (январь 1875 г.) Достоевский публикует первые главы своего романа, самым сюжетом и образом главного героя, «культурного подростка», противопоставленного людям «средне-высшего» дворянского культурного круга («Да, Аркадий Макарович, вы – член случайного семейства,

в противоположность еще недавним родовым нашим типам, имевшим столь различные от ваших детство и отрочество» [8, т. 223, № 12, с. 515], вступая тем самым в художественную полемику с Толстым («Детство», «Отрочество», «Юность»). Позднее же, в январе 1877 года, Достоевский укажет в «Дневнике писателя» на Николеньку Толстого как на представителя семейства «средне-высшего дворянского круга, поэтом и историком которого был, по завету Пушкина, *вполне и всецело* граф Лев Толстой» [*курсив мой.* – С. III. – 9, т. 25, с. 32].

В романе Достоевского вопрос о лучших людях рассматривается в контексте социальных и духовно-нравственных проблем. Подросток ощущает отсутствие «общей всесоединяющей мысли» в людях. Не только семья, но и вся социальная среда, в которой оказался Аркадий после пансиона, есть хаотическое смешение «случайных» элементов распадающегося общественного целого. С утратой «всесоединяющей мысли» в обществе расшатываются все нравственные основания, и грань между добром и злом, благородством и низостью, честью и бесчестьем становится зыбкой, условной.

Множатся и проникают во все слои общества мошенники и негодяи, такие как Ламберт или ростовщик Стебельков, они совращают слабого Тришатова, отчаявшегося Андреева, «тысячелетнего князя» Сергея Сокольского, которого ничто не удерживает от трусливой лжи товарищам-офицерам, от участия в махинациях Стебелькова, от политического доноса.

В февральской публикации (1875) Толстой через описание дома характеризует душевные качества идеального помещика: «Дом был большой, старинный, и Левин, хотя жил один, но топил и занимал весь дом. Он знал, что это было глупо, знал, что это даже нехорошо и противно его теперешним новым планам, но дом этот был целый мир для Левина. Это был мир, в котором жили и умерли его отец и мать. Они жили тою жизнью, которая для Левина казалась идеалом всякого совершенства и которую он мечтал возобновить с своею женой, с своею семьей» [29, т. 115, № 2, с. 756].

Автор раскрывает программу действий помещика-реформатора по преобразению действительности: «Кроме хозяйства, требовавшего особенного внимания весной, кроме чтения, Левин начал этою зимой ещё сочинение о хозяйстве, план которого состоял в том, чтобы характер рабочего в хозяйстве был принимаем за абсолютное данное, как климат и почва, и чтобы, следовательно, все положения науки о хозяйстве выводились не из одних данных почвы и климата, но из данных почвы, климата и известного неизменного характера рабочего...» [29, т. 115, № 2, с. 808].

При этом Левин понимает, что прежние, веками складывавшиеся социальные отношения помещика и работника «перевернулись», а новые только ещё зарождаются, и вопрос о том, как уложатся новые условия, «есть только один важный вопрос в России». Он подолгу беседует с крестьянами, с помещиками-крепостниками, с дворянами – либералами, выписывает новые сельскохозяйственные машины. Однако не все приживается, люди, отворачиваясь от нового, стремятся работать по старинке. Честный Левин понимает «фатальную» противоположность своих помещичьих интересов «самым справедливым интересам работающих на него крестьян», осознавая, что «цель его энергии была самая недостойная». Очень быстро Левин осознает невозможность глубокого единения мужика и барина.

С первых публикаций романа Достоевского ясно, что образы молодого мечтательного князя Сергея вкупе с филантропом старым князем Сокольским можно рассматривать как полемический ответ автора на идеальный образ Константина Левина Толстого: «ценя свое княжество и будучи нищим, он (Сергей. – *С. III.*) всю жизнь из ложной гордости сыпал деньгами и затянулся в долги» [8, т. 219, № 4, с. 438] или «этот князь Сокольский (Николай Иванович – *С. III.*), богач и тайный советник, нисколько не состоял в родстве с теми московскими князьями Сокольскими (ничтожными бедняками уже несколько поколений сряду), с которыми Версиллов вел свою тяжбу. Они были только однофамильцы». [8, т. 218, № 1, с. 53]. Старый князь большой оригинал: «У него была, сверх того, одна странность, с самого молодого <...>: выдавать замуж

бедных девиц. Он их выдавал уже лет двадцать пять сряду <...>. Он сначала брал их к себе в дом еще маленькими девочками, растил их с гувернантками и француженками, потом обучал в лучших учебных заведениях и под конец выдавал с приданым. Все это около него теснилось постоянно. Питомицы, естественно, в замужестве нарождали еще девочек, все народившиеся девочки тоже норовили в питомицы, везде он должен был крестить, все это являлось поздравлять с именинами, и все это ему было чрезвычайно приятно» [8, т. 218, № 1, с. 30].

В феврале 1875 г. Достоевский дает портретное описание князя Сергея Сокольского: «Вошёл молодой и красивый офицер. <...> То есть я говорю красивый, как и все про него точно так же говорили, но что-то было в этом молодом и красивом лице не совсем привлекательное. <...> Он был сухощав, прекрасного роста, тёмно-рус, с свежим лицом, немного, впрочем, желтоватым, и с решительным взглядом. Прекрасные тёмные глаза его смотрели несколько сурово, даже и когда он был совсем спокоен. Но решительный взгляд его именно отталкивал потому, что как-то чувствовалось почему-то, что решимость эта ему слишком недорого стоила» [8, т. 218, № 2, с. 349]. Впечатление у Подростка от первых встреч с молодым Сокольским странное: «... Он мне и нравился и ужасно не нравился. Было что-то такое, чего бы я и сам не сумел назвать, но что-то отталкивающее» [8, т. 218, № 2, с. 440]. Автор нарочито выпукло представляет некоторые диссонирующие подробности княжеского облика, говоря о княжеской благовоспитанности и манерах, вскользь замечает: «В письме его я насчитал две прегрубые грамматические ошибки» [8, т. 218, № 2, с. 370].

У Достоевского часто описание жилища призвано характеризовать героя. «"Покажи мне свою комнату, и я узнаю твой характер", право, можно бы так сказать» [8, т. 218, № 2, с. 390], – говорит Подросток. Квартира молодого князя Сокольского подчеркивает «легковесность» её хозяина: «...Я удивился великолепию его квартиры. То есть не то что великолепию, но квартира эта была как у самых "порядочных людей": высокие, большие, светлые комнаты (я

видел две, остальные были притворены) и мебель – опять-таки хоть и не бог знает какой Versailles или Renaissance, но мягкая, комфортная, обильная, на самую широкую ногу; ковры, резное дерево и статуэтки. Между тем про них все говорили, что они нищие, что у них ровно ничего. Я мельком слышал, однако, что этот князь и везде задавал пыли, где только мог, – и здесь, и в Москве, и в прежнем полку, и в Париже, – что он даже игрок и что у него долги» [8, т. 218, № 2, с. 364].

В апрельской публикации 1875 года Толстой изображает трудовую деревенскую жизнь своего героя и его попытки улучшить положение крестьянского люда: «Левину в первый раз ясно пришла мысль о том, что от него зависит переменить ту столь тягостную, праздную, искусственную и личную жизнь, которою он жил, на эту трудовую, чистую и общую прелестную жизнь» [29, т. 116, № 4, с. 577]. Помещик-реформатор приходит к выводу о необходимости учитывать национальные черты, присущие русскому мужику. Опора на крестьянина, учет особенностей его взглядов и характера становятся важнейшим принципом хозяйствования Константина Левина. Автор, верящий в возможность гармонизировать личную и общественную жизнь на земле, убеждает читателя в том, что России нужны такие совестливые и хозяйственные помещики как Левин, ведь путем просвещения и осознанного труда над собой можно каждому достичь совершенства, а братство высоконравственных «лучших» людей преобразует и окружающую действительность.

Фет пишет Толстому от 3 мая 1876 г.: «Для меня главный смысл в "Карениной" – нравственно-свободная высота Левина. Отнимите у Левина великодушие по породе – он будет врать, отнимите состояние – он будет врать в окружном суде, сенате, в литературе, в жизни. Может ли голодающий быть ценителем роскошного обеда? Напрасно теперь журналисты выхваляют науку – она им кимвал звучащий, потому что она уличная сволочь, и у них, как у французской и немецкой буржуазии, не было научных преданий. Они не служители, а лакеи науки, как выразился Тютчев. Напрасно наши дворяне

говорят, что не нужно им науки. Наука, в сущности, прирожденное уважение к разуму и разумности в широком смысле. А кто не уважает высших интересов человечества, не может ни в чем дать хорошего совета. А ведь их пусть непременно в советники, да еще в действительные, тайные» [34].

Достоевский иронизирует над мечтами молодого князя Сокольского о добропорядочной семейной и трудовой крестьянской жизни (ведь и Левин намеревался жениться на крестьянке). «Он совершенно твёрдо заявил мне о своём намерении жениться на Лизе <...>. “То, что она не дворянка, поверьте, не смущало меня ни минуты, – сказал он мне, – мой дед женат был на дворовой девушке, певице на собственном крепостном театре одного соседа-помещика <...> Я думаю, она (Лиза. – *С. III.*) полюбила меня за "беспредельность моего падения"..."» [8, т. 220, № 5, с. 191] и «Мой идеал поставлен твёрдо: несколько десятков десятин земли (и только несколько десятков, потому что у меня не остается уже почти ничего от наследства); затем полный, полнейший разрыв со светом и с карьерой; сельский дом, семья и сам – пахарь или вроде того. О, в нашем роде это – не новость: брат моего отца пахал собственноручно, дед тоже. Мы – всего только тысячелетние князья и благородны, как Роганы, но мы – нищие. И вот этому я бы и научил и моих детей: “Помни всегда всю жизнь, что ты – дворянин, что в жилах твоих течет святая кровь русских князей, но не стыдись того, что отец твой сам пахал землю: это он делал по-княжески”. Я бы не оставил им состояния, кроме этого клочка земли, но зато бы дал высшее образование, это уж взял бы обязанностью. О, тут помогла бы Лиза. Лиза, дети, работа, о, как мы мечтали обо всем этом с нею <...> и что же? я в то же время думал об Ахмаковой, не любя этой особы вовсе, и о возможности светского, богатого брака!» [8, т. 220, № 5, с. 193-194].

Однако «левинским» мечтам князя Серёжи («как скоро падала и разбивалась его мнительность, то он уже отдавался окончательно; в нем сказывались черты почти младенческой ласковости, доверчивости и любви» [8, т. 220, № 5, с. 190]) не дано осуществиться. «Благороднейший» князь замешан в деле о фальшивомонетчиках и подделке акций (бесчестен?!). Не лишенный

совести, он сам идёт в полицию и сознаётся во всём. Но тут же оказывается не в силах отказаться от подлости – из ревности доносит на революционера Васина, которого сразу же арестовывают. Молодой Сокольский мучится сознанием собственной низости, но не в состоянии переменить себя. При добрых задатках природы в нем уже угасло родовое чувство чести, исчезла идея общественного предназначения, смешались нравственные притяжения, распалась воля. «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим.7: 19).

В майской публикации своего романа (1875) Достоевский, иронизируя по поводу дворянского идеала Толстого, так характеризует молодого князя Серёжу: «О, он склонен к раскаянью, он всю жизнь непрерывно клянёт себя и раскаивается, но зато никогда и не исправляется <...>. Тысяча предрассудков и ложных мыслей и – никаких мыслей! Ищет большого подвига и пакостит по мелочам» [8, т. 220, № 5, с. 184].

В 1891 г. К. Леонтьев, противопоставляя дворянский мир Достоевского дворянам Толстого, Тургенева и других, писал: «Припомним – каковы эти русские дворяне в романе “Подросток”. Это, начиная с главного героя – Версилова, всё какие-то расстроенные или запутанные люди; “психозные”, как нынче любят называть. Старый князь Сокольский бесхарактерен и жалок. Молодой военный, тоже князь Сокольский, <...> кутит, путается и, наконец, попадает в Сибирь. Все эти лица, кажется, не таковы, чтобы располагать кого бы то ни было к политическому, так сказать, доверию» [185, с. 118]. Философ считал, что Достоевский, верный жизненной правде, в итоге осознал субъективизм собственного видения высшего класса людей.

В декабре 1875 года было опубликовано окончание романа «Подросток», содержащее полемичную Толстому оценку русского дворянства, теряющего благообразие в современной смуте. Этого, по мнению Достоевского, не мог не почувствовать Толстой. Автор, намекая на автора «Войны и мира», обратившегося к истории в поисках благообразия, указывает, что только «в историческом роде возможно изобразить множество ещё чрезвычайно приятных и отрадных подробностей. Можно даже до того увлечь читателя, что

он примет историческую картину за возможную ещё и в настоящем» [8, т. 223, № 12, с. 514]. «Если бы я был русским романистом и имел талант, то непременно брал бы героев моих из русского родового дворянства, потому что лишь в одном этом типе культурных русских людей возможен хоть вид красивого порядка и красивого впечатления, столь необходимого в романе для изящного воздействия на читателя. <... > По крайней мере тут все, что было у нас хотя сколько-нибудь законченного. <... > Кроме дворянства, нигде на Руси не только нет законченного (о формах чести и долга. – *С. III.*), но даже нигде и не начато», [8, т. 223, № 12, с. 513] – считает герой-резонер романа, не дворянин Николай Семенович.

Достоевский убежден, что воображаемый романист (Толстой), тоскуя по законченности и красивым лицам, завершённым и благообразным типам, создает в итоге у читателя не исполненную жизненной правды картину, а бледную тень её, иллюзию, картину «русского миража» (Левин в «Анне Карениной»). Уже не найти русских людей из родовитого дворянства, ведь «уже множество таких, несомненно родовых, семейств с неудержимую силою переходят массами в семейства *случайные* и сливаются с теми в общем беспорядке и хаосе» [8, т. 223, № 12, с. 515]. «Взгляните, например, на оба семейства господина Версилова <...>. Во-первых, про самого Андрея Петровича я не распространяюсь; но, однако, он – всё же из родоначальников. Это – дворянин древнейшего рода и в то же время парижский коммунары. Он истинный поэт и любит Россию, но зато и отрицает её вполне. Он безо всякой религии, но готов почти умереть за что-то неопределённое, чего и назвать не умеет, но во что страстно верует, по примеру множества русских европейских цивилизаторов петербургского периода русской истории» [8, т. 223, № 12, с. 515].

По окончании публикации «Анны Карениной» Достоевский открыто в «Дневнике писателя» повторяет мысль, высказанную в эпилоге «Подростка»: «Где вы найдете теперь такие "Детства и отрочества", которые бы могли быть воссозданы в таком стройном и отчетливом изложении, в каком представил,

например, нам *свою* эпоху и свое семейство граф Лев Толстой, или как в "Войне и мире" его же? Все эти поэмы теперь *не более лишь как исторические картины давно прошедшего*. <...> Ныне этого нет, нет определенности, нет ясности» [9, т. 25. с. 173. – *Выделено Достоевским*. – С. III.].

Достоевский гордится тем, что верный художественной правде он вынужден обращаться к жизни, лишённой красивых и художественно совершенных форм. Герои типа Аркадия Долгорукова и его отца Версилова находятся в состоянии хаотического брожения, поэтому и в литературе они не могут обрести эстетическую законченность. Финал романа Достоевского открыт и полемичен: «Уже не сор прирастает к высшему слою людей, а напротив, от красивого типа отрываются, с веселою торопливостью, куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядкующими и завидующими <...> родоначальники бывших культурных семейств смеются уже над тем, во что, может быть, ещё хотели бы верить их дети. Мало того, с увлечением не скрывают от детей своих свою алчную радость о внезапном праве на бесчестье...» [8, т. 223, № 12, с. 514].

В эпилоге «Подростка» Достоевский стремится примирить молодое поколение России с дворянским обществом на основании идеи «лучших людей». При этом, указывая на важность в истории эстетически привлекательных типов, воспитатель Подростка вопрошает: «Если некрасивые, то невозможен дальнейший русский роман. Но увы! роман ли только окажется тогда невозможным?» [8, т. 223, № 12, с. 515].

«Глубоко верный русский инстинкт подсказал Достоевскому, что русское дворянство нужно, что нужен особый класс русских людей, более других тонкий и властный, более других изящный и рыцарственный ("чувство чести"), более благовоспитанный, чем специально ученый, и т.д. Быть может, кончая этот роман свой, в котором дворяне так бестолковы и слабы, Достоевский почувствовал в глубине правдивой души своей, что он не совсем прав против русского дворянства», – отмечал К. Н. Леонтьев [185, с. 440].

В конце 1876 года Достоевский на фоне стремительно ухудшающейся внешнеполитической обстановки пишет о лучших людях: «Где теперь и что такое теперь лучшие люди. Без лучших людей земля не стоит. Чины – пали. Дворянство пало. Все форменные установки лучшего человека – пали. Остались народные идеалы (юродивый, простенький, но прямой, простой. Богатырь Илья Муромец, тоже из обиженных, но честный, правдивый, истинный). В обществе хоть и профессор, хоть и ученый, талант, но чтоб честный и истинный. Понятно, что надо бы такому мировоззрению удержаться в народе – единственное наше спасение. Но если будут почитать купцов, мамону. Эти борются, эти хотят осилить народное мировоззрение, "Были бы денежки, были бы сижки". Огромные народные потрясения, вроде войны, были бы спасительны» [9, т. 24, с. 269].

В феврале 1877 года Толстой, повествуя в своем романе о дворянских выборах в Кашинской губернии, еще раз подчеркивает собственное убеждение о благородстве по крови в диалоге Левина с приятелем Свияжского:

«– Новое-то новое. Но не дворянство. Это землевладельцы, а мы помещики. Они как дворяне налагают сами на себя руки.

– Да ведь вы говорите, что это отжившее учреждение.

– Отжившее-то отжившее, а все бы с ним надо обращаться поуважительнее. Хоть бы Снетков... Хороши мы, нет ли, мы тысячу лет росли. Знаете, придется если вам пред домом разводить садик, планировать, и растет у вас на этом месте столетнее дерево... Оно хотя и корявое и старое, а все вы для клумбочек цветочных не срубите старика, а так клумбочки распланируете, чтобы воспользоваться деревом. Его в год не вырастишь...» [32, т. 19, с. 233].

В это же время Достоевский в «Дневнике писателя» трактует образ Левина с явной симпатией, утверждая, что Левиных в России – тьма. Эти люди без сословных различий «болезненно стремятся получить ответы на свои вопросы, они твердо надеются, страстно веруют, хотя и ничего почти еще разрешить не умеют <...>. Это наступающая будущая Россия честных людей, которым нужна

лишь одна правда. <...> Я вижу и предчувствую этих грядущих людей, которым принадлежит будущность России ...» [9, т. 25, с. 56-57].

Но, читая далее, обнаруживаем сомнения в Левине, смешивающем «чисто русское и единственно возможное решение вопроса с европейской его постановкой <...> христианское решение с историческим “правом” [9, т. 25, с. 58], «тогда как единственно возможное разрешение вопроса, и именно русское, и не только для русских, но и для всего человечества, – есть постановка вопроса нравственная, то есть христианская» [9, т. 25, с. 60].

Достоевский, полемизируя с Толстым, переводит социально-экономические вопросы в область религиозно-нравственную. Автор «Дневника писателя» горячо реагирует на жизненную позицию Левина: «Левин, как факт, есть, конечно, не действительно существующее лицо, а лишь вымысел романиста. Тем не менее, этот романист – огромный талант, значительный ум и весьма уважаемый интеллигентною Россиею человек, – этот романист изображает в этом идеальном, то есть придуманном, лице частью и собственный взгляд свой на современную нашу русскую действительность, что ясно каждому, прочитавшему его замечательное произведение. Таким образом, судя об несуществующем Левине, мы будем судить и о действительном уже взгляде одного из самых значительных современных русских людей на текущую русскую действительность» [9, т. 25, с. 193].

В речи у могилы Некрасова, по воспоминаниям В. Г. Короленко, Достоевский, говоря «проникновенно-пророчески» об исчерпанности «дворянской» литературы, поразил слушающих такими словами:

«Достоевский <...> назвал Некрасова последним великим поэтом из “господ”. Придёт время, и оно уже близко, когда новый поэт, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится из самого народа...

– Правда, правда... – восторженно кричали мы Достоевскому, и при этом я чуть не свалился с ограды.

Да, это казалось нам таким радостным и таким близким. Вся нынешняя культура направлена ложно. Она достигает порой величайших степеней

развития, но тип её, теперь односторонний и узкий, только с пришествием народа станет неизмеримо полнее и потому выше. <...>

В эти годы померкла даже моя давняя мечта стать писателем. Стоит ли, в самом деле, если даже Пушкины, Лермонтовы, Некрасовы знаменуют собою только крупные маяки на старом пройденном пути <...> придёт время, и оно, казалось, близко, когда станет “новое небо и новая земля”, другие Пушкины и другие Некрасовы. Содействовать наступлению этого пришествия – вот что предстоит нашему поколению, а не повторять односторонность старой культуры, достигшей пышного, но одностороннего расцвета на почве несправедливости и рабства» [127, с. 198-200].

Таким образом, Толстой и Достоевский в 1870-е гг. пытаются творчески определить роль высшего сословия в развитии общества, понять его историческое предназначение. Писатели вольно и невольно вступают друг с другом в полемику по дворянскому вопросу. В поисках нравственно цельной движущей силы общества авторы «Анны Карениной» и «Подростка» пристально вглядываются в жизнь ряда социальных групп: военных, чиновников-аристократов, интеллигентов и помещиков-землевладельцев, обращая внимание на их образ мыслей, поведение, манеры. От пронизательного взгляда Толстого-художника не может укрыться абсурдность «кодекса чести» военных, слабоволие чиновников-аристократов, «горе от ума» интеллигентов, его идеал находится в среде сознательных дворян-землевладельцев. Свои надежды автор связывает с образом Константина Левина, не падающего духом, тяготеющего к душевной цельности и умиротворению в добросовестном исполнении личного, семейного, хозяйственного и нравственного долга (делание добра). Толстой, ценя благородство крови, верит в возможность сознательного отказа аристократии от праздности и приобщение высшего сословия к трудовой жизни для общественной пользы.

Достоевский всем своим творчеством 1870-х годов убеждает читателя в исчерпанности дворянской литературы вообще. В его «Подростке» военные не

вызывают симпатии, чиновники обладают уж очень «широкой» совестью, а «раздваивающиеся» князья Сокольские выглядят комичной пародией на благородного Левина. Достоевский противопоставляет свою писательскую и гражданскую позицию Толстому, изображая героев мятущихся, неукорененных. Автор «Подростка» иронизирует над упованиями Толстого (поиски «золотого века» человечества лишь грезы!), считая любое «обособление» опасным заблуждением. Писатель от лица своего героя (Версилова) призывает окончательно «отворить ворота» в сословие, уравнивать, при сохранении чести и долга, права народа и дворянства через близость с землей. Литератор-гражданин ясно выражает свою демократическую позицию: лучшие – это честные люди и христиане, а аристократизм – это благородство духа, честь и честность.

Открытое дворянское сословие для Достоевского как собрание лучших людей есть лишь переходная форма к обществу, построенному на христианских идеалах братской любви и единения. «Реалист в высшем смысле» убежден в жизнеспособности идеалов соборных, способных преобразовать общество и человека.

§ 3 «Всегда ли война бедствие?»

Диалог по поводу одного из «вечных» вопросов человечества, развернувшийся между Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым на страницах «Дневника писателя» и романа «Анна Каренина», является показательным с точки зрения полярности позиций авторов. Полемика 1876-1878 гг., отражающая определенный этап развития их творческой мысли, не обретя законченной формы, перешагнула границы диспута о Восточном вопросе (проблематику Балканской войны 1876-1877 гг.) и приняла глобальный (вневременной и выходящий за рамки отдельной территории) характер.

Конкретизируя вопросы, по которым разворачивался бескомпромиссный диалог писателей, особенно подчеркнем его судьбоносную для человечества

проблематику (война и мир). Диспут Толстого и Достоевского (к которому чуть позднее присоединился и Вл. Соловьев) вышел за рамки отдельных текстов, своей эпохи и границ отдельных государств, приняв форму незавершенного и незавершаемого диалога сознания людей разных поколений. Сила воздействия художественного слова отразилась в силе восприятия, в диалог-спор оказались вовлеченными многие мыслители XIX–XX вв.

Рассмотрим отдельные аспектам «военной» полемики (см. табл.5).

Таблица 5

Многоаспектность военной проблематики

<i>Отдельные аспекты полемики</i>	Последняя треть XIX века		
	Л. Толстой	Достоевский	Вл. Соловьев
Балканская война	+	+	
Война (преимущественно освободительная) и мир	+	+	+
Народная реакция	+	+	
Добровольцы	+	+	
Отношения России и Европы		+	+
Судьба Константинополя		+	
Судьбы православия и человечества		+	

Ситуация в апреле 1876 года в братской Болгарии достигла высшей степени накала: было затоплено в крови народное восстание против зверств новых поселенцев и почти пятисотлетнего турецкого владычества. Началось массовое русское добровольческое движение в помощь славянам, горячим сторонником которого и стал Ф. М. Достоевский.

В апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год автор утверждает устами «парадоксалиста»: «Дикая мысль, – говорил он, между прочим, – что война есть бич для человечества. Напротив, самая полезная вещь. Один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит, разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия. Но политическая, международная война приносит лишь одну пользу, во всех отношениях, а потому совершенно необходима. <...> Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и своё отечество или даже

просто отстаивая интересы своего отечества. Без великодушных идей человечество жить не может, и я даже подозреваю, что человечество именно потому и любит войну, чтоб участвовать в великодушной идее» [9, т. 22, с. 122-123].

Примечательно, что сам автор частично разделяет позицию собеседника-оригинала: ведь оппонирова «парадоксалисту», он оставляет без комментариев целый ряд аргументов: «Христианство само признаёт факт войны и пророчествует, что меч не преидет до кончины мира...» [9, т. 22, с. 124]. «Война есть повод массе уважать себя, а потому народ и любит войну <...> пролитая кровь важная вещь! Нет, война *в наше время* необходима (утверждение! – *С. Ш.*); без войны провалился бы мир или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то подлую слякоть, заражённую гнилыми ранами...» [9, т. 22, с. 126]. Эти высказывания «призваны подготовить читателя к утверждениям самого Достоевского о спасительном значении войны, сгладить их необычность большей прямоотой и категоричностью...» [37, с. 264].

В то время как цивилизованная Европа молчаливо взирала на резню в Болгарии, 18 июня маленькая Сербия и крошечная Черногория вступились за угнетенных балканских славян, объявив войну поддерживаемой Британией Блистательной Порте. Обостренное чувство справедливости побудило Достоевского незамедлительно откликнуться на это событие в июньском номере «Дневника писателя»: «Князь Милан Сербский и князь Николай Черногорский, надеясь на Бога и на право свое, выступили против султана <...>. Нерешительность и медленность великих держав, дипломатический выверт Англии, отказавшейся примкнуть к заключениям берлинских конференций, и вдруг затем последовавшая революция в Константинополе и вспышка мусульманского фанатизма, и наконец, ужасное избиение башибузуками и черкесами шестидесяти тысяч мирных болгар, стариков, женщин и детей – всё это разом зажгло и двинуло войну» [9, т. 23, с. 44].

Писатель, по-христиански радуясь всеобщему подъему духа, пишет в августе 1876 г. о совпадении «в живом чувстве» с движением народным

«славянской идеи в высшем смысле ее» (снисходительно именуемой С. А. Кибальником «утопической концепцией Достоевского»), говорит о народном осознании исторической миссии России, которая «есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьев, и чувство *добровольного долга* сильнейшему из славянских племен *заступиться за слабого*, с тем, чтоб, *уравняв его с собою* в свободе и политической независимости, тем самым *основать* впредь великое *всеславянское единение во имя Христовой истины*, то есть на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире» [9, т. 23, с. 103. – *Курсив мой.* – С. III.]. В этой связи русская жертва в помощь сербам есть материальное выражение глубины народного сострадания. «Вся земля русская заговорила и вдруг свое главное слово сказала. Солдат, купец, профессор, старушка Божия – все в одно слово <...> “на православное дело”...» [9, т. 23, с. 101]. В ходе этой войны светлее, чем когда-либо на Руси воссиял образ «лучшего человека»! Ярko иллюстрирует это история о старике-солдате, ушедшем вместе с малолетней дочерью сражаться с турками: «Хоть милостынею, а дойду до извергов и там сложу свои кости, а добрые люди приютят моё дитя...» [9, т. 23, с. 414].

«История Восточного вопроса есть история нашего самознания, – убежденно пишет Достоевский и, ставя нравственность русских выше европейской, добавляет: – У нас именно народ интересуется высшей идеей помощи братьям <...>. Это идеально в Европе, потому что там нет ни одного народа, который бы поставил интерес братьев выше собственной выгоды, и потому там это идеально, а у нас реально» [9, т. 24, с. 294].

В октябре 1876 года Достоевский, формулируя глубинные смыслы внешней политики России, «по-почвеннически» определяет её цели и гарантии: «Такой *высокий организм*, как Россия, должен сиять и огромным духовным значением. Выгода России не в захвате славянских провинций, а в искренней и горячей заботе о них и покровительстве им, в братском единстве с ними и в сообщении им духа и взгляда нашего на воссоединение славянского мира. Одной материальной выгодой, одним “хлебом” – такой *высокий организм*, как

Россия, не может удовлетвориться. И это не идеал и не фразы: ответ на то – весь русский народ и всё движение его в этом году. Движение почти беспримерное в других народах по своему самоотвержению и бескорыстию, по благоговейной религиозной жажде пострадать за правое дело. Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ *твердого воззрения* и уже ничем непоколебимых правил, народ – любитель жертв и ищущий правды и знающий, где она, народ кроткий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высоких идеалов его – богатырь Илья-Муромец, чтимый им за святого» [9, т. 23, с. 150. – *Курсив мой.* – С. III.].

Со временем Достоевский лишь укрепляется в правоте собственных взглядов на призвание Отечества к «доблестной работе» во благо всего человечества. Говоря о России, писатель неоднократно употребляет слово «организм», подчеркивая неразрывную связь всех сословий и этносов государства на основе высоконравственных идеалов: «... Чтоб жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов *великий и мощный организм братского союза племен*, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, *любовью, бескорыстием*, светом; *вознести наконец всех малых сих до себя* и до понятия ими материнского ее призвания – вот *цель России*, вот и выгоды ее, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно, окоченеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и *не требуя от них благодарности*, служа их *нравственному* (а не политическому лишь) *воссоединению* в великое целое. Тогда только скажет всеславянство свое новое целительное слово человечеству... Выше таких целей не бывает никаких на свете» [9, т. 26, с. 81-82. – *Курсив мой.* – С. III.]. Позднее преподобный Иустин так прокомментировал слова Достоевского: «Все, что является

православным, стремится к одной цели: к братскому объединению всех людей посредством евангельской любви и жертвенного служения всем людям» [143].

В декабре 1876 г., рассказывая о снаряжении московскими старообрядцами санитарного отряда в Сербию (факт, дававший надежду на внутреннее объединение), Достоевский возвещает: «В народе бесспорно сложилось и укрепилось даже такое понятие, что *вся Россия для того только и живет, чтобы служить Христу и оберегать от неверных всё вселенское православие.* <...> Но если народ понимает славянский и вообще Восточный вопрос лишь в значении судеб православия, то отсюда ясно, что дело это уже не случайное, не временное и не внешнее лишь политическое, а касается самой *сущности* русского народа, стало быть, вечное и всегдашнее до самого конечного своего разрешения. Россия уже не может отказаться от движения своего на Восток в этом смысле и не может изменить его цели, ибо она отказалась бы тогда от самой себя» [9, т. 24, с. 62. – *Курсив мой.* – С. III.].

Достоевский становится властителем дум и выразителем глубинных надежд России. Он фактически слагает гимн душе русского народа: «Славизм, то есть единение всех славян с народом русским и между собою, и политическая сторона вопроса, то есть вопросы о границах, окраинах, морях и проливах, о Константинополе и проч. и проч., – всё это вопросы хотя, без сомнения, самой первостепенной важности для России и будущих судеб ее, но не ими лишь исчерпывается сущность Восточного вопроса <...>, главная сущность всего дела, по народному пониманию, заключается несомненно и всецело лишь в судьбах восточного христианства, то есть православия. Народ наш не знает ни сербов, ни болгар; он помогает, и грошами своими и добровольцами, не славянам и не для славизма, а прослышал лишь о том, что страдают православные христиане, братья наши, за веру Христову от турок, от “безбожных агарян”; вот почему, и единственно поэтому, обнаружилось всё движение народное этого года. *В судьбах настоящих и в судьбах будущих православного христианства* – в том заключена вся идея народа русского, в том его служение Христу и жажда подвига за Христа. Жажда эта истинная, великая

и непереставаемая в народе нашем с древнейших времен, непрестанная, может быть, никогда, – и это чрезвычайно важный факт в характеристике народа нашего и государства нашего» [9, т. 24, с. 61. – *Курсив мой.* – С. III.].

По словам Христа в Нагорной проповеди, «какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф., 7:2). Так происходит и с Достоевским, он становится для мира выразителем лучших человеческих качеств. Сербский философ и богослов говорит о его вневременном, общенациональном и внепространственном значении: «... Во всем вселенная его бескрайня, горизонты его бесконечны. Многосторонность его гения поразительна. Кажется, что Верховное Существо взяло идеи из всех миров и посеяло их в одной человеческой душе, и так появился Достоевский. В полной своей личности он – и пророк, и мученик, и апостол, и поэт, и философ. Он принадлежит всем мирам и всем людям, ибо он как всечеловек необъятен и неисчерпаем. Этот человек – для всех всечеловек и всем он родной: родной сербам, родной болгарам, родной грекам, родной французам, родной он всем людям на всех континентах. Он – в каждом из нас, и каждый из нас может найти себя в нем. Своим всечеловеческим сопереживанием и любовью он родной всем людям» [143].

Отметим, что отношения России и Европы волновали Достоевского не одно десятилетие. Так, он пишет А. Н. Майкову 18 января 1856 года: «...Вполне разделяю с Вами патриотическое чувство нравственного освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери.<...> Да! разделяю с Вами идею, что Европу и назначение ее окончит Россия. Для меня это давно было ясно» [9, т. 28 (I), с. 208]. Тому же корреспонденту Достоевский сообщает из Женевы в 1867 году, что «материалу накопилось на целую статью об отношениях России к Европе» [9, т. 28 (II), с. 206]. Вл. С. Соловьев утверждал, что «война есть начало земной, мирской истории человечества, которая во все свое продолжение вращается вокруг роковой борьбы между Востоком и Западом при все более и более расширяющейся арене» [260, с. 557]. Об отношениях между Россией и Европой

продолжает размышлять и Достоевский. В июньском номере «Дневника писателя» за 1876 год читаем: «Вновь сшибка с Европой (о, не война еще: до войны нам, то есть России, говорят, всё еще далеко), вновь на сцене бесконечный Восточный вопрос, вновь на русских смотрят в Европе недоверчиво... <...> Я сказал, что русских не любят в Европе. Что не любят – об этом, я думаю, никто не заспорит, но, между прочим, нас обвиняют в Европе, всех русских, почти поголовно, что мы страшные либералы, мало того – революционеры и всегда, с какою-то даже любовью, склонны примкнуть скорее к разрушительным, чем к консервативным элементам Европы, <...> они положительно отнимают у нас право европейского отрицания – на том основании, что не признают нас принадлежащими к “цивилизации”. Они видят в нас скорее варваров, шатающихся по Европе и радующихся, что что-нибудь и где-нибудь можно разрушить, – разрушить лишь для разрушения, для удовольствия лишь поглядеть, как всё это развалится, подобно орде дикарей, подобно гуннам, готовым нахлынуть на древний Рим и разрушить святыню, даже без всякого понятия о том, какую драгоценность они истребляют» [9, т. 23, с. 38].

В Записной тетради 1876 г. встречаем заметку: «Россия со времени того, как вошла в состав Европы, ущерб Европе не нанесла, а лишь вся служила Европе, нередко в страшный ущерб самой себе» [9, т. 24, с. 120]. Достоевский указывает причины ненависти Европы к России: «... Европа, не совсем понимая наши национальные идеалы, то есть меряя их на свой аршин и приписывая нам лишь жажду захвата, насилия, покорения земель, в то же время очень хорошо понимает насущный смысл дела. Не в том для нее вовсе дело, что мы теперь не захватим земель и обещаемся ничего не завоевывать: для нее гораздо важнее то, что мы, всё еще по-прежнему и по-всегдашнему, неуклонны в своем намерении помогать славянам и никогда от этой помощи не намерены отказаться. Если же и теперь это совершится и мы славянам поможем, то мы, в глазах Европы, приложим-де новый камень к той крепости, которую постепенно воздвигаем на Востоке, как убеждена вся Европа, – против нее.

Ибо, помогая славянам, мы тем самым *продолжаем укоренять и укреплять веру в славянах в Россию* и в ее могущество и всё более и более приучаем их смотреть на Россию как на их солнце, как на центр всего славянства и даже всего Востока. А это укрепление идеи стоит, в глазах Европы, завоеваний, несмотря даже на все уступки, которые готова сделать Россия, честно и верно, для успокоения Европы. Европа слишком хорошо понимает, что в этом насаждении идеи и заключается пока вся главная сущность дела, а не в одних только вещественных приобретениях на Балканском полуострове» [9, т. 24, с. 63].

Автор говорит о подлости Европы, ободряющей турок, поощряющей политические и вооруженные заговоры против России, финансирующей войну: «В довершение там состряпали недавно и заем для турок, в огромный ущерб своему карману, и невозможный заем» [9, т. 26, с. 29]. Но надежда на победу правого дела у Достоевского необыкновенно сильна (принимает геополитические масштабы): «...Колосс – вся наша сила перед Европой, где все теперь чуть не сплошь боятся, что расшатается их старое здание и обрушатся на них потолки. Колосс этот есть народ наш» [9, т. 25, с. 96].

В подготовительных материалах автор категоричен особенно: «Великая идея Христа, выше нет. Встретимся с Европой на Христе» [9, т. 25, с. 323]. Мыслитель XX века указывает на духовные корни антагонизма между Россией и Европой: европейская цивилизация, поставившая человека на место Богочеловека Христа, – христорборческая, ей в мире противостоит цивилизация православная (славянская). «На вопрос, может ли европеец верить православно в Христа Богочеловека, цивилизация отвечает: *нет* (Ренан). <...> Нужно везде и во всем человека заменить Богочеловеком, ибо в этом, только в этом спасение человека, всякого человека, особенно же человека европейского» [144, с. 299].

У Достоевского вызывает восхищение постоянно растущее движение русских добровольцев в армию Черняева, писатель моделирует ситуацию: «Наконец, за славян пролита уже русская кровь, а кровь не забывается никогда.

<...> Кстати, о пролитой крови. А что, если наши добровольцы, хоть и без объявления Россией войны, разобьют наконец турок и освободят славян? Русских добровольцев, как слышно, столько прибывает из России, а пожертвования до того идут непрерывно, что под конец, если так продолжится, у Черняева, может быть, и впрямь составится целая армия русских. Во всяком случае, Европа и ее дипломаты были бы очень удивлены таким результатом: «Если уж одни добровольцы их одолели турок, что ж было бы, если б вся Россия ополчилась?» Без такого рассуждения не обошлось бы в Европе. Дай Бог успеха русским добровольцам...» [9, т. 23, с. 118]. Достоевский в форме диалога с воображаемым оппонентом высказывает мысль, позднее интерпретированную Толстым на страницах «Анны Карениной» (причем при сохранении лексики): «Русские офицеры едут в Сербию и слагают там свои головы. Движение русских офицеров и отставных русских солдат в армию Черняева всё время возрастало и продолжает возрастать прогрессивно. Могут сказать: «это *потерянные люди, которым дома было нечего делать, поехавшие, чтоб куда-нибудь поехать, карьеристы и авантюристы*». Но, кроме того, что (по многим и точным данным) эти “авантюристы” не получили никаких денежных выгод, а в большинстве даже едва доехали, кроме того, некоторые из них, еще бывшие на службе, несомненно должны были проиграть по службе своим, хотя бы и временным, выходом в отставку. Но – кто бы они ни были, что, однако, мы слышим и читаем об них? Они умирают в сражениях десятками и выполняют свое дело геройски; на них уже начинает твердо опираться юная армия восставших славян, созданная Черняевым. Они славят русское имя в Европе и кровью своею единят нас с братьями. Эта геройски пролитая их кровь не забудется и зачтется. Нет, это *не авантюристы*: они начинают новую эпоху сознательно. Это *пионеры русской политической идеи, русских желаний и русской воли, заявленных ими перед Европою*» [9, т. 23, с. 104-105. – *Курсив мой. – С. III.*].

Обвинить Достоевского в утопизме не получится, он не закрывает глаза и на возможное негативное развитие событий, не рассчитывает на благодарность

и преданность освобожденных русской кровью народов: «Дух русский был выше сербов. Они узнали теперь, что такое доблесть и какие есть люди. Из русской крови, за них пролитой, вырастет и их доблесть – не сейчас, конечно. Теперь начнутся пререкания, зависть. Интеллигенция ихняя будет бранить русских, наговорит, что через нас и всё несчастье вышло, но явится, как всегда бывает, реакция мненью. Сербы вспомнят о русских, убитых за них. Они станут благословлять нас и удивляться нам» [9, т. 24, с. 282].

В период, когда одна за другой появляются в «Дневнике писателя» статьи, посвященные Восточному вопросу, Л. Н. Толстой, долго размышлявший над последней (восьмой) частью «Анны Карениной», приступает к завершению романа, найдя ключ к развязке в освободительной войне южных славян, тщательно изучив славянский вопрос в печати и беседах со сторонниками и противниками конфликта, отточив собственную позицию, диаметрально противоположную мнению Достоевского.

Восьмая глава «сводила своды» романа, стала их «замком». Она была очень нужна писателю, так как в ней чётко выявлялась авторская позиция, соединяющая в одно художественное целое две линии романа – линию Анны и линию Левина. Причём, эта глава не только несла в себе явные следы знакомства Толстого со взглядами Достоевского на Восточный вопрос, но и оказалась полемически направленной против этих взглядов. Не исключено, что и задержка Толстого с завершением эпилога романа была связана с тем, что он внимательно, заинтересованно и раздражённо следил за развёртыванием мыслей Достоевского о войне и освобождении южных славян на страницах «Дневника писателя».

Отношение Толстого к славянскому вопросу и идеальному народному порыву (да и к патетике Достоевского) иронично. Исследователи отмечают сходство образа писателя-публициста Кознышева, увлечённого добровольческим движением и взаимоотношениями России и Европы, с Федором Михайловичем Достоевским, что позволяет рассматривать образ автора книги «Опыт обзора основ и форм государственности в Европе и

России» как «пародию» на автора «Дневника писателя». Действительно, «Кознышев выезжает из Москвы уже в середине жаркого лета – вспомним, что в “Дневнике писателя” 1876 года Достоевский выпустил номера за июль и август вместе, по причине отъезда в Эмс» [37, с. 267]. Славянский вопрос даже встает в трудное для Кознышева время «на его счастье».

Толстой не щадит в «Анне Карениной» приятелей Кознышева, которые «ни о чем другом не говорили и не писали, как о Славянском вопросе и Сербской войне. Всё то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу Славян...» [32, т. 19, с. 352]. Устами Кознышева Толстой так критикует легковесное поветрие толпы: «...Славянский вопрос сделался одним из тех модных увлечений, которые всегда, сменяя одно другое, служат обществу предметом занятия; <...> много было людей, с корыстными, тщеславными целями занимавшихся этим делом. <...> Газеты печатали много ненужного и преувеличенного, с одной целью – обратить на себя внимание <...> при этом общем подъеме общества выскочили вперед и кричали громче других все неудавшиеся и обиженные...» [32, т. 19, с. 352].

Отметим, что в первоначальной редакции эпизода причины неприятия Толстым участия России в сербо-черногорско-турецкой войне просматриваются более явственно: «Славянский вопрос <...> не касался личных интересов тех, которые им занимались <...>. Он имел своей задачей благо большого количества людей и, главное, по сущности своей был совершенно непонятен; он касался не только непонятной человеку жизни отдельных людей, но еще более непонятной жизни совокупности людей, народов и не только жизни народов в прошедшем, но в настоящем и будущем. И знающие и незнающие, и образованные и необразованные могли говорить о нем что хотели, и ни один не был правее другого» [32, т. 20, с. 555-556].

Но Кознышев, как и Достоевский, высоко ценит при этом «энтузиазм, соединивший в одно все классы общества»: «Резня единоверцев и братьев славян вызвала сочувствие к страдающим и негодование к притеснителям. И геройство сербов и черногорцев, борющихся за великое дело, породило во всём

народе желание помочь своим братьям уже не словом, а делом» [32, т. 19, с. 353]. Подобно Достоевскому, Сергей Иванович радуется: «Народная душа получила выражение <...>. Это было дело, долженствующее получить громадные размеры, составить эпоху» [32, т. 19, с. 353]. Он говорит Левину: «Все разнообразнейшие партии мира интеллигенции, столь враждебные прежде, все слились в одно. Всякая рознь кончилась...» [32, т. 19, с. 390]. «Каждый член общества призван делать свойственное ему дело <...>. И люди мысли исполняют своё дело, выражая общественное мнение. <...> Слышен голос русского народа, который готов встать, как один человек, и готов жертвовать собой для угнетенных братьев; это великий шаг и задаток силы» [32, т. 19, с. 391].

Толстой с Кознышевым не солидарен и выражает иную точку зрения устами скептика старого князя Щербацкого: «Я жил за границей, читал газеты и, признаюсь, еще до Болгарских ужасов не понимал, почему все Русские так полюбили братьев Славян, я никакой к ним любви не чувствую? Я очень огорчился, думал, что я урод или что так Карлсбад на меня действует. Но, приехав сюда, я успокоился, я вижу, что и кроме меня есть люди, интересующиеся только Россией, а не братьями Славянами» [32, т. 19, с. 388].

Официально-патриотическую и славянофильскую позиции не разделяет и самый близкий Толстому герой Левин, не отделяющий себя от народа и меряющий ситуацию собственными ощущениями: «непосредственного чувства к угнетению Славян нет и не может быть» [32, т. 19, с. 388]. «Он не мог согласиться с тем, что десятки людей <...> имели право <...> говорить, что они с газетами выражают волю и мысль народа <...>, которая выражается в мщении и убийстве. Он <...> не видел выражения этих мыслей в народе <...> и не находил этих мыслей в себе (а он не мог себя ничем другим считать, как одним из людей, составляющих русский народ), <...> он вместе с народом не знал, не мог знать того, в чем состоит общее благо, но твердо знал, что достижение этого общего блага возможно только при строгом исполнении того закона добра, который открыт каждому человеку, и потому не мог желать войны и

проповедывать для каких бы то ни было общих целей <...>, если общественное мнение есть непогрешимый судья, то почему революция, коммуна не так же законны, как и движение в пользу Славян?» [32, т. 19, с. 392].

В черновой редакции романа этот аргумент сформулирован ещё более остро: «...Левину хотелось сказать Кознышеву...: “за что же ты осуждаешь коммунистов и социалистов? Разве они не укажут злоупотреблений больше и хуже болгарской резни? <...> Не обставят свою деятельность доводами более широкими и разумными, чем сербская война <...>. У вас теперь угнетение славян – и у них угнетение половины рода человеческого...”» [32, т. 20, с. 572].

Прислушаемся к мнению В. Г. Андреевой, отмечающей, что позиция Левина, осуждающего любое зло и убийство, есть отражение главного принципа Толстого: «В размышлении о восточном вопросе в романе “Анна Каренина” мы видим уже ростки мыслей автора о “непротивлении злу силой зла”» [37, с. 268]. «... В отрицании интереса народа в помощи славянам видно не только отвержение Левиным войны, но и более – утверждение народного блага. За этим утверждением героя скрывается мысль Толстого о необходимости мира, о торжестве добра. Размышления Левина в восьмой части романа – это не мнения конкретно о русско-турецкой войне 1877 года, Толстой чувствует уже приближение других времен. Ведь в восьмой части разговор идет не только о войне конкретной, но и шире: вообще о неприятии войны» [37, с. 265].

Толстой относится к русскому добровольческому движению саркастически как к «большому вздору», считая необходимым направлять силы на решение внутригосударственных задач. Как бы в ответ на размышления Достоевского о нравственно очищающем влиянии войны, Толстой даёт описание (почти дословно воспроизводя Достоевского) встречи Катавасова с малосознательными добровольцами *краснобаями, бездельниками и авантюристами*. Среди персонажей молодой промотавшийся московский купец, уже считающий себя героем, отставной гвардеец, не нашедший себе применение в мирной жизни, немолодой «юнкер в отставке»... Вот

недоучившийся артиллерист на вопрос Катавасова о причинах отъезда в Сербию отвечает: «Да что ж, все едут. Надо тоже помочь и сербам. Жалко» [32, т. 19, с. 357]. Там же старичок-военный говорит, что из его города пошёл воевать «только один солдат бессрочный, пьяница и вор, которого никто уже не брал в работники» [32, т. 19, с. 358].

Н. К. Гудзий в «Истории писания и печатания “Анны Карениной”» акцентирует внимание на иронически-недоброжелательной трактовке славянского вопроса («большой вздор»), дающейся от лица автора в ранних редакциях эпилога. Толстой наделяет подвижников нелестными эпитетами: «ошалевшие», «беснующиеся в маленьком кружке», «представляющие себе, что с ними беснуется вся Россия, весь народ...», тем самым отказывая славянскому движению в народном характере. Они, теряя права рассудка, возбуждаются «одурманенным криком» толпы, официальной ложью в оценке поведения турок и сербов, в освещении событий войны. В одной из редакций эпилога Толстой с горькой иронией пишет, что разжиревших сербов, «которые, по словам их министров, от жира плохо дерутся», «шли спасать худые и чахлые русские мужики. И для этих жирных сербов отбирали копейки под предлогом Божьего дела у голодных русских людей» [32, т. 20, с. 555].

Отрицательное отношение Толстого к добровольческому движению выражено и в сцене с Вронским, говорящим о себе: «Я, как человек <...> тем хорош, что жизнь для меня ничего не стоит. <...> Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла. Кому-нибудь пригодится» [32, т. 19, с. 361]. Как напоминает эта фраза реплику воображаемого оппонента Достоевского («дома нечего было делать»)! Да и мать Вронского замечает: «Да после его несчастья, что ж ему было делать? <...> Это Бог нам помог – эта сербская война» [32, т. 19, с. 359-360]. Левин же в споре с братом и Катавасовым прямо заявляет: «... В восьмидесятимиллионном народе всегда найдутся не сотни, как теперь, а десятки тысяч людей, *потерявших* общественное положение (сравним: «потерянные люди» у Достоевского. – С. III.), бесшабашных людей, которые всегда готовы – в шайку

Пугачева, в Хиву, в Сербию...» [32, т. 19, с. 389. – *Курсив мой.* – С. III.]. Без сомнения были и такие, ведь и в очерках «Из Белграда» Г. И. Успенский упоминает добровольцев-дворян, среди которых «...встречались люди не только "бесшабашные" и отпетые, но и явные "скоты" и нравственные "уродцы"...» [9, т. 25, с. 438]. Другое дело, кто что видит, смотря на одно и то же... «Один смотрит в лужу и видит грязь, другой видит отраженные звезды» (И. Кант).

В июне 1876 г., размышляя о том, вступится ли Россия за славян, Достоевский восклицает: «Вопрос ли это? Для всякого русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит *честно...*» [9, т. 23, с. 45. – *Курсив Достоевского.* – С. III.]. Мессианская идея особой ответственности русского народа перед Всевышним требовала от России как духовной преемницы Византии вступления в войну. Указывая на глубокие исторические корни Восточного вопроса, Достоевский приводил и слова «тишайшего» царя Алексея Михайловича: «...“Бог призовет меня к отчёту в день Суда, *если, имея возможность освободить их, я пренебрегу этим.* <...> *Я боюсь вопросов, которые мне предложит Творец в тот день: и порешил в своем уме, если Богу угодно, что потрачу все свои войска и свою казну, пролью свою кровь до последней капли, но постараюсь освободить их*”. На всё это вельможи отвечали ему: “*Господи, даруй по желанию сердца твоего*”» [9, т. 25, с. 103-104. – *Выделено Достоевским.* – С. III.].

Наконец, 12 (24) апреля 1877 года Александр II объявил войну Османской империи. Начался победоносный Освободительный поход Русской армии в помощь «братьям во Христе». Как же отозвались Достоевский и Л. Толстой на этот судьбоносный шаг России?

В «Дневнике писателя» за апрель 1977 года Достоевский откликнулся на долгожданное событие сразу четырьмя статьями: ведь по этике писателя, корнями уходящей в учение Нового Завета, «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». «Восточный вопрос вступил во второй период свой по громовому слову царя, отозвавшемуся в сердцах всех русских

людей – благословением, а в сердцах всех врагов России – страхом. Порта приникла и приняла ультиматум...» [9, т. 23, с. 148], – пишет Достоевский. Автор «Дневника» патетически восклицает: «Это сам народ поднялся на войну, с царём во главе. Когда раздалось царское слово, народ хлынул в церкви, и это по всей земле русской. Когда читали царский манифест, народ крестился, и все *поздравляли* друг друга с войной. <...> Крестьяне в волостях жертвуют по силе своей деньги, подводы, и вдруг эти тысячи людей, как один человек, восклицают: “Да что жертвы, что подводы, мы все пойдём воевать!” <...> весь народ поднялся за истину, за святое дело...» [9, т. 25, с. 94-95. – *Курсив Достоевского. – С. III.*]. Понимая духом порыв народа, определяемый не рассудком, а живым ощущением богопричастности, Достоевский искренен в желании поддержать войну во имя справедливости. Он убеждён: нет подвига «святее и чище такой войны, которую предпринимает теперь Россия» [9, т. 25, с. 99].

Подчеркнем, что идеи, высказанные автором, «висели в воздухе»: «Спросите народ, спросите солдата: для чего они поднимаются, для чего идут и чего желают в начавшейся войне, – и все скажут вам, как один человек, что идут, чтоб Христу послужить и освободить угнетённых братьев, и ни один из них не думает о захвате. Да, мы тут, именно в теперешней же войне, и докажем всю нашу идею о будущем предназначении России в Европе, именно докажем, что, освободив славянские земли, не приобретём из них себе ни клочка <...> А если так, то идея наша свята, и война наша <...> первый шаг к достижению того вечного мира, в который мы имеем счастье верить, к достижению *воистину* международного единения и *воистину* человеколюбивого преуспевания! Итак, не всегда надо проповедовать один только мир, и не в мире одном, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть» [9, т. 25, с. 100. – *Курсив Достоевского. – С. III.*].

По мнению писателя, наступает новая эра в истории человечества, у него нет сомнений в победе: «... Нам нужна война и победа. С войной и победой придёт новое слово, и начнётся живая жизнь...» [9, т. 25, с. 96]. Достоевский

говорит о «победе» не только зримой, но и невидимой, не столько материальной, сколько духовной: «мы непобедимы ничем в мире», «мы можем, пожалуй, проигрывать битвы, но всё-таки останемся непобедимыми именно единением нашего духа народного и сознанием народным» [9, т. 25, с. 97].

Символом торжества Божьего дела должно стать освобождение из-под власти нечестивых агарян столицы православного мира Константинополя (вековые надежды, мечты, пророчества). «Итак, во имя чего же, во имя какого нравственного права могла бы искать Россия Константинополя? <...> Как предводительница православия, как покровительница и охранительница его, – роль, предназначенная ей еще с Ивана III, поставившего в знак ее царьградского двуглавого орла выше древнего герба России <...>, обозначилась бы и настоящая сущность тех политических отношений, которые и должны неминуемо наступить у России ко всем прочим православным народностям – славянам ли, грекам ли, всё равно: она – покровительница их и даже, может быть, предводительница, но не владычица; мать их, а не госпожа» [9, т. 23, с. 49]. К этой теме Достоевский вернется в ноябрьском выпуске «Дневника» за 1877 г.: «Константинополь должен быть наш <...>. Константинополь есть центр восточного мира, а духовный центр восточного мира и глава его есть Россия. <...> Она будет стоять на страже всего Востока и грядущего порядка его. <...> Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия» [9, т. 26, с. 83-85]. Заметим, что позднее (1880 г.) Достоевский отказался от ряда максималистских идей в своей историософской концепции. (В 1915 г. Е. Н. Трубецкой, друг и последователь Вл. Соловьева объяснял идею «Софии» как «мир вечных идей или первообразов, которые были положены Богом в основу творения» [280, с. 574], утверждая, что храм св. Софии в Константинополе был призван объединить народы во Христе, поэтому и войти в этот город Россия может *«только во главе всемирного освободительного движения народов»* [280, с. 592]. В 1877 году русские войска остановились в 10 верстах от Стамбула, по убеждению философа, они не вошли в него не случайно. Е. Трубецкой писал: «Для

овладения Константинополем и его святыней от русского народа требуются не только великие подвиги и жертвы: для этого нужно еще и некоторое внутреннее духовное очищение» [280, с. 594].)

Христианская мысль Достоевского, перешагнув геополитическое пространство, переходит в разряд вневременных, «вечных», надмирных. Узко-этнические (южные славяне) и конфессиональные (православные христиане) интересы перерастают в интересы «всечеловеческие»: любя Родину, русское сердце любит всю планету. Решение Восточного вопроса важно не только для южных славян, России и Европы, но и для всей земли. Нельзя не согласиться со словами преподобного Иустина (Поповича) о том, что славянство во Христе переходит от всеславянства к всечеловечеству, к братству в служении Богу и людям. Достоевский, по его мнению, «принадлежит всем мирам и всем людям, ибо он как всечеловек необъятен и неисчерпаем <...> и всем он родной: родной сербам, родной болгарам, родной грекам, родной французам, родной он всем людям на всех континентах. Он – в каждом из нас, и каждый из нас может найти себя в нем» [143].

После объявления войны Турции, Толстой 15 апреля 1877 г. в письме к А. А. Толстой пишет: «Как мало занимало меня сербское сумасшествие и как я был равнодушен к нему, так много занимает меня теперь настоящая война и сильно трогает меня» [32, т. 20, с. 634]. Отрицательно или, в лучшем случае, равнодушно относящийся к Восточному вопросу, 50-летний Толстой в период неудач русских на Балканах рвётся на передовую в действующую армию, да так, что, по воспоминаниям вдовы писателя, близким едва удастся его удержать. С. А. Кибальник, ссылаясь на журналиста суворинского «Нового времени» Ксюнина, побывавшего в Ясной Поляне после похорон писателя, приводит слова его вдовы: «...Ведь Лев Николаевич хотел идти в ряды армии в турецкую войну. “Вся Россия там, я должен идти”. – Каких только трудов стоило уговорить его остаться, объяснить, что своим пером он может принести большую пользу России...» [157, с. 42]. Так жизнь и творчество оказывались

порой шире провозглашаемых идей, ведь «в самом Толстом была не только львиная доля Левина, но и частичка Вронского» [Там же].

На протяжении трех лет размышления о войне и мире неотступно преследуют Достоевского, Л. Толстого они волнуют уже не одно десятилетие. Их идеи будоражат умы современников и потомков, оба выражают сужения истинные, но порой взаимоисключающие. Не является ли антиномичность военных представлений Достоевского и Толстого отражением реальности, порой не подвластной рассудочному приземленному и сиюминутному пониманию? Всегда ли война бедствие? Вл. С. Соловьев объяснял это так: «...*Война есть зло. Зло же бывает или безусловное (как, напр., смертный грех, вечная гибель), или же относительное, то есть такое, которое может быть меньше другого зла и сравнительно с ним должно считаться добром (напр., хирургическая операция для спасения жизни).*

Смысл войны не исчерпывается ее отрицательным определением как зла и бедствия <...>. Не зависит ли и война от такой необходимости, в силу которой этот ненормальный сам по себе способ действия становится позволительным и даже обязательным *при известных обстоятельствах?* [260, с. 542. – *Выделено Соловьевым. – С. III.*].

Проблематика войны в творческом диалоге Толстого и Достоевского тесно связана с приоритетом личных или общественных интересов. Толстой, в отличие от Достоевского, отдаёт предпочтение личному (гармонии души) перед общественным. И. Ильин, размышляя об интересах личных и общественных в отношении войны и мира, позднее напишет: «"Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? <...> *Физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека...*» [139, т. 5, с. 176-177. – *Курсив Ильина. – С. III.*]. Однако далее уточняет: «...Братся за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть: во имя дела Божьего на земле <...>, за Божие дело – в себе самом, в других и в мире – имеет смысл идти на смерть. Ибо умирающий за него отдает

меньшее за большее, личное за сверхличное, смертное за бессмертное, человеческое за Божие. И именно в этой отдаче, именно эту отдачу он делает свое меньшее – большим, свое личное – сверхличным, своесмертное – бессмертным, ибо себе, человеку, он придает достоинство Божьего слуги» [139, т. 5, с. 283].

Характеризуя смерть как позорное явление, Достоевский, однако, считает, что война «справедливая», когда её «идея свята», имеет для нравственности общества оздоровливающий характер: «не всегда война бич, иногда и спасение». (Отметим, что мотив справедливости постоянно сопровождает военную тему в творчестве писателей рассматриваемой нами эпохи.) Он убеждён в очищающем влиянии войны на общество: «Нам нужна эта война... для собственного спасения...» [9, т. 25, с. 95]. «...Для заражённого организма и такое благое дело, как мир, обращается во вред. Но всё-таки полезною оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшего и великодушного принципа...» [9, т. 25, с. 103].

Эти идеи Достоевский вполне мог обсуждать со своим юным гениальным современником Вл. С. Соловьёвым, который уже после кончины писателя развил их в своем философском труде: «При нравственном расстройстве внутри человечества внешние войны бывали и ещё могут быть необходимы и полезны, как при глубоком физическом расстройстве бывают необходимы и полезны такие болезненные явления, как жар или рвота» [260, с. 540]. Парадоксально, но, по Вл. Соловьёву, война является главным средством объединения человечества, приводящим к образованию государств, её упраздняющих и «стремящихся установить равновесие и мир в своих пределах» [260, с. 559]. Философ подчеркивал: «Разум запрещает бросать это орудие, пока оно нужно, но совесть обязывает стараться, чтобы оно *перестало быть нужным* и чтобы естественная организация разделенного на враждующие части человечества действительно переходила в его нравственную, или духовную, организацию» [260, с. 566. – *Выделено Вл. Соловьёвым. – С. III.*].

Вл. Соловьев считал отказ от военной службы «большим злом», ведь одного человека заменяет другой. Уклоняясь от службы из-за вероятности «...случайно убить неприятеля на войне <...> я *сейчас же* сам объявляю войну своему государству и *вынуждаю* его представителей к целому ряду насильственных против меня действий *теперь* <...> *имею ли я нравственную обязанность участвовать в защите своего отечества?*» [260, с. 561. – Выделено Вл. Соловьевым. – С. III.]. Соловьев утверждал: «Зло войны есть крайняя вражда и ненависть между частями распавшегося человечества. <...> Но в ненависти международной дурное чувство обыкновенно соединяется с ложными мнениями и неправильными рассуждениями, а часто ими и вызывается. Борьба против этой лжи есть первая обязанность всякого человека, вправду желающего приблизить человечество к доброму миру» [260, с. 565].

Отметим, что далеко не все понимали идею «воинствующего добра» Достоевского. Ссылаясь на Шигалева в «Бесах», запутавшегося в собственных мыслях («Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»), К. Мочульский видит такое же трагическое противоречие в христианском империализме Достоевского: «Выходя из идеи «всеслужения», он заключает апологией войны. Религиозное призвание России требует завоевания Константинополя» [212, с. 504].

Достоевский ищет духовно-нравственные смыслы войны освободительной: «...Война из-за великодушной цели, из-за освобождения угнетённых, ради бескорыстной и святой идеи <...> лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень, объявляет и ставит твёрдую цель, даёт и уясняет идею, к осуществлению которой призвана та или другая нация. Такая война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию. А главное, сознанием исполненного долга и совершённого хорошего дела...» [9, т. 25, с. 102].

«Подвиг самопожертвования кровью своею за всё то, что мы почитаем святым, конечно, нравственнее всего буржуазного катехизиса. Подъем духа

нации ради великодушной идеи – есть толчок вперед, а не озверение» [9, т. 25, с. 98], – напишет Достоевский в марте 1877 г., оправдывая праведную войну и религиозно. М. Баханов в работе «На разломе: Достоевский и Толстой» и А. В. Гулин в книге «Лев Толстой и пути русской истории» находят объяснение парадоксальному суждению писателя в святоотеческом учении: «Святой равноапостольный Кирилл, отвечая на вопрос, заданный ему сарацинами, о будто бы существующем противоречии между евангельской любовью и оправданием войны, отвечал: “Христос Бог наш повелел нам молиться за обидящих нас и благотворить им, но Он также сказал и это: *больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя*. Мы переносим обиды, если они направлены только против кого-либо в отдельности, но мы заступаемся и даже полагаем души свои, если они направлены на общество, чтобы наши братья не попали в плен, где могли бы был совращены к богопротивным и злым делам”» [111, с. 146. – *Курсив Гулина. – С. Ш.*].

Ф. М. Достоевский в "Дневнике писателя" за 1877 г. помещает рассказ о подвиге солдата Фомы Данилова, не отрекшегося от Христа и в жесточайших муках. Писателя поразило, что в обществе не обнаружилось «никакого удивления». Народу, у которого «есть Фомы Даниловы и их тысячи...» [9, т. 25, с. 16], поступок героя не кажется «необыкновенным, уже по одной великой вере народа в себя и в душу свою. Он отзовется на этот подвиг лишь великим чувством и великим умилением» [9, т. 25, с. 14]. Простой русский воин, исполнив закон Христов, умирал за Бога и ближних, как и тысячи подвижников веры и правды бескорыстно отдавали свои жизни, не требуя наград и похвал. «Но случись подобный факт в Европе, то есть подобный факт проявления великого духа, у англичан, у французов, у немцев, и они наверно прокричали бы о нем на весь мир» [9, т. 25, с. 14]. Достоевский считает Фому Данилова – эмблемой России, её подлинным образом, примером великого духа, мысли и чувства.

Достоевский не мог не заметить полемического подтекста заключительной восьмой части романа Толстого. По горячим следам он дает ответ автору

«Анны Карениной» в «Дневнике писателя» за июль–август 1877 года. «Положение за положением отвергает Достоевский тогда еще подпольную, «художественную» религию Толстого» [47, с. 151], которая уже выражалась во взглядах на человека и окружающую его действительность.

Высоко оценивая «Анну Каренину» в целом, Достоевский не поверил словам Левина: «Я сам народ». По мнению писателя, Толстой и его герой разошлись с «огромным большинством русских людей» в отношении борьбы «братьев-славян» против турок, воспринимаемой народом как «кровное и личное дело». Достоевский резко оценивает своих идеологических противников князя и Левина в романе Толстого: «один – оскорбленное самолюбие, а другой парадоксалист» [9, т. 25, с. 209].

Неудачный образ князя Щербацкого (прежде всего позиция положительного героя по Восточному вопросу) вызывает жесткую критику Достоевского: «...Гораздо хуже то, что это же самое лицо, в восьмой, отдельно вышедшей части романа, предназначено выразить вещи, положим, опять-таки не остроумные (в этом старый князь твердо выдерживает свой характер), но зато вещи цинические и хульные на часть нашего общества и на народ наш. Вместо добросерда является какой-то клубный отрицатель как русского народа, так и всего, что в нем есть хорошего. Слышится клубное раздражение, стариковская желчь. Впрочем, политическая теория старого князя нисколько не нова. Это стотысячное повторение того, что мы и без него поминутно слышим» [9, т. 24, с. 207].

Неприятие Левиным добровольческого движения Достоевский объясняет тем, что он барин, не сумевший принять народную правду: «...Он доказывает <...>, что русский народ вовсе не чувствует того, что могут чувствовать вообще люди <...>. Он объявляет, что “непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть” – то есть не только у него, но и у всех русских не может быть: я, дескать, сам народ. Слишком уже они дешево ценят русский народ. Старые, впрочем, оценщики...» [9, т. 25, с. 206].

Левина Достоевский воспринимает как носителя авторской идеи. Обнаружив противоречия в позиции Левина (Толстого), Достоевский горячо оспаривает её, доводя до абсурда. С целью предельного обнажения противоречий во взглядах оппонента он прибегает к излюбленному приему – «биению противника его же оружием»: «...оппонент моделирует позицию своего «собеседника», исходя из собственных представлений о его взглядах, почерпнутых из его художественных произведений, публицистических выступлений и высказываний» [100, с. 85]. Достоевский, считая «непротивленчество» абсурдом, сочиняет дискредитирующую Левина «толстовскую» сцену, где индивидуалист не решается заколоть «турку», убивающего ребенка: *«Нет, нельзя убить турку: Нет, уж пусть он выкальвает глазки ребенку и замучает его, а я уйду к Кити»* [9, т. 25, с. 220. – *Курсив Достоевского. – С. III.*]. Такое разрешение конфликта, по мнению Достоевского, логически вытекает из позиции Левина и стоящего за ним Толстого. Сценой в «Дневнике писателя» Достоевский изобличает антигуманизм «обособления», ведь его отказ защитить невинных, по сути, является молчаливым одобрением зверств, чинимых турками. «Таким образом, в процессе полемики Достоевский «укрупняет» негативную сторону позиции оппонента в результате чего толстовский образ заметно искажается» [100, с. 92–93].

Г. М. Фридендер справедливо указывал, что сцена, где Левин не решается заколоть «турку» и спасти ребенка, а уходит к Кити⁴³, «сочиненная» Достоевским, заставляет усомниться в человеколюбии толстовского героя. Достоевский подвергает резкой критике высказанную в эпилоге «Анны Карениной» позицию Толстого в отношении русских добровольцев: «Утверждать, что прошлогодние добровольцы были *сплошь* гуляки, пьяницы и люди потерянные, – по меньшей мере не имеет смысла» [9, т. 25, с. 211. – *Выделено Достоевским. – С. III.*]. В очередной раз указывая на народный характер русско-турецкой войны, Достоевский говорит: «...Крестьяне в

⁴³ См. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т., т. 25. С. 220.

волостях жертвуют по силе своей деньги, подводы, и вдруг эти тысячи людей, как один человек, восклицают: "Да что жертвы, что подводы, мы все пойдём воевать!"» [9, т. 25, с. 94].

Достоевский видит «подъем духа народного» и считает, что писатель должен его поддерживать. Высокое призвание литератора не дает права на «обособление», признаки которого он замечает в романе Толстого: «... Во-первых, выделанность, во-вторых, тупость народа, в-третьих, пошлость добровольцев (смотри и проч.), в-четвертых, ужасно сердится. Отчего произошло это обособление, не знаю. Но оно печально» [9, т. 25, с. 241. – Выделено Достоевским. – С. Ш.]. В «обособленности» Толстого Достоевский видит подтверждение своих выводов об оторванности образованной части общества от народа. В подготовительных материалах писатель с горечью отмечает, что предать славянскую идею могут «только прогрессивные вышвырки русского общества. <...> Я говорю про испорченных людей интеллигентного класса, испорченных перемещением идеала, – не тот идеал признают, а ошибочный. Социально-демократический, европейский...» [9, т. 26, с. 185].

Конец статьи Достоевского об «Анне Карениной» – открытый вопрос Толстому: «Этим ли закончил Левин свою эпопею? Его ли хочет нам выставить автор как пример правдивого и честного человека? Такие люди, как автор “Анны Карениной”, – суть учителя общества, наши учителя, а мы лишь ученики их. Чему ж они нас учат?» [9, т. 25, с. 223]. «Итак, – пишет Баханов, – вызов был сделан, и Толстой, наверное, понимал, что не сможет устоять против критики Достоевского. Ответа, повторяю, не последовало, а ведь задета была идея всей его жизни» [47, с. 152].

Обращение к эпистолярному наследию писателей подтверждает неизменность их позиций относительно войны и славянского вопроса. 28 февраля 1878 года Достоевский пишет Н. Е. Грищенко: «Есть много старых, уже седых либералов, никогда не любивших Россию, даже ненавидевших ее за ее “варварство”, и убежденных в душе, что они любят и Россию, и народ. Всё

это люди отвлеченные, из тех, у которых всё образование и европейничанье состоит в том, чтоб “ужасно любить человечество”, но лишь вообще. Если же человечество воплотится в человека, в лицо, то они не могут даже стерпеть это лицо, стоять подле него не могут из отвращения к нему. Отчасти так же у них и с нациями: человечество любят, но если оно заявляет себя в потребностях, в нуждах и мольбах нации, то считают это предрассудком, отсталостью, шовинизмом. Это всё люди отвлеченные, им не больно, и проживают они в сущности в невозмутимом спокойствии, как бы ни горячились они в своих писаниях» [9, т. 30 (I), с. 8].

Таким образом, на страницах «Дневника писателя» и «Анны Карениной» развернулась острая многоаспектная полемика о войне и мире. Достоевский, подхватив общественный порыв солидарности с братским народом, утверждает пользу войны освободительной в противовес братоубийственной, горячо приветствует начало сербско-черногорско-турецкой войны и русских добровольцев, выступивших в поддержку славянской идеи. Горячие рассуждения о глубинных смыслах внешней политики России и европейской предвзятости в отношении русских (противостояние цивилизаций) делают автора фактически властителем дум современного ему общества. Толстой же в Восьмой части «Анны Карениной» резко иронично выступает против взглядов Достоевского, объявляя славянский вопрос модным увлечением, добровольческое движение – большим вздором, а войну на чужой территории – бессмысленным убийством. Достоевский, ратуя за торжество Божьего дела, в свою очередь, упрекает Толстого в «обособлении», считая его идеи отвлеченными. Достоевский убежден: смерть – позорное явление, и война – безусловно, зло, но зло относительное, когда идея свята. Однако после вступления России в войну меняется и позиция Толстого: он сам рвется на передовую, горячее сердце, сочувствующее правому делу, торжествует над холодной рассудочностью.

Большинство исследователей убеждено в том, что для Толстого любая война – бедствие и страдание, «мщение и убийство». Вл. С. Соловьев, намекая

на позицию Толстого, категорично осуждал учения, с безусловным отрицанием относящиеся к войне: «С их точки зрения государство не более как шайка разбойников, которые гипнотизируют толпу, чтобы держать ее в повиновении и употреблять для своих целей. Но серьезно думать, что этим исчерпывается или хотя бы сколько-нибудь выражается *истинная сущность дела*, было бы уже слишком наивно. Особенно несостоятелен такой взгляд, когда он ссылается на христианство» [260, с. 561-562. – Выделено Вл. Соловьевым. – С. Ш.].

И. А. Ильин видел в антивоенной доктрине Толстого «разновидность *правового, государственного и патриотического нигилизма*» [139, т. 6, кн. III, с. 470. – Курсив Ильина. – С. Ш.]. Отрицая саму возможность причинения страдания (даже в целях воспитания или самозащиты), Толстой, по мнению философа, впал в морализм и «сентиментальный гедонизм», который вместе с духовным нигилизмом и составил суть теории «непротивления злу насилием» или венец мирской премудрости Толстого.

Однако необходимы существенные уточнения по поводу антивоенной позиции Толстого. Он относился к военной проблематике не так прямолинейно, как считают его оппоненты. Об этом свидетельствует, например, роман «Война и мир», в котором автор, по его собственному признанию, любил «*мысль народную, вследствие войны 12 года*» [27, с. 502].

Д. С. Лихачев в статье «Лев Толстой и древняя русская литература» отмечал, что Толстой, как национальный художник, выражал исторически сложившиеся этические взгляды народа: «В своем видении истории Толстой в значительной мере зависел от многовековых традиций русской литературы...» [191, с. 131]. Изображая войну 1812 г., он искал её народную оценку, типичную для всей русской историософской мысли. По убеждению Д. С. Лихачева, Толстой отразил в творчестве выработанный Русской нацией нравственный кодекс оборонительной войны. Писатель разделяет народное убеждение: «...Для победы нужна только моральная правота» [191, с. 137], победа над врагом «происходит потому, что прав народ» [191, с. 147]. «Когда люди думают об интересах Родины, они не только в сумме своих устремлений становятся

решающей исторической силой, но даже тогда, когда одиноки, как Кутузов. <...> Это видение истории в аспекте той высшей правды, которая в ней заключена, – своеобразный средневековый "этический оптимизм". <...> "Не в силе Бог, но в правде"» [191, с. 145]. Д. С. Лихачев подчеркивает, что Толстой, как и народ, осознавал разницу действий обороняющихся и нападающих и, считая, что «нравственная правда сильнее любой грубой силы» [191, с. 147], был против войн захватнических, где действуют уже законы «мщения и убийства». В «Войне и мире» Толстой изображал русскую «армию мира», духовно и молитвенно объединенную, где каждый готов отдать собственную жизнь ради свободы Отечества.

«Позже Толстой не раз напишет о душевной силе и красоте русского солдата, его готовности так же скромно, как он жил на свете, принимать смерть в бою. И все же война навсегда останется для него величайшей несправедливостью, нарушением райского блаженства и гармонии, для которых, верил писатель, создан *безгрешный*, добродетельный человек» [111, с. 17. – *Курсив мой.* – С. III.].

Лишь в 1880-е гг. у Толстого окончательно сложилась доктрина «о непротивлении злу силой», в рамках которой отрицались не только войны, но и обязанности личности в отношении государства. Участие в войне он стал считать недопустимым для христианина. В споре с Толстым Достоевский уже в 1870-е годы предчувствовал этот опасный мировоззренческий уклон.

§4 «...Тут туману было пуще всего»: спор о вере и религии

Каковы же причины резкого расхождения Толстого и Достоевского в столь судьбоносном вопросе как война и мир? Их несогласие в оценке войны и мира в целом и Балканской войны в частности связаны не только с политическими разногласиями, но с различием христианских воззрений.

Вспомним, что Толстой по зову сердца принимал участие в дунайской компании 1854 года, надеялся на скорую победу, желал стать адъютантом

главнокомандующего М. Д. Горчакова, своего троюродного дяди. Однако после поражения русской армии он пережил серьезный душевный кризис, во время которого его посетила мысль о создании новой религии (дневниковая запись от 4 марта 1855 года): «Нынче я причащался. Вчера разговор о божественном и вере навёл меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей блаженства на небе, но дающей блаженство на земле» [32, т. 47, с. 37]. Ю. В. Лебедев замечает, что желание «реформировать» православную веру вызвано у Толстого «глубоким разочарованием молодого офицера во всё строе мыслей и чувств военной верхушки. Его отталкивает показной, казённый патриотизм и связанная с ним формальная религиозность» [179, с. 148]. Толстому кажется, что люди способны преодолеть социальную дисгармонию и, руководствуясь разумным исполнением христианских заповедей, собственными усилиями «перековать мечи на орала».

Достоевский от такого оптимизма далёк. Основой его психологического реализма является не социальный, а глубоко выстраданный духовный опыт. Недаром в последней записной тетради он восклицает: «...Не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла...» [9, т. 27, с. 86]. В подготовительных материалах к роману «Бесы» Достоевский, имея в виду Толстого, только что опубликовавшего «Войну и мир», писал: «Многие думают, что достаточно веровать в мораль Христову, чтобы быть христианином. Не мораль Христова, не учение Христа спасёт мир, а именно вера в то, что Слово плоть бысть. Вера эта не одно умственное признание превосходства Его учения, а непосредственное влечение. Надо именно верить, что это окончательный идеал человека, всё воплощённое Слово, Бог воплотившийся...» [9, т. 11, с. 187-188]. И далее он

добавлял: «Устраняя Христа, вы устраняете недостижимый идеал красоты⁴⁴ и добра из человечества» [9, т. 11, с. 112].

Религиозно-этические и историософские воззрения Толстого основаны на духовной любви к миру и ближнему (в русле Нагорной проповеди). Достоевский же с юных лет утверждал веру в тысячелетнее царство праведников на этой земле. (К загадочной двадцатой главе «Откровения св. Иоанна Богослова» восходили все социалистические надежды и чаяния европейского человечества.) Ю. В. Лебедев пишет, что Достоевский в 1848 г. от А. Н. Плещеева узнал об идеях хилиазма католического аббата Ламенне⁴⁵, проповедника подвижнической любви, в споре с социалистами тоже сводящего своё христианство к идеям свободы, равенства и братства: истинный христианин должен думать лишь о благе человеческого рода. (Н. Водовозов, ссылаясь на книгу «Esquisse d'une philosophie» («Эскиз философии», 1846), объяснял, что Ламенне был уверен в подчиненности природы человека законам прогресса, в ошибочности и внутренней противоречивости доктрины первородного греха: «как проявление индивидуальной воли, грех не может быть наследственным. Познание добра и зла было не грехом, а первым шагом человека на пути прогресса» [341, с. 298].) Вера Достоевского в тысячелетнее царство праведников на земле являлась отступлением от канонического Православия (отсюда резкая критика К. Н. Леонтьева с обвинениями в «розовом» христианстве).

Иначе понимал христианские идеалы Толстой. У него Христос, прежде всего, выдающийся пророк, учитель человечества. Морально-нравственный закон Христа человек может исполнять сознательно, не нуждаясь в церковной благодати и таинстве евхаристии. Достоевский уже в 1870-е годы почувствовал ограниченность христианского «морализма» Толстого, мирозерцание которого не теоцентрично, а человекоцентрично и рационалистично. Толстой верил, что человек собственными усилиями может изменить себя и

⁴⁴ См. подробнее Ермилова Г. Г. От Гоголя до Набокова: Статьи о русской литературе. Иваново, 2007. С. 80.

⁴⁵ См. Лебедев Ю. В. «О слово русское, родное!» Страницы истории отечественной литературы: сб. науч. ст. Кострома, 2014. С. 177.

окружающий мир к лучшему. Считая человека творением Божиим, близким к совершенству, он отвергал христианское учение о первородном грехе, о повреждённости человеческой природы, нуждающейся для своего спасения в помощи Божией благодати. Священник Георгий Ореханов именуется позицию Толстого «антропологическим оптимизмом» [288, с. 61]. Толстой «до конца дней своих отказывался поверить в онтологическую природу зла, живущего в сердце человека. Вслед за Руссо он истолковывал зло как проявление язв цивилизации, заведшей человечество в тупик» [137, с. 188].

Поэтому Толстой взирал с оптимизмом и на грядущую земную историю. А. В. Гулин утверждает: «Он не верил, что душа человека, и в самом деле сотворенная для добра, все же обречена, до конца времен, вести борьбу со злом, искушением, соблазном, не верил, что подлинная гармония достигается только подвигом, смирением сердца, что без этой внутренней тишины не бывает и мира на земле» [111, с. 33-34].

Достоевский не принимал толстовскую антропологию. Взгляд Толстого на человека казался ему утопическим. В своём учении о человеке Толстой, впадал, по Достоевскому, в «прелесть». Писатель гордился, что «гармоничному», безгреховному человеку Толстого он противопоставил человека раздвоенного, «подпольного», несовершенного и «промежуточного», мятущегося между «жаждой горних» и «безднами сатанинскими». Проблема человека стала отправной в мировоззренческой и художественной концепции Достоевского, убежденного, что лишь возвращение к Христу, в лоно матери-Церкви, способно гармонизировать человеческую природу, открыть путь к духовному возрождению. «...Совершенная и абсолютная гармония возможна только в совершенной и абсолютной любви – в Боге. Ощущение и видение этой гармонии дается только человеку, чье сердце постоянно исполнено бескрайней любовью ко всем и вся. Таким человеком был Достоевский», – заключает преп. Иустин [143].

Толстой предлагал иной, рационалистический путь достижения мировой гармонии близкой к его детскому идеалу всеобщего «муравьиного» братства. В

начале 1880-х годов в трактате «В чем моя вера» Толстой сформулировал личный «Символ веры», уверяя, что легкое и радостное достижение счастья возможно, когда «все люди будут исполнять учение Христа» [32, т. 23, с. 453]. «Ты хочешь, чтобы все жили для тебя, чтобы все любили тебя больше себя? Есть только одно положение, при котором желание твое может быть исполнено. Это такое положение, при котором все существа жили бы для блага других и любили бы других больше себя. <...> Если же благо возможно тебе только тогда, когда все существа любили бы других более себя, то и ты, живое существо, должен любить другие существа более себя. <...> При этом условии уничтожается и то, что отравляло жизнь человека, – уничтожается борьба существ, мучительность страданий и страх смерти» [32, т. 26, с. 370]. Только в осознании этой истины человек увидит в мире не борьбу, а «постоянное взаимное служение друг другу этих существ, – служение, без которого немислимо существование мира» [32, т. 26, с. 370].

Толстой в свете своей религиозно-философской доктрины напишет в преддверии XX века роман «Воскресение», где попытается художественно воплотить свои религиозно-философские идеи. Причины падения Нехлюдова писатель увидит не в антропологической предрасположенности падшей души человека к злу и грехопадению, а в окружающей действительности: Нехлюдов у него «стал верить другим потому, что жить, веря себе, было слишком трудно: веря себе, всякий вопрос надо решать всегда не в пользу своего животного я, ищущего легких радостей, а почти всегда против него; веря же другим, решать нечего было, всё уже было решено и решено было всегда против духовного и в пользу животного я» [32, т. 32, с. 48].

Толстой изображает внутреннюю борьбу в душе своего героя: «В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один – духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей, и другой – животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира. В этот период его сумасшествия эгоизма <...> животный человек властвовал в нем и совершенно задавил духовного человека.

Но, увидав Катюшу и вновь почувствовав то, что он испытывал к ней тогда, духовный человек поднял голову и стал заявлять свои права. И в Нехлюдове не переставая в продолжение этих двух дней до Пасхи *шла внутренняя, не сознаваемая им борьба*» [32, т. 32, с. 53. – *Курсив мой.* – С. III.].

Автор убежден, что Нехлюдов не нуждается в чудесной (благодатной) помощи, потому что Божественное а priori присуще природе человека. «С Нехлюдовым не раз уже случалось в жизни то, что он называл “чисткой души”. Чисткой души называл он такое душевное состояние, при котором он вдруг, <...> сознав замедление, а иногда и остановку внутренней жизни, принимался вычищать весь тот сор, который, накопившись в его душе, был причиной этой остановки.

Всегда после таких пробуждений Нехлюдов составлял себе правила, которым намеревался следовать уже навсегда: писал дневник и начинал новую жизнь, которую он надеялся никогда уже не изменять, – *turning a new leaf*, как он говорил себе. Но всякий раз соблазны мира улавливали его, и он, сам того не замечая, опять падал, и часто ниже того, каким он был прежде.

Так он очищался и поднимался несколько раз <...>. ...До нынешнего дня прошел длинный период без чистки, и потому никогда еще он не доходил до такого загрязнения, до такого разлада между тем, чего требовала его совесть, и той жизнью, которую он вел, и он ужаснулся, увидев это расстояние.

Расстояние это было так велико, загрязнение так сильно, что в первую минуту он отчаялся в возможности очищения. "Ведь уже пробовал совершенствоваться и быть лучше, и ничего не вышло, – говорил в душе его голос искусителя, – так что же пробовать еще раз? Не ты один, а все такие – такова жизнь", говорил этот голос. Но то свободное, духовное существо, которое одно истинно, одно могущественно, одно вечно, уже пробудилось в Нехлюдове. И он не мог не поверить ему. Как ни огромно было расстояние между тем, что он был, и тем, чем хотел быть, – для пробудившегося духовного существа представлялось всё возможно» [32, т. 32, с. 102].

Толстой поэтизирует самоусовершенствование: «Он молился, просил Бога помочь ему, вселиться в него и очистить его, а между тем то, о чем он просил, уже совершилось. Бог, живший в нем, проснулся в его сознании. Он почувствовал себя Им и потому почувствовал не только свободу, бодрость и радость жизни, но почувствовал всё могущество добра. Всё, всё самое лучшее, что только мог сделать человек, он чувствовал себя теперь способным сделать» [32, т. 32, с. 103]. Казалось бы, в душе Нехлюдова устанавливается желанное торжество духовных начал и его самоусовершенствование движется к оптимистическому финалу.

Однако художественная реальность требует от автора следования жизненной правде. А Толстой – исключительный во всей мировой литературе писатель-реалист. В финале романа Нехлюдов получает известие о помиловании Катюши. Но это известие почему-то не приносит ему радости и счастья. Он едет в острог сообщить Катюше о помиловании «с тяжелым чувством исполнения неприятного долга» [32, т. 32, с. 431].

И тут же, на обеде у генерала, «Нехлюдов весь отдался удовольствию красивой обстановки, вкусной пищи и легкости и приятности отношений с благовоспитанными людьми своего привычного круга, как будто все то, среди чего он жил в последнее время, был сон, от которого он проснулся к настоящей действительности» [32, т. 32, с. 427].

Получается, что Нехлюдов «самосовершенствуется» у Толстого в течение всего романа, но так и не достигает желанного «воскресения». Толстой демонстрирует в финале его бессилие. Так великий художник вольно или невольно торжествует над религиозным философом. Его религиозная доктрина не получает органического воплощения в художественном мире романа, обнаруживая свою ограниченность и нежизнеспособность.

В творчестве позднего Толстого возникает непреодолимый конфликт между живой (литературной) и отвлечённой (философской) мыслью. 2 марта 1891 года Софья Андреевна записывает в дневнике: «...Лёвочка грустен, я спросила: “Почему?” Он говорит: “Не идёт писание...” – “О чём?” – “О

непротивления». Ещё бы шло! Этот вопрос всем и ему самому оскомину набил и перевернут и обсуждён он уже со всех сторон. Ему хочется художественной работы, а приступить трудно. Там резонёрство уже не годится. Как пойдёт из него поток правдивого, художественного творчества, – он его уже не остановит, а там вдруг сопротивление окажется неудобным, а остановить поток невозможно, вот и страшно его пустить, а душа тоскует!» [26, с. 159].

Вл. С. Соловьёв в письме к Толстому³⁶ объяснял, что не его религиозно-философские трактаты, а художественное мироощущение в своём глубоком жизнелюбии сближается с христианством, что художественные произведения Толстого опровергают эти трактаты и доказывают непреложную истину Христова воскресения.

Нельзя не согласиться здесь и с известными словами С. Н. Булгакова о том, что Толстой – не основатель, а религиозный искатель, и этим силён. Ему было дано знать тревогу исканий больше, чем покой и радость религиозной жизни: «Никогда не надо забывать, что в нём, кроме догматического вероучителя, жил прозорливец искусства, томился огненный дух, вечно мечущийся, вечно вопрошающий» [74, с. 155].

Достоевский, разделяя стремление своего оппонента к установлению гармоничных отношений на земле, не принимал утилитарный подход Толстого к устройству будущей мировой гармонии. Достоевский говорил: «Мы на земле существа переходные, и существование наше есть непрерывное существование куколки, переходящее в бабочку» [9, т. 11, с. 184]. Мировая гармония, о которой мечтал Достоевский, в корне отличалась от исторического оптимизма Толстого и предполагала не моральное «самоусовершенствование», а телесно-духовное преображение человека, обретающего с помощью Божией вечную жизнь и бессмертие: «Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Откр., гл. 20, ст. 6).

Выводы по второй главе

Сделаем необходимые выводы. Рассмотрев творческий диалог Достоевского и Толстого по нескольким направлениям, мы выявили генетические связи онтологического характера между писателями, установили, что философско-религиозные сходства и различия порождают их диалог по ряду актуальных проблем 1870-х годов и вопросам веры.

Проанализировав диалоговые связи и типологические параллели в рамках семейной проблематики, мы установили, что причиной непрочности современной семьи авторы признают душевную болезнь (пораженность грехом) современного им человека, эгоистическая устремленность которого и не позволяет создавать счастливые браки, а значит, заставляет страдать детей. Но Толстой при этом – «антропологический оптимист». В бедах людей он винит внешние обстоятельства. Толстой убежден, что человек способен разумно организовать свою жизнь по моральным законам Евангелия. Поэтому рядом с домом Облонских, в котором «всё смешалось», он изображает крепкую, гармоническую семью Левина и Кити. Достоевский противопоставляет гармоничному человеку Толстого личность раздвоенную, противоречивую. Считая себя художником-первооткрывателем, Достоевский изображает «случайное семейство», а толстовскую благообразную семью считает «миражом».

Свое гражданское «боление» писатели выплескивают за рамки художественного творчества, обращаясь к публицистике и активной общественной деятельности. Авторы убеждают читателей в ответственности отцов за деяния детей. В творческом диалоге они пытаются вернуться к «родной почве», к исконной морали и нравственности.

В поисках движущей силы общества Толстой и Достоевский вольно и невольно вступают друг с другом в полемику по дворянскому вопросу. Они пристально вглядываются в жизнь различных социальных групп образованного общества. Толстой свой общественный идеал связывает с образом помещика-аристократа Константина Левина, крепкого хозяина, нравственного человека, нашедшего свой кодекс жизни: жить для людей и Бога не забывая.

Достоевский убежден в исчерпанности дворянской литературы, свое творчество он сознательно противопоставляет творчеству Толстого. Автор «Подростка» считает любое «обособление» опасным заблуждением, особенно если это позволяет себе большой писатель. Достоевский в отношении высшего сословия придерживается демократической позиции, призывая сделать его открытым для всех лучших людей из разных социальных слоев. Эта идея воспринимается писателем как переходная форма к обществу всечеловеческого христианского братства и любви.

Многоаспектный диалог о войне и мире приобретает характер бескомпромиссного диспута. Достоевский приветствует войну освободительную, отстаивая её нравственно оздоравливающий характер, приветствует начало сербско-черногорско-турецкой войны и русское добровольческое движение, а затем вступление России в войну за освобождение братьев-славян. Толстой на страницах «Анны Карениной» спорит со взглядами Достоевского, категорически выступая против войны, склоняясь к пацифизму. Однако позиция Толстого неоднозначна: он признает святость войны освободительной на своей территории, а после апреля 1877 и сам рвется на передовую.

Рассмотрев диалог Толстого и Достоевского в рамках религиозной проблематики, мы выявили теологические разногласия в восприятии Христа, уточнили их генетические основания, а также показали различие в антропологии Толстого и Достоевского, теснейшим образом связанное с христианским учением о первородном грехе. Мы раскрыли историософские взгляды писателей, уповающих на достижение мировой гармонии разными путями: Толстой – человеческой волей и разумом, Достоевский – преображением человека Духом Святым.

Анализ творческого диалога и типологических параллелей позволил углубить представление о художественных мирах романов, а также выявить общую художественную тенденцию – стремление разглядеть в «зlobe дня»

приметы вечного, непреходящего и в диалоге найти оптимальное решение насущных вопросов.

Заключение

Таким образом, в ходе работы мы выяснили, что творчество Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого 1870-х годов имеет явную тенденцию к сближению, но характеризуется диалогичными связями. Несомненно, что осознанный творческий диалог писателей, в процессе которого имело место и опосредованное общение через Н. Н. Страхова и А. А. Толстую, осуществлялся ими в статусе «властителей дум», так как пришелся на период расцвета их таланта и роста общественного влияния. Диалог этот был обусловлен обоюдным интересом писателей к творчеству и беспрецедентному успеху друг друга. Творческое общение осуществлялось в открытой полемичной форме (публицистика) и скрытой (художественное творчество); диалогичность прослеживалась также в эпистолярном наследии писателей, дневниковых записях и черновых автографах произведений. Диалог между ними нашёл отражение и в мемуарах современников, свидетельствующих о неоднократно раздаваемых писателями рекомендациях обращаться к творчеству друг друга. Поздний Толстой как бы сознательно становится духовным преемником Достоевского в качестве «зло удерживающего», учитывая в своем творчестве писательский и общественный опыт автора «Дневника писателя».

Мы проследили и углубили представление о внимании Толстого к творчеству и личности Достоевского; показали неразрывные сцепления романа Достоевского «Подросток» с «Анной Карениной» Толстого на уровне типологических схождений, диалоговых контактных и генетических связей. Авторы следили за публикациями друг друга. Анализ хронологии выходов в свет глав их романов демонстрирует наличие в них взаимоучитывающих откликов по животрепещущим вопросам. Романы сближает время написания и

публикации, обращение к актуальным проблемам действительности, сближает и сам способ её художественного познания.

Начиная с «Анны Карениной» открывается движение «позднего» Толстого навстречу Достоевскому (идейно-тематический аспект – обращение к «злобе дня» и сам художественный метод). Авторы в творческом диалоге на уровне проблематики и поэтики этих произведений ищут ответы на сложнейшие вопросы бытия. Романы сближает обращение авторов к глубинным основам народного мировосприятия, сопряжения на уровне художественной манеры. Писатели стремятся к изображению сложного внутреннего мира своих героев, вольно или невольно их онтологические представления находят отражение в художественной антропологии. Кристаллизуется «диалектика души» у Толстого и психологизм у Достоевского. В то же время Достоевский резко отмежевывается от Толстого как историограф «случайного семейства», «одержимый тоской по текущему». Он иронически относится к Толстому как историку «родовых семейств». Возобновление с 1876 года регулярного художественно-публицистического издания «Дневник писателя» обеспечивает продолжение творческого диалога, вылившегося в форму открытой полемики, где оттачивается его мировоззренческая, художественная и гражданская позиции.

Нами выявлены многочисленные идейно-тематические параллели и формы их художественного воплощения в произведениях авторов 1870-х гг. Типологические связи обеспечиваются вниманием писателей к одним и тем же актуальным вопросам современной им эпохи.

Обращение к семейной проблематике и вопросам воспитания подрастающего поколения вызвано нарастающей обеспокоенностью писателей нравственным нездоровьем общества пореформенной эпохи. Причину непрочности современной семьи они видят в порабощённости современного человека греховными побуждениями. Эгоизм не позволяет создавать счастливые браки. Исцеление общества возможно только при возвращении людей к исконной морали и нравственности. Семейная проблематика в романах

Толстого и Достоевского выходит за узкие рамки частной истории отдельных семейств и получает эпическое звучание. Симптомы общественного неблагополучия, причины распада семьи – следствие духовного кризиса, постигшего людей из разных слоев общества. В 1870-е годы писателям становится тесно в рамках художественного слова. Они обращаются к публицистике, вступают на путь общественной проповеди, стремятся на деле воплотить в жизнь высокие духовные и нравственные идеалы.

Актуальная внутригосударственная проблема исторических судеб родового дворянства обретает в рамках творческого диалога писателей форму полемики о «лучших людях». Поиск ведущей общественной силы, способной противостоять деструктивной социальной тенденции и сплотить народ, заставляет авторов пристально вглядываться в неоднородный облик высшего сословия: они улавливают в нем не только достойные черты, но в процессе творческого диалога приходят к единому мнению о необходимости духовного сближения общественных верхов с народом. Однако при этом Толстой делает ставку на совестливых помещиков-аристократов типа Левина, Достоевский же признает опасным заблуждением любое «обособление», предлагая демократическое решение проблемы: сделать высшее сословие (дворянство) открытым для лучших представителей самых разных общественных слоев. Писатель отводит нравственности и духовности приоритетное место в решении социально-экономических и политических проблем, связывая свои надежды с грядущим всечеловеческим братством, основанным на началах Христовой любви.

Форму наиболее острой (бескомпромиссной) полемики между писателями принимают внешнеполитические вопросы о войне и мире в целом и о Балканской войне в частности. Оба писателя одобряют войну освободительную как справедливую (в рамках отечественной историко-культурной традиции), в вопросах же ведения военных действий на чужой территории расходятся во мнениях диаметрально. Толстой категорически против, так как мировое зло при этом увеличивается, а Достоевский убежден в необходимости вступить за

братьев-славян, так как видит миссию России как государства – наследника Византийской империи в объединении и защите единоверных народов во имя Правды на земле. В дальнейшем позиции авторов корректируются: Толстой после вступления в войну России рвется на передовую, Достоевский же смягчает позднее ряд своих категоричных высказываний.

Наиболее сложные диалогические отношения между писателями возникают в области веры и религии, принимая форму разветвленного многоаспектного творческого диалога, что объясняется мощнейшим глубинным влиянием этих факторов на личную и семейную жизнь людей, на решение внутрисоциальных вопросов и межсоциальных конфликтов. На фоне широких типологических параллелей в творчестве Толстого и Достоевского 1870-х годов, возникают генетические связи онтологического свойства, обусловленные сходством и различием религиозно-философских, эстетических и этических установок авторов. Мы раскрываем в работе глубинные религиозно-философские основания, обусловившие творческий диалог между писателями. Сходство определяется близостью коренных начал мировоззрения Достоевского и Толстого: обоим писателям свойственна христианская «укоренённость». Они принимают христианскую мораль и нравственность, видят в следовании ей спасение для человека и человечества, поэтому и стремятся показать путь к духовному возрождению в своем творчестве. Толстому и Достоевскому свойственно упование на «оптимистичный» исход человеческой истории, на возможность достижения мировой гармонии путем внутренней душевной работы каждого человека.

Различие между Достоевским и Толстым обусловлено, прежде всего, антропологическими расхождениями. Слова Священного Писания о Царстве Божием в душе человека абсолютизируются Толстым. Для Толстого Божественное начало в душе человека сильно настолько, что, по его мнению, путем личных усилий «разумный» человек способен восторжествовать над своим «животным» началом, что впоследствии и приведет к торжеству справедливого и гармоничного мироустройства на земле. Толстой отрицает

церковное учение о первородном грехе, как и всю чудесную сторону новозаветного учения, он считает Иисуса Христа не Богочеловеком, а человеком, лишь гениальным учителем нравственности.

У писателей имеются крупные теологические разногласия в восприятии Христа как Богочеловека или как выдающегося Учителя человечества. Диалог между Достоевским и Толстым обусловлен, прежде всего, антропологическими расхождениями. Слова Священного Писания о Царстве Божием в душе человека абсолютизируются Толстым. Для Толстого Божественное начало в душе человека сильно настолько, что, по его мнению, «разумный» человек способен восторжествовать над своим «животным» началом путем личных усилий. «Самоусовершенствование» человека приведет, по Толстому, к торжеству справедливого и гармоничного мироустройства на земле. Толстой отрицает церковное учение о первородном грехе, а вслед за этим и всю чудесную, мистическую сторону новозаветного учения. Он считает Иисуса Христа не Богочеловеком, а пророком, гениальным учителем нравственности. Гуманистическая по своей природе вера Толстого в человека, в его способности усилием собственной доброй воли достичь нравственного совершенства, приводит писателя к поэтизации дворянских семейных «гнезд» в «Войне и мире» и к гармоническому финалу линии Левина в «Анне Карениной».

По Достоевскому, Царство Божие на земле не достижимо без благодати Божией, так как в самой природе человека существует онтологическая поврежденность. Достоевский считает, что современный ему человек безобразно широк, потому что к этому предрасположен. Первопричина такой «широкости» кроется в первородном грехе и усугубляется самоустранением от живительного источника христианской веры. Писатель убежден в том, что победить зло в душе одной человеческой волей невозможно, лишь сила Божия способна поглотить всю мерзость и нечистоту сердца, а возвращение в лоно Церкви Христовой может гармонизировать людскую природу и открыть путь к духовному возрождению человека и человечества. Вся линия Левина в романе «Анна Каренина» кажется Достоевскому сочинённой. Это художественно

законченная картина «русского миража», вызывающая у Достоевского критику на страницах романа «Подросток» и в «Дневнике писателя».

Ко времени написания «Анны Карениной» Толстой ещё был лоялен к официальной Церкви, хотя ощущение собственной духовной миссии уже присутствовало в его горделивом сознании. Достоевский почувствовал это первый и попытался предостеречь своего великого современника от грядущего духовного заблуждения. Онтологические расхождения явились причиной резкой критики Достоевским мировосприятия и жизни высшего сословия на страницах романа «Подросток» (Версиков, князя Соколовские) в противовес положительным образам аристократов на страницах «Анны Карениной» (Левин, Львовы, Щербацкие). С антропологией связаны историософские представления писателей, уповающих на достижение мировой гармонии разными путями: Толстой – рационалистическим: волей и разумом, Достоевский через преображение человека Духом Святым. Историософские взгляды Толстого неразрывно связаны с упованием на сознательное изменение человечества под влиянием морали Христовой, при разумном исполнении заповедей Нагорной проповеди Иисуса Христа.

Онтологические и историософские первопричины легли в основу категоричной полемики по военным вопросам, вызвав иронию Толстого в отношении Балканских событий и русских добровольцев и резкую критику Достоевским толстовского «обособления». Достоевский был последователем идеи вооруженной защиты веры (единоверных славянских народов), верил в мессианское предназначение русского народа и России. Историю он осмыслял эсхатологически, его историософская идея органично связана с представлением о божественном предназначении человека. Автору «Подростка» близка идея хилиазма («миллениума») или Тысячелетнего Царства праведников первого воскресения, описанного в 20 главе Откровения Иоанна Богослова.

Отношения притяжения и отталкивания на уровне мировосприятия отразились на специфике поэтики Достоевского и Толстого. В самом творческом методе писателей угадывается сближение. В 1870-е годы авторы

оттачивают «диалектику души» и психологизм как собственные специфические художественные методы изображения сознания и подсознания человека.

Разумеется, мы не могли исчерпать в нашей работе всего богатства диалогических отношений, типологических схождений и генетических связей в творчестве писателей. Предпринятое нами исследование открывает пути для дальнейшего изучения проблемы творческого диалога Толстого и Достоевского. Заслуживает внимания исследование их взглядов на предназначение писателя, на искусство и творчество. Плодотворные открытия обещает рассмотрение творческого диалога писателей в рамках социальной проблематики (см. Приложения А и Б. Том 2) и религиозных представлений. Раскрытое нами влияние религиозного диалога писателей на их эстетические взгляды и художественное творчество даёт методологическую основу для глубокого сопоставительного исследования поэтики Толстого и Достоевского. Многоплановость творческого диалога писателей открывает широкие перспективы для новых исследований.

Библиографический список

1. Источники

1. А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2 / Литературное наследство. Т. 103: В 2-х кн. Кн. 2 / отв. ред. Т. Г. Динесман. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 1042 с.
2. Алчевская, Х. Д. Достоевский / Х. Д. Алчевская // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. – М.: Худ. лит., 1990. – Т. 2. – С. 325-342.
3. Алчевская, Х. Д. Достоевский [Электронный ресурс] / Х.Д. Алчевская // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Том 2 / под общ. ред. В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина, С. И. Машинского, Б. С. Рюрикова; сост. А. С. Долинин. – Серия литературных мемуаров. – М.: Худ. лит., 1964. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0590.shtml
4. Булгаков, В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л. Толстого / В. Ф. Булгаков; вступ. ст. и прим. С. А. Розановой. – М.: Правда, 1989. – 448 с. – (Лит. воспоминания).
5. Врангель, А. Е. (1833-1915). Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854-56 гг. / Бар. А. Е. Врангель. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1912. – 244 с.
6. Достоевская, А. Г. Воспоминания / А. Г. Достоевская; вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. – М.: Правда, 1987. – 544 с.
7. Достоевский, Ф. М. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского / Ф. М. Достоевский // Полн. собр. соч. : в 14 т. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1883. – Т.1. – 839 с.
8. Достоевский, Ф. М. Подросток. Роман. (Записки юноши) / Ф. М. Достоевский // Отечественные записки. Журнал литературный, политический и ученый. – СПб., 1875. – Год тридцать седьмой. – Т. 218. – № 1. – С. 11–100; № 2. – С. 349 – 444; т. 219. – № 4. – С. 421-476; т. 220. – № 5. –

С. 151–232; т. 222. – № 9. – С. 161-230; т. 223. – № 11. – С. 173-230; № 12. – С. 435–516.

9. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1972 – 1990.

10. Из письма Владимира Сергеевича Соловьева графу Льву Николаевичу Толстому / В. С. Соловьев // Вопросы философии и психологии. Книга IV(79). – Сентябрь-октябрь 1905. – М.: тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1905. – С. 241-246.

11. Измайлов, А. А. У А. Г. Достоевской (К 35-летию со дня кончины Ф. М. Достоевского) / А. А. Измайлов // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. – 336 с. – С.189–195.

12. Интервью и беседы с Львом Толстым / ред., сост. и комм. В. Я. Лакшина. – М.: Современник, 1986. – (Библиотека "Любителям российской словесности").

13. Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка (1857–1903) / изд. подгот. Н. И. Азарова, А. В. Гладкова, О. А. Голиненко, Б. М. Шумова; отв. ред. Л. Д. Громова-Опульская, И. Г. Птушкина. – М.: Наука, 2011. – 974 с.

14. Лосский, Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание [Электронный ресурс] / Н. О. Лосский. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953. – 411. – Режим доступа: <http://ogurcova-portal.com/wp-content/uploads/2013/08/N.O.-Losskiy-Dostoevskiy-i-ego-hristianskoe-miroponimanie-SHast-1.pdf>

15. Маковицкий, Д. П. У Толстого. 1904—1910: «Яснополянские записки»: В 4 кн. / Д. П. Маковицкий / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького / ред. комис. изд. С. А. Макашин, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербина. – М.: Наука, 1979–1981. – Т. 90. – Кн. 1: 1904–1905 / Ред. изд. С. А. Макашин, Л. Р. Ланский, Н. Д. Эфрос, Э. Е. Зайденшнур, С. Колафа. – 1979. – 544 с.

16. Маковицкий, Д. П. У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 4 кн. / Д. П. Маковицкий / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького;

Ред. комис. изд. С. А. Макашин, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербина. — М.: Наука, 1979–1981. — Т. 90. — Кн. 2: 1906–1907 / [Ред. изд. С. А. Макашин, Л. Р. Ланский, Н. Д. Эфрос, Э. Е. Зайденшнур, С. Колафа]. — 1979. — 688 с.

17. Маковицкий, Д. П. У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 4 кн. / Д. П. Маковицкий / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. комис. изд. С. А. Макашин, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербина. — М.: Наука, 1979–1981. — Т. 90. — Кн. 3: 1908—1909 (январь — июнь) / [Ред. изд. С. А. Макашин, Л. Р. Ланский, Н. Д. Эфрос, Э. Е. Зайденшнур, С. Колафа]. — 1979. — 512 с.

18. Маковицкий, Д. П. У Толстого. 1904—1910: «Яснополянские записки»: В 4 кн. / Д. П. Маковицкий / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. комис. изд. С. А. Макашин, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербина. — М.: Наука, 1979–1981. — Т. 90. — Кн. 4: 1909 (июль — декабрь) — 1910 / [Ред. изд. С. А. Макашин, Л. Р. Ланский, Н. Д. Эфрос, Э. Е. Зайденшнур, С. Колафа]. — 1979. — 487 с.

19. Маковицкий, Д. П. У Толстого. 1904—1910: «Яснополянские записки»: В 4 кн. / Д. П. Маковицкий / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. комис. изд. С. А. Макашин, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербина. — М.: Наука, 1979–1981. — Т. 90. — Указатели к кн. 1–4 — (Лит. наследство / Ред. тома С. А. Макашин, Э. Е. Зайденшнур, Л. Р. Ланский. — 1981. — 198 с.

20. Неизвестный Толстой в архивах России и США: Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. / Сост. и ред. И. Борисова. — М.: АО «Техна-2», 1994. — 528 с.

21. Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради. 1860-1881 гг. — Литературное наследство. — Т. 83. — М.: Наука, 1971. — 728 с.

22. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым / [предисл. и примеч. Б. Модзалевского]. — Санкт-Петербург: тип. Б. М. Вольфа, 1913. — 458 с.

23. Последние дни Льва Николаевича Толстого с... биографическим очерком, описанием последних дней Л. Н. Толстого и статьями следующих

авт.: Лев Толстой, Д. Анучкин, Ф. Д. Батюшков и др. – Санкт-Петербург: Воскресение, 1910. – LXXV – 227 с.

24. Толстая Александра Андреевна // Интернет-портал: Федор Михайлович Достоевский: Антология жизни и творчества [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// fedordostoevsky.ru/ around/Tolstaya_A_A/](http://fedordostoevsky.ru/around/Tolstaya_A_A/)

25. Толстая, А. А. Воспоминания / А. А. Толстая // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. – С. 257–258.

26. Толстая, А. А. Воспоминания / А. А. Толстая // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х томах. – Т. 1 / сост., подгот. текста и коммент. Н. М. Фортунатова. – М.: Худ. лит., 1978. – 322 с. – (Серия литературных мемуаров).

27. Толстая, С. А. Дневники: В 2-х т. / сост. и коммент. Н. И. Азаровой и др.; вступит. статья С. А. Розановой / Т. 1: 1862—1900 / С. А. Толстая. – М.: Худ. лит., 1978. – 609 с. – (Серия литературных мемуаров).

28. Толстой, Л. Л. В Ясной Поляне: правда об отце и его жизни / Л. Л. Толстой. – Прага: Пламя, 1923. – 103 с.

29. Толстой, Л. Н. Анна Каренина. Роман / Л. Н. Толстой // Русский вестник. Литературный и политический журнал / Издатель М. Катков. – М., 1875. – Т. 115, – № 1, январь. – С. 243-336. – № 2, февраль. – С. 742-817; т. 116, – № 3, март. – С. 247- 316. – № 4, апрель. – С. 572-641.

30. Толстой, Л. Н. Анна Каренина. Роман / Л. Н. Толстой // Русский вестник. Литературный и политический журнал / Издатель М. Катков. – М., 1876. – Т. 121, – № 1, январь. – С. 305-390. – № 2, февраль. – С. 679-745; т. 122, – № 3, март. – С. 291-339. – № 4, апрель. – С. 641-693; т. 126, – № 12, декабрь. – С. 687-737.

31. Толстой, Л. Н. Анна Каренина. Роман / Л. Н. Толстой // Русский вестник. Литературный и политический журнал / Издатель М. Катков. – М., 1877. – Т. 127, – № 1, январь. – С. 267-324. – № 2, февраль. – С. 830-898; т. 128, – № 3, март. – С. 329-382. – № 4, апрель. – С. 709-763.

32. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. / Л. Н. Толстой. – М.: Худ. лит., 1928 – 1958.

33. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: сборник в 2-х т. / сост. А. С. Долинин / под общ. ред. В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина, С. И. Машинского, Б. С. Рюрикова / Том второй. – М.: Худ. лит., 1964. – 519 с. – (Серия литературных мемуаров).

34. Фет, А. А. Письма. [Электронный ресурс] / А. А. Фет. – Режим доступа: http://az.lib.ru/f/fet_a_a/text_0210.shtml

2. Критика и литературоведение

35. Акелькина, Е. А. Ф. М. Достоевский в «Круге чтения» Л.Н. Толстого. [Электронный ресурс] / Е. А. Акелькина // Вестник ОмГУ. – 2009. – №1. – С.94-96. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-v-kruge-chteniya-l-n-tolstogo> (дата обращения: 14.05.2015).

36. Андреев, И. М., проф. Русские писатели XIX века: очерки по истории русской литературы XIX века / И. М. Андреев. – М.: Русский паломник, 2009. – 560 с.

37. Андреева, В. Г. «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» / В. Г. Андреева. – Кострома: Авантитул, 2012. – 296 с.

38. Апостолов, Н. Н. Лев Толстой и его спутники /Н. Н. Апостолов. – М.: Изд. комиссии по ознаменованию столетия со дня рождения Л. Н. Толстого, 1928. – 260 с.

39. Арденс, Н. Н. Достоевский и Толстой: учебное пособие для студентов факультетов русского языка и литературы / Н. Н. Арденс. – М.: Московский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1970. – 374 с.

40. Артюшков, И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе : На материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2004. – 46 с.

41. Артюшков, И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе : На материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. В. Артюшков. – М., 2004. – 511 с.

42. Бабаев, Э. Г. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого / Э. Г. Бабаев. – М.: Худ. лит., 1978. – 160 с.

43. Бабаев, Э. Г. «Анна Каренина». Комментарии: Части первая – четвертая. [Электронный ресурс] / Э. Г. Бабаев // Л. Н. Толстой. Собрание сочинений: в 22 томах. – М.: Худ. лит., 1981. – Т.8. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/tolstoy/02comm/0031_1.htm 20 августа 2014.

44. Баршт, К. А. Герой Ф. М. Достоевского как подросток / К. А. Баршт // «Педагогiя» Ф. М. Достоевского: Сб. ст. / Ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна: КГПИ, 2003. – 218 с. – С. 9–20.

45. Басинский, П. В. Почему не встретились Толстой и Достоевский? // Скрипач не нужен. – М.: АСТ, 2014. – 512 с. – С. 34-37. [Электронный ресурс] / П. В. Басинский. – Режим доступа: <http://www.fedordostoevsky.ru/research/biography/005>

46. Батюто, А. И. Незамеченные отклики на «Анну Каренину» в «Дневнике писателя» / А. И. Батюто // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 5. – Л.: Наука, Ленин. отд., 1983. – 278 с. – С. 132-141.

47. Баханов, Б. На разломе: Достоевский и Толстой / Б. Баханов // Москва. – 2005. – № 11. – С. 148-156.

48. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.

49. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1975. – 504 с.

50. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1986. – 543 с.

51. Бахтин, М. М. Собрание сочинений: В 7-ми т. Т. 2 : Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статьи о Л. Толстом, 1929. Записи курса лекций

по истории русской литературы, 1922–1927: курс лекций / М. М. Бахтин; Ин-т мировой лит-ры. им. М. Горького Рос. акад. наук. – М.: Рус. словари, 2000. – 800 с.

52. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Изд. 2-е. / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подг. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

53. Белый, А. Трагедия творчества: Достоевский и Толстой / А. Белый. – М.: Мусагет, 1911. – 46 с.

54. Бем, А. Л. Толстой и Достоевский / А. Л. Бем // Вокруг Достоевского: В 2 т. – Т.1: О Достоевском: сборник статей / под редакцией А. Л. Бема; сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. – М.: Русский путь, 2007. – 576 с.

55. Бем, А. Л. Художественная полемика с Толстым: К пониманию «Подростка» / А. Л. Бем // О Достоевском / Под ред. А. Л. Бема. – Прага: Петрополис, 1936. – с. 192-214.

56. Бердяев, Н. А. Мирозерцание Достоевского [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – Прага: изд-во YMCA-PRESS, 1923. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/dostoevsky/index.html>

57. Бердяев, Н. А. Духи русской революции [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М. – П-Д: Русская мысль, 1918. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/duhi.html>

58. Бердяев, Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – М. : Русская мысль, 1918. – Кн. III – IV. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/otkrov.html>

59. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев – М.: Правда, 1989. – 608 с.

60. Библер, В. С. Мышление как творчество / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1975. – 399 с.

61. Библер, В. С. От научения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.

62. Билинкис, Я. Ф. М. Достоевский / Я. Билинкис. – Ленинград : Знание, 1960. – 56 с.

63. Билинкис, Я. С. Творческий путь Л. Н. Толстого / Я. С. Билинкис ; Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР. – Ленинград: Знание, 1956. – 68 с.

64. Бирюкова, Т. Г. Даровое – усадьба Достоевских. Возвращение. Историческая реконструкция / Т. Г. Бирюкова. – Изд. 4-е; испр. и доп. – М. : Пашков дом, 2013. – 136 с.

65. Бицилли, П. М. Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // Лев Толстой: pro et contra : Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / сост. вступ. ст., коммент. и библиогр. К. Г. Исупова. – СПб. : РХГИ, 2000. – 981 с. – С. 473-499.

66. Бочаров, С. Г. О художественных мирах / С. Г. Бочаров. – М.: Сов. Россия, 1985. – 296 с.

67. Бочаров, С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». 4-е изд. / С. Г. Бочаров. – М.: Худ. лит., 1987. – 156 с.

68. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика / А. А. Брудный. – М.: Лабиринт, 2005. – 336 с.

69. Бубер, М. Диалог // М. Бубер Два образа веры. – М.: ООО Изд-во АСТ, 199. – 592 с. – С. 122-161.

70. Буданова, Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог / Н. Ф. Буданова; отв. ред. Г. М. Фридлиндер; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1987. – 198 с.

71. Буданова, Н. Ф. Достоевский о Христе и истине / Н. Ф. Буданова // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. – СПб.: Наука, 1992. – С. 21-29.

72. Буданова, Н. Ф. Эпистолярный диалог о Достоевском К. Н. Леонтьева и В. В. Розанова / Н. Ф. Буданова // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 17. – СПб.: Наука, 2005. – 414 с. – С. 129 – 144.

73. Буланов, А. М. Соотношение рационального и эмоционального в развитии русского реализма второй половины XIX века : ("Ум" и "сердце" в

творчестве И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / А. М. Буланов; Моск. пед. ун-т. – М., 1992. – 33 с.

74. Булгаков, С. Н. На смерть Толстого / С. Н. Булгаков // Русская мысль. – 1910. – № 12. – С. 151-156.

75. Булгаков, С. Н. Сочинения в двух томах / С. Н. Булгаков. – Т. 2: Избранные статьи / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. И. Б. Роднянской. – М.: Наука, 1993. – 750 с.

76. Булгаков, С. Н. Человекобог и человекозверь : по поводу последних произведений Л. Н. Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергей»/ С. Н. Булгаков // Толстой Л. Н.: pro et contra : Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. К. Исупов. – СПб.: РХГУ, 2000. – С. 601-638.

77. Бурсов, Б. Толстой и Достоевский / В. Бурсов // Вопросы литературы. – 1964. – № 7. – С.66-92.

78. Бурсов, Б. И. Избранные работы: в 2-х т. / Б. И. Бурсов. – Л.: Худ. лит., 1982.

79. Бурсов, Б. И. Личность Достоевского / Б. И. Бурсов. – Л.: Советский писатель, 1974. – 672 с.

80. Бурсов, Б. И. У свежей могилы Достоевского : переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым / Б. И. Бурсов // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. – Л., 1969. – Т. 320. – С.254-270.

81. Бялый, Г. А. Вечные темы у Достоевского и Толстого («Идиот» и «Анна Каренина») / Г. А. Бялый //Русский реализм конца XIX в. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.– 168 с. – С. 54-67.

82. Бялый, Г. А. Достоевский и Л. Толстой / Г.А. Бялый // Русская литература. – 1972. – N 2.

83. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 250 с.

84. Введение в литературоведение: Учеб. пособие /Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др. / под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004. – 680 с.

85. Вениамин (Новик), (игумен). Христианские персонализм и дионисизм Ф. М. Достоевского / игумен Вениамин (Новик) // Октябрь. – М., 2007. – № 9. – С. 146–152.

86. Вересаев, В. В. Живая жизнь: О Достоевском и Льве Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше) / В. В. Вересаев. – М.: Политиздат, 1991. – 336 с.

87. Вересаев, В. В. Слово о Льве Толстом: [Аудиозапись] [Электронный ресурс] / В. В. Вересаев. – Режим доступа: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=251>

88. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский / Ред., вступит. статья и прим. В. М. Журмунского; Ин-т лит. Акад. наук СССР. - Ленинград : Гослитиздат, 1940. – 648 с.

89. Ветловская, В. Е. Религиозные идеи утопического социализма и молодой Ф. М. Достоевский / В. Е. Ветловская // Христианство и русская литература: сборник статей / Отв. ред. В.А. Котельников. – СПб.: Наука, 1994. – 396 с. – С. 224–267.

90. Ветловская, В. Е. Теория «полифонического романа» М. М. Бахтина и этическое учение Ф. М. Достоевского / В. Е. Ветловская // Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». – СПб.: Наука, 2007. – 643 с. – С. 409 – 410.

91. Викторovich, В. А. Жанр записок у Толстого и Достоевского / В. А. Викторovich // Лев Толстой и русская литература: Межвуз. сб. – Горький: ГТУ, 1981. – 83 с. – С. 18-25.

92. Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А.Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. — М.: Русский путь, 2007. – 576 с.

93. Волгин, И. Уйти ото всех. Долгое прощание – 3 [Электронный ресурс] / Игорь Волгин. – Режим доступа: <http://www.peremenu.ru/blog/7687>

94. Волгин, И. Л. Последний год Достоевского: исторические записки / И. Л. Волгин. – М.: Сов. писатель, 1991. – 544 с.

95. Волгин, И. Л. Толстой и Достоевский: посмертная переключка [Электронный ресурс] /И. Л. Волгин // Вопросы философии. – М.: Наука, 2011. – № 4. – С. 136–142. – Режим доступа: <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/24752234>

96. Волынский, А. Л. Толстой и Достоевский / А. Л. Волынский // А. Л. Волынский. Борьба за идеализм: критич. статьи. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1900. – 546 с.

97. Волынский, А. Л. Человекобог и Богочеловек / А. Л. Волынский // О Достоевском: Творчество Достоевского русской мысли 1881–1931 г.: сб. статей. – М.: Книга, 1990. – С. 74-85.

98. Габдуллина, В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: Евангельская притча в авторском дискурсе Ф.М. Достоевского / В. И. Габдуллина. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 303 с.

99. Габдуллина, В. И. Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / В. И. Габдуллина. – Томск, 2008. – 43 с.

100. Габдуллина, В. И. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский: диалог на расстоянии / В. И. Габдуллина // Л. Н. Толстой: художественная картина мира: сборник научных статей / Под ред. И. А. Юртаевой, Л. П. Груниной. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 253 с. – С. 84–96.

101. Гачев, Г. Д. Образ в русской художественной культуре / Г. Д. Гачев – М.: Искусство, 1981. – 246 с.

102. Гачева, А. Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» : Достоевский и Тютчев / А. Г. Гачева. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 639 с.

103. Гачева, А. Г. Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров. Встречи в русской культуре / Анастасия Гачева. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 575 с.

104. Гачева, А. Г. Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров. Духовно-творческий диалог : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. Г. Гачева. – М., 2006. – 445 с.

105. Геригк, Х.-Ю. О «Подростке» Достоевского / Х.-Ю. Геригк // Достоевский и мировая культура / Альманах № 28. – М., 2012. – 348 с. – с. 11–29.

106. Гирина, Н. А. Анафония в русской классической литературе : На материале художественной прозы Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Гирина. – Пенза, 2004. – 177 с.

107. Гиршман, М. М. Литературное произведение: теория и практика анализа: Учеб. пособие / М. М. Гиршман. – М.: Высш. шк., 1991. – 160 с.

108. Гринева, И. Е. Проблема отцов и детей в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»/ И. Е. Гринева //Толстовский сборник № 6: Доклады и сообщения XII и XIII Толстовских чтений. – Тула:, ТГПИ им. Л. Н. Толстого, 1976. – 168 с. – С. 49-60

109. Громов, П. П. О стиле Льва Толстого. Становление «диалектики души» / П. П. Громов. – Л.: Худ. лит., 1971. – 388 с.

110. Гудзий, Н. К. Лев Толстой: критико-биографический очерк / Н. К. Гудзий – М.: Худ. лит., 1960. – 216 с.

111. Гулин, А. В. Лев Толстой и пути русской истории /А. В. Гулин. – М.: РАН; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького, 2004 . – 252 с.

112. Гулин, А. В. Свободный роман /А. В. Гулин. // Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях: Части первая – четвертая / Вступ. ст. А. В. Гулина; коммент. Э. Г. Бабаева; худож. Н. И. Пискарев. – М.: Дет. лит., 2006. — 607 с. – (Школьная библиотека).

113. Гусев, Н. Н. Толстой и Достоевский / Н. Н. Гусев // Яснополянский сборник. Год 1960. – Тула: Тульское кн. изд., 1960. – 232 с. – С. 108-128.

114. Гусев, Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год [Электронный ресурс] / Н. Н. Гусев; АН СССР. Ин-т мировой

лит. им. А. М. Горького; отв. ред. А. И. Шифман. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 695 с. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/chronics/g63/g63.htm>

115. Гусев, Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год [Электронный ресурс] / Н. Н. Гусев; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред.: Л. Д. Опульская, А. И. Шифман. – М.: Наука, 1970. – 557 с. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/chronics/g70/g70.htm>

116. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. / Н. Я. Данилевский; сост. и коммент. Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 816 с.

117. Делл` Аста, А. Красота и спасение в мире Достоевского / А. Делл` Аста // Христианство и русская литература: сборник третий / РАН Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – СПб.: Наука, 1999. – С. 250–262.

118. Дианов, Д. Н. Творческие искания Ф.М. Достоевского в оценке русской религиозно-философской критики конца XIX - начала XX веков : К. Леонтьев, Вл. Соловьев, В. Розанов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Д. Н. Дианов. – Кострома, 2004. – 229 с.

119. Долинин, А. С. В творческой лаборатории Достоевского (История создания романа «Подросток») / А. С. Долинин. – М.: Сов. писатель, 1947. – 174 с.

120. Долинин, А. С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы» / А. С. Долинин. – М. –Л.: Сов. писатель, 1963. – 344 с.

121. Долинин, А. С. Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов / А. С. Долинин // Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению / Под ред. Н. К. Пиксанова. – М. – Л.: изд. АН СССР, 1940. – с.238-254.

122. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII – XX веках [Электронный ресурс] / М. М. Дунаев. – М.: Изд. Совет Рус. Прав. Церкви, 2003. – 1056 с. – Режим доступа: <http://www.mpda.ru/data/268/629/1234/Vera%20v%20gornile%20smneniy.pdf>

123. Дунаев, М. М. Православие и русская литература : В 5-ти частях. Ч. I-V / М. М. Дунаев. – М.: Христ. литература, 1996-1997.

124. Евлампиев, И. И. Философия человека в творчестве Достоевского. (От ранних произведений к «Братьям Карамазовым») / И. И. Евлампиев. – СПб.: Изд-во РХГА, 2012. – 585 с.

125. Ермилова, Г. Г. От Гоголя до Набокова: Статьи о русской литературе / Г. Г. Ермилова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. – 256 с.

126. Ермолаева, Н. Л. Л. Н. Толстой и А. Т. Твардовский / Н. Л. Ермолаева // Лит. в школе. – 2010. – № 12. – С. 10-14.

127. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие для студентов и преподавателей филологических факультетов. Учителей – словесников / А. Б. Есин. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 164 с.

128. Ефимов, И. Несовместимые миры. Достоевский и Толстой / И. М. Ефимов // Звезда. – 2002. – № 11. – С. 187-192.

129. Ефремов, В. С. Самоубийство в художественном мире Достоевского / В. С. Ефремов. – СПб.: Диалект, 2008. – 584 с.

130. Жарова, А. А. «Порода» Л.Н. Толстого и «случайное семейство» Ф. М. Достоевского / А. А. Жарова // Русская речь. – 2012. – №1. – С. 3-6.

131. Жарова, А. А. Формы творческой полемики Ф. М. Достоевского с Л. Н. Толстым : дис. ... канд. филол. наук.: 10.01.01 / А. А. Жарова. – М., 2012. – 175 с.

132. Жарова, А. А. Формы творческой полемики Ф. М. Достоевского с Л. Н. Толстым : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01/ А. А. Жарова. – М., 2012. – 19 с.

133. Зверева, Б. А. «Дворянский вопрос» глазами московского губернского предводителя А. В. Мещерского (60-80-е гг. XIX в.) / Б. А. Зверева // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов I Всероссийской молодежной научной конференции. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 88-95.

134. Зеньковский, В. В. История русской философии [Электронный ресурс] / В. В. Зеньковский. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/08_z/enk/ovsky_26.html

135. Зеньковский, В., прот. Проблема красоты в мирозерцании Достоевского [Электронный ресурс] / прот. В. Зеньковский // Путь. – № 37. – Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/path/37/2>

136. Зинченко, В. Г., Зусман, В. Г., Кирнозе, З. И. Методы изучения литературы. Системный подход: учебное пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 200 с.

137. Златопольская, А. А. «Intuset in cute». Восприятие образа и автобиографии Жан-Жака Руссо в русской философско-антропологической мысли XVIII — XIX века / А. А. Златопольская // Философский век / Альманах. Вып. 22: Науки о человеке в современном мире. Материалы международной конференции, 19-21 декабря 2002 г., Санкт-Петербург. Часть 2 / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2002. – 407 с. – с. 20-32.

138. Иванов-Разумник, Р. В. Толстой и Достоевский / Р. В. Иванов-Разумник // Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. – Ч. 6: От семидесятых годов к девяностым. – Пг.: Революц. мысль, 1918. – 638 с.

139. Ильин, И. А. Собрание сочинений: В 10 т. / И. А. Ильин. – М.: Русская книга, 1996 – 1999.

140. Иоанн (Шаховской), архиепископ. К истории русской интеллигенции. Революция Толстого / архиеп. Иоанн (Шаховской). – М.: Лепта - Пресс, 2003. – 540 с.

141. Исакова, И. Н. Система номинаций литературного персонажа : На материале произведений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, А. А. Фета и Н.А. Некрасова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / И. Н. Исакова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2004. – 24 с.

142. История родов русского дворянства. – Т.1. / Сост. П. Н. Петров. – СПб.: Книгоиздательство Германа Гоппе, 1886 . – 400 с.

143. Иустин (Попович), преподобный. Достоевский – всечеловек // Достоевский о Европе и славянстве [Электронный ресурс] / преп. Иустин (Попович). – Режим доступа: http://www.pagez.ru/olb/228_15.php

144. Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф. М. Достоевского / преподобный Иустин (Попович). – Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2008. – 312 с.

145. Кабакова, С. А. В. М. Шукшин и М. А. Булгаков: творческий диалог в русской литературе конца 1960-х – первой половины 1970-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / С. А. Кабакова; [Место защиты: Тюмен. гос. ун-т]. – Тюмень, 2013. – 25 с.

146. Казаков, А. Ценностная архитектоника произведений Достоевского и Л. Толстого [Электронный ресурс] / А. А. Казаков. – LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 213 с. – Режим доступа: http://www.fedordostoevsky.ru/files/pdf/kazakov_2013.pdf

147. Казаков, А. А. Место Л. Н. Толстого в истории литературы в восприятии Ф. М. Достоевского: имагологическая реконструкция [Электронный ресурс] / А. А. Казаков // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. – №5 (31). – С.86-91. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mesto-l-n-tolstogo-v-istorii-literatury-v-vozpriyatii-f-m-dostoevskogo-imagologicheskaya-rekonstruktsiya> (дата обращения: 14.05.2015).

148. Калашникова, И. А. Ф. И. Тютчев и И. С. Тургенев: аспекты творческого диалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / И. А. Калашникова; [Место защиты: Сургут. гос. пед. ун-т]. – Сургут, 2010. – 19 с.

149. Кантор, В. К. Достоевский как центр русской философской мысли [Электронный ресурс] / В. К. Кантор — Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fwww.hse.ru%2Fdata%2F589%2F621%2F1239%2FDostoevskij%2520kak%2520centr%2520russkoj%2520mysli.doc&lang=ru&c=55579b88737a>

150. Касаткина, Т. К вопросу об авторской теории творчества: образ мира и человека в восприятии Толстого и Достоевского / Т. Касаткина // Достоевский и мировая культура / Альманах. – № 30. – Часть I. – М., 2013. – 492 с. – С. 65 – 82.

151. Касаткина, Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» / Т.А. Касаткина. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 479 с.

152. Касаткина, Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций / Т. А. Касаткина. – М.: Наследие, 1996. – 335 с.

153. Кацахян, М. Г. Мироззрение и художественное творчество (Л.Н. Толстой и Ф. М. Достоевский): автореф. дис. ... д-ра филос. наук / М.Г. Кацахян; Тбил. гос. ун-т. – Тбилиси, 1987. – 47 с.

154. Кашина, Н. В. Человек в творчестве Ф. М. Достоевского / Н. В. Кашина. – М.: Худ. лит., 1986. – 316 с.

155. Кашина, Н. В. Эстетика Ф. М. Достоевского. Изд. 2-е, испр. и доп. / Н.В. Кашина. – М.: Высшая школа (вузы и техникумы), 1989. – 288 с.

156. Кашкин, В. Б. Введение в теорию дискурса / В.Б. Кашкин. – М.: Восточная книга, 2010. – 150 с.

157. Кибальник, С. А. Споры о Балканской войне на страницах «Анны Карениной» / С. А. Кибальник // Русская литература. – 2010. – № 4. – с. 39 – 44.

158. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / А. А. Кибрик; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М., 2003. – 90 с.

159. Киносита, Т. Антропология и поэтика творчества Достоевского: сборник статей / Т. Киносита; предисл. В. Туниманова. – СПб.: Серебряный век, 2005. – 208 с.

160. Кириченко, О. Славянский вопрос в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» / О. Кириченко. – Тарту: HUMA (Trukikoda Grif), 2007.

161. Кирпотин, В. Я. Избранные работы: В 3-х томах / В. Я. Кирпотин – М., Худ. лит., 1978.

162. Кладова, Н. А. Ф. М. Достоевский и Н. А. Некрасов: творческий диалог : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01/ Н. А. Кладова. – Кострома, 2009. – 202 с.

163. Кладова, Н. А. Ф. М. Достоевский и Н. А. Некрасов: творческий диалог : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. А. Кладова. – Кострома, 2009. – 202 с.

164. Коковина, Н.З. Пространство веры в романах Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского / Н. З. Коковина // Толстовский сборник – 2000: Материалы XXVI Международных Толстовских чтений: В 2 ч. Ч. 1: Л. Н. Толстой в движении эпох. – Тула: изд-во Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2000. – 354 с. – С. 250-259.

165. Коптелова, Н. Г. Мережковский о европейском контексте духовных исканий Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского / Н. Г. Коптелова // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. статей / науч. ред. Ю. В. Лебедев; отв. ред. А. К. Котлов. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. – 227 с. – С. 122-126.

166. Коптелова, Н. Г. Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д. С. Мережковского (1880-1917 гг.) / Н. Г. Коптелова. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 343 с.

167. Короленко, В. Г. Собрание сочинений: В 10 т. – Т.6 / В. Г. Короленко. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1954. – 328 с.

168. Котельников, В. А. Федор Михайлович Достоевский / В. А. Котельников // История русской литературы XIX века: (Вторая половина): учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Н. Н. Скатов, Ю. В. Лебедев, А. И. Журавлева и др.; под ред. Н. Н. Скатова. – 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1991. – 512 с.

169. Кравченко, Э. Я. Поэтика: слов, актуал. терминов и понятий / Э. Я. Кравченко; гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

170. Кулешов, В. И. К вопросу о сравнительной оценке реализма Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского / В. И. Кулешов. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 21 с.

171. Куницкий, Вл. Женские типы у Толстого и Достоевского / Вл. Куницкий // Женское образование. – 1884. – 51. Январь. – с. I-II.

172. Курляндская, Г. Б. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский: Проблема метода и мировоззрения писателей / Г. Б. Курляндская. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. – 256 с.

173. Курляндская, Г. Б. Нравственный идеал героев Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: кн. для учителя / Г. Б. Курляндская. – М.: Просвещение, 1988. – 256 с.

174. Кшондзер, М. К. Творческие сближения Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского (на материале анализа «Крейцеровой сонаты» Толстого и «Кроткой» Достоевского) / М. К. Кшондзер // Яснополянский сборник-2008: Статьи, материалы, публикации. – Тула: изд. дом «Ясная поляна», 2008. – 466 с. – С. 164-171.

175. Лебедев, Ю. В. «О слово русское, родное!» Страницы истории отечественной литературы : сб. науч. ст. / Ю. В. Лебедев. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. – 512 с.

176. Лебедев, Ю. В. Диалог Ф. М. Достоевского с утопическим социализмом в творчестве 1840-х годов / Ю. В. Лебедев // Лит. в shk. – 2007. – № 2. – С. 2-8.

177. Лебедев, Ю. В. История русской литературы XIX века в 3 ч. / Ю. В. Лебедев. – М.: Просвещение, 2007-2008. – Ч.1-3.

178. Лебедев, Ю. В. Православная традиция в русской литературе XIX века: сб. науч. ст. / Ю. В. Лебедев. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 428 с.

179. Лебедев, Ю. В. Русский язык и литература. Литература. 10 класс / базовый уровень. – Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2-х частях./ Ю. В. Лебедев. – Часть 2. – М.: Просвещение, 2014. – 368 с.

180. Лебедев, Ю. В. Тургенев / Ю. В. Лебедев. – М.: Мол, гвардия, 1990. – 607 с. – (ЖЗЛ. Сер. биогр.; Вып. 706).

181. Лебедев, Ю. В. Уроки классической русской литературы / Ю. В. Лебедев // Российское историко-культурное наследие, 2011. – № 5. – С. 23.

182. Левашова, О. Г. Шукшинский герой и традиции русской литературы XIX в. : Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / О. Г. Левашова; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2003. – 38 с.

183. Левашова, О. Г. Шукшинский герой и традиции русской литературы XIX в.: Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / О. Г. Левашова. – Тамбов, 2003. – 315 с.

184. Леонтьев, К. Наши новые христиане. Ф. М. Достоевский и Лев Толстой (по поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого «Чем люди живы?») / К. Леонтьев. – М.: Типография Е. И. Погодиной, 1882. – 68 с.

185. Леонтьев, К. Н. Достоевский о русском дворянстве / К. Н. Леонтьев. – М.: Республика, 1996. – 763 с.

186. Леонтьев, К. Н. Наши новые христиане: Ф. М. Достоевский и гр. Л. Толстой / К. Н. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Собрание сочинений в 9 т. – Т. 8. – М.: Типография В. М. Саблина, 1912. – 151 с.

187. Леонтьев, К. Н. О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние: Критический этюд. [Электронный ресурс] / К. Н. Леонтьев. – Москва, 1911. –Режим доступа: <http://knleontiev.narod.ru/texts/analys1.htm>

188. Лесков, Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи: Религия страха и религия любви / Н. С. Лесков // Н. С. Лесков о литературе и искусстве. – Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 285 с.

189. Лесков, Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи: Религия страха и религия любви // Новости и биржевая газета, 1883. – №№ 1, 3.

190. Лесков, Н. С. Собрание сочинений: В 11 т. [Электронный ресурс] / Н. С. Лесков. – М., Государственное издательство художественной литературы, 1958. – Т. 10. – 468 с. – С. 247-593. – Режим доступа: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1370.shtml

191. Лихачев, Д. С. Лев Толстой и традиции древней русской литературы литература // Литература – реальность / Д. С. Лихачев. – Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1981. – 214 с. – с. 127-158.

192. Ломунов, К. Лев Толстой в современном мире / К. Н. Ломунов. – М.: Современник, 1975. – 502 с.

193. Ломунов, К. Эстетика Льва Толстого / К. Н. Ломунов. – М.: Современник, 1972. – 479.

194. Ломунов, К. Н. Достоевский и Толстой / К. Н. Ломунов // Достоевский - художник и мыслитель: сборник статей /отв. ред.: К. Н. Ломунов; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Худ. лит., 1972. – 687 с. – С. 462–523.

195. Лосский, Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание / Н. О. Лосский. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 406 с.

196. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 1994. – 758 с.

197. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. – Т.1. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.

198. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман – М.: Искусство, 1970.

199. Лученецкая-Бурдина, И. Ю. Парадоксы художника: особенности индивидуального стиля Л. Н. Толстого в 1879-1890 годы / И. Ю. Лученецкая-Бурдина. – Ярославль: ЯГПУ, 2001. – 156 с.

200. Лученецкая-Бурдина, И. Ю. Стилиевые стратегии Л. Н. Толстого в романе «Анна Каренина» / И. Ю. Лученецкая-Бурдина // Ярославский педагогический вестник – 2014 – № 4 – Том I (Гуманитарные науки). – С. 220-223.

201. Матюшкин, А. В. Парадокс Достоевского о войне [Электронный ресурс] / А. В. Матюшкин. – Режим доступа: [http:// iff.kspu. karelia.ru DswMedia/paradox dost.htm](http://iff.kspu.karelia.ru/DswMedia/paradox_dost.htm)

202. Мегаева, К. И. Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой (романы 60 –70 –х годов): учебное пособие по спецкурсу / К. И. Мегаева. — Махачкала: Дагестанский гос. ун-т, 2002. [Электронный ресурс] / К. И. Мегаева. – Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1157330-pall.html>

203. Мегаева, К. И. Ф. М. Достоевский о художественном единстве романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» / К. И. Мегаева // Внутренняя организация художественного произведения: Межвуз. науч.-темат. сб. / Даг. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Махачкала, 1987. – С. 145-156.

204. Медведев, А. А. Эссе В. В. Розанова о Ф. М. Достоевском и Л. Н. Толстом : Проблема понимания : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. А. Медведев. – М., 1997. – 222 с.

205. Мережковский, Д. С. Л. Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский. – М.: Наука, 2000. – 587 с. – (Литературные памятники).

206. Мережковский, Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. – М.: Республика, 1995. – 618 с. – (Прошлое и настоящее).

207. Мережковский, Д. С. Полн. собр. соч. / Д. С. Мережковский. – СПб.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1912. – т. VII. – 310 с.

208. Молчанова Г. Г. Холистика текста: система – коммуникация – языковая личность – текст / Г. Г. Молчанова // Стилистика и теория языковой коммуникации. Тезисы докладов междунар. конференции, посвященной 100-

летию со дня рождения профессора МГЛУ И. Р. Гальперина – М.: МГЛУ, 2005. – С. 45 - 47.

209. Мосалева, Г. В. Русская православная духовность как типологическое основание отечественной культуры и науки [Электронный ресурс] / Г. В. Мосалева // Русская литература : оригинальные исследования. – Режим доступа: <http://russian-literature.com/ru/research/izhevsk/gv-mosaleva-russkaya-pravoslavnaya-duhovnost-kak-tipologicheskoe-osnovanie-otechestvennoy-kultury-i-nauki>

210. Мосалева, Г. В. «Непрочитанный» А. Н. Островский: поэт иконной России. Монография [Электронный ресурс] / Г. В. Мосалева. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. – 296 с. – Режим доступа: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/12270/2014264.pdf?sequence=1>

211. Мосалева, Г. В. Феноменология русской духовности и ее отражение в поэтике русской литературы / Г. В. Мосалева // Онтология и поэтика Традиции: язык и текст : сб. науч. ст. [Электронный ресурс] / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»; отв. ред. Г. В. Мосалева ; редкол. О. Н. Бушмакина. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2011. — С. 5-22. – Режим доступа : <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/7804>.

212. Мочульский, К. Достоевский. Жизнь и творчество / К. Мочульский // Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачева. – М.: Республика, 1995. – 607 с. – (Прошлое и настоящее).

213. Мочульский, К. Гоголь. Соловьев. Достоевский / К. Мочульский. – М.: Республика, 1995. – 607 с.

214. Назаров, В. Н. Этическое «оправдание» христианства: Достоевский и Толстой / В. Н. Назаров [Электронный ресурс] // Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л. Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации: Материалы XXXIII Междунар. Толстовских чтений.– Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2012. – 394 с. – с. 44-49. – Режим доступа:

http://www.tsput.ru/about_us/activities/scientific_activities/science/vedom_3_2012.pdf

215. Накамура, К. Чувство жизни и смерти у Достоевского / К. Накамура. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 331 с.

216. Нальгиева, Х. Ш. Некоторые особенности художественного психологизма Л. Толстого и Ф. Достоевского / Х. Ш. Нальгиева // Толстовский сборник. Вып.4. – Тула, 1970. – 262 с. – С.130-143.

217. Николаева, Е. В. Художественный мир Льва Толстого: 1880-1900-е годы / Е. В. Николаева. – М.: Флинта, 2000. – 374 с.

218. Николаева, Т. В. Историческая поэзия Ф. И. Тютчева в контексте развития русской поэзии XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Т. В. Николаева. – Кострома, 2006. – 18 с.

219. Ноллетов, В. В. Достоевский и Толстой. Несостоявшаяся встреча. [Электронный ресурс] / В. В. Ноллетов. – Режим доступа: http://samlib.ru/n/nolletow_w_w/dt12.shtml

220. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Собрание сочинений : В 9 т. – Т. 3: Л. Н. Толстой. – СПб. : Общественная польза, Прометей, 1909. – 272 с.

221. Одиноков, В. Г. Религиозно-этические проблемы в творчестве Достоевского и Толстого / В. Г. Одиноков // Русская литература и религия: сб. науч. трудов / Отв. ред. В. Грюбель, В. Одиноков. – Новосибирск: Наука, 1997. – 314 с. – С. 95-152.

222. Опульская, Л. Д. Мировоззрение Л. Н. Толстого / Л. Д. Опульская // История философии. Т. 4. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. – 672с. – с. 50–61.

223. Орвин, Д. Т. Искусство и мысль Толстого. 1847 –1880 / Донна Тассинг Орвин; перев. с англ. А. Г. Гродецкой. — СПб.: Академический проект, 2006. – 304 с. – (Современная западная русистика: т. 65).

224. Ореханов, Георгий, свящ. Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и отрава гуманизма: новая жизнь дискуссии о «розовом христианстве» [Электронный

ресурс] / свящ. Георгий Ореханов // Молодая Россия: научный интернет-проект.
– Режим доступа: http://molodajarossija.ru/?page_id=467

225. Ореханов, Ю. Л. Историко-культурный контекст дихотомии «Русская Православная Церковь - Л.Н. Толстой»: дис. ... д-ра ист. наук : 24.00.01 / Ю. Л. Ореханов; [Место защиты: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского]. – М., 2012. – 629 с.

226. Ореханов, Ю. Л. Историко-культурный контекст дихотомии «Русская Православная церковь – Л. Н. Толстой»: автореф. дис. ... д-ра исторических наук : 24.00.01 / Ю. Л. Ореханов; [Место защиты: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского]. – Ярославль, 2012. – 51 с.

227. Ореханов, Г. Отлучение или отпадение: смысл синодального акта о Льве Толстом / Г. Ореханов // Родина. – 2009. – № 11. – С. 60-63.

228. Ореханов, Г., свящ. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников / свящ. Г. Ореханов. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. – 696 с.

229. Основы литературоведения: Учебное пособие для студентов педагогических вузов / В. П. Мещеряков, А. С. Козлов и др. / Под общ. ред. В. П. Мещерякова. – М.: Дрофа, 2003. – 416 с.

230. Парахин, Ю. И. Художественно-философское решение проблемы главного героя в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» и повести Л. Н. Толстого «Казачи» / Ю. И. Парахин // Толстовский сборник. Вып. № 6. – Тула, 1976. – 167 с. – с. 85-96.

231. Перетягина, А. В. Пушкинская традиция в процессе становления и развития жанра тургеневского романа 1850-х - начала 1860-х годов: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. В. Перетягина. – Кострома, 2010. – 217 с.

232. Платонова, Д. О. Концептуализация русских писателей-классиков XIX века Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в англоязычной лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д. О. Платонова; [Место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]. – Волгоград, 2014. – 223 с.

233. Плякин, Александр Толстой – читатель Достоевского / А. Плякин // Достоевский и мировая культура / Альманах № 8. – М.: Классика плюс, 1997. – 256 с. – С. 106–110.

234. Померанц, Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским / Г. С. Померанц. – 3-е изд., доп. – М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 416 с. – (Российские Пропилеи).

235. Порошенков, Е. П. Тема «случайного семейства» в романе Л. Толстого «Анна Каренина» и Ф. Достоевского «Подросток» / Е. П. Порошенков // Толстовский сборник. Вып. 5.: Доклады и сообщения XII Толстовских чтений / Под ред. проф. М. П. Николаева. – Тула: Тул. пед. ин-т, 1975. – с. 140-149.

236. Посадская, О. А. Творческий диалог Л. Н. Толстого и К. Н. Леонтьева. Проблема общности и своеобразия : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / О. А. Посадская; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН. – Краснодар, 2007. – 22 с.

237. Потебня, А. А. Черновые заметки о Толстом и Достоевском / А. А. Потебня // Вопросы теории и психологии творчества. – М., 1914. – Т. 5. – 559 с. – С. 263-292.

238. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

239. Прасолов, М. А. Голова медузы. П. Е. Астафьев – философский критик и цензор Л. Н. Толстого / М. А. Прасолов // Труды преподавателей и выпускников Воронежской православной духовной семинарии. Выпуск 4–5. – М., 2011. – 400 с. – Режим доступа: http://obraz.vpds.ru/sbornik-trudov/files/trudi_seminarii_4-5.pdf

240. Пруцков, Н. И. Историко-сравнительный анализ произведений художественной литературы / Н. И. Пруцков; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1974. – 204 с.

241. Пушкарева, В. С. Детство в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» и в первой повести Л. Н. Толстого / В. С. Пушкарева // Филологический

сборник: Статьи и исследования. – Л., ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1970. – С. 113-122.

242. Ребель, Г. М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского : типологические явления русской литературы XIX века : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Г. М. Ребель; [Место защиты: Удмурт. гос. ун-т]. – Пермь, 2007. – 403 с.

243. Ребель, Г. М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Г. М. Ребель. – Ижевск, 2007. – 47 с.

244. Ремизов, В. Б. Ф. М. Достоевский. [Электронный ресурс] / В. Б. Ремизов. – Режим доступа: <http://www.tsput.ru/res/other/Tolstoy/Literature/dostoevskiy.htm>

245. Розанов, В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. Т. 7 / В. В. Розанов // В. В. Розанов. Собрание сочинений: В 27 т. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М.: Республика, 1996. — 702 с.

246. Розенблюм, Л. М. Достоевский в середине 70-х годов. Создание «Подростка» / Л. М. Розенблюм // Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток»: Творческие рукописи / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; ред. И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. – Т.77. – М.: Наука, 1965. – с. 519. – (Литературное наследство).

247. Розенблюм, Л. М. Творческие дневники Достоевского / Л. М. Розенблюм; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. И. С. Зильберштейн. – М.: Наука, 1981. – 370 с.

248. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения: Сб. ст. – Коломна: КГПИ, 2003. – 262 с. – (Педагогический потенциал русской литературы).

249. Русанов, Г. А. Поездка в Ясную Поляну (24–25 августа 1883 г.). / Г. А. Русанов // Толстовский ежегодник 1912 г. – М.: Изд. О-ва Толстовского музея в СПб. и Толст. об-ва в Москве, 1912. – 308 с.

250. Рыгалова, Л. С. Достоевский и Толстой в середине 1870-х годов («Подросток» и «Анна Каренина»): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Л. С. Рыгалова; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984. – 18 с.

251. Рыгалова, Л. С. Достоевский и Толстой в середине 1870-х годов («Подросток» и «Анна Каренина») дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Л. С. Рыгалова; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984. – 227 с.

252. Рыгалова, Л. С. Из истории борьбы вокруг художественного наследия Достоевского и Л. Толстого / Л. С. Рыгалова // Русская классическая литература и идеологическая борьба: Сб. науч. тр. / Отв. ред.: Т. К. Черная; Ставропольский гос. пед. ин-т. – Ставрополь: СГПИ, 1983. – 144 с. – С. 71-80.

253. Сакулин, П. Н. Русская литература и социализм / П. Н. Сакулин. – 2-е изд. перераб. – Часть 1: Ранний русский социализм. – М.: Гос. изд., 1924. – 504 с.

254. Сараскина, Л. И. Достоевский / Л. И. Сараскина. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 825[7] с. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1407).

255. Свинцов, В. Достоевский и «отношения между полами» [Электронный ресурс] / В. Свинцов // Новый Мир. – №5. – 1999. – Режим доступа:

http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/96.htm

256. Семенов, Е. И. Роман Достоевского «Подросток»: проблематика и жанр / Е. И. Семенов. – Л.: Наука, 1979. – 361 с.

257. Серегина, С. А. Андрей Белый и Сергей Есенин: творческий диалог : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / С. А. Серегина. – М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН, 2009. – 34 с.

258. Скатов, Н. Н. Н. Н. Страхов (1828–1896) // Николай Николаевич Страхов: Литературная критика / Вступит, статья, сост. Н. Н. Скатов, примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова. – М.: Современник, 1984. – 431 с. – С. 5–43.

259. Сморгжо, С. Н. Художественная эсхатология в романах Ф. М. Достоевского 1860-1870-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / С. Н. Сморгжо. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2007. – 24 с.

260. Соловьев, В. Оправдание добра / В. Соловьев; отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с.

261. Соловьев, В. С. Три речи в память Достоевского / В. С. Соловьев // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли / Сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. – М.: Книга, 1990. – 432 с.

262. Сочинения святого Иринея, епископа Лионского / перевод прот. П. Преображенского. – СПб.: Изд-е книгопродавца И. Л. Тулузова, 1900. – 560 с.

263. Старыгина, Н. Н. Русский роман в ситуации философско - религиозной полемики 1860–1870-х годов / Н. Н. Старыгина. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 352 с.

264. Степанян, К. А. Сознать и сказать: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского / К. А. Степанян. – М.: Раритет, 2005. – 512 с.

265. Страхов, Н. Н. Борьба с Западом / Н. Н. Страхов /составление и комментарии А. В. Белова; отв. ред. О. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010. – 576 с.

266. Страхов, Н. Н. Литературная критика: Сборник / Н. Н. Страхов. – М.: Современник, 1984. – 431 с.

267. Струценко, С. В. Проблема формирования духовно-нравственной личности в трудах Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / С. В. Струценко. – Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2009. – 21 с.

268. Сузи, В. Н. Христианский универсум в русской литературе XIX века: А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, Ф. М. Достоевский: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / В. Н. Сузи. – Иваново, 2012. – 39 с.

269. Суркова, Ж. Л. Поэтика романа Л. Н. Толстого "Анна Каренина" : Идиллические мотивы и эсхатологическая символика : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ж. Л. Суркова. – Иваново, 2003. – 158 с

270. Тамарченко, Н. Д. Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра / Н. Д. Тамарченко. – М.: РГГУ, 1997. – 203 с.

271. Тамарченко, Н. Д. Теоретическая поэтика: понятия и определения: Хрестоматия для студ. филол. фак. / авт.-сост. Н. Д. Тамарченко. – М.: РГГУ, 1999. – 467 с.

272. Творчество Ф. М. Достоевского: искусство синтеза / Г. К. Щенников, В. В. Борисова, В. А. Михнюкевич и др. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 285 с.;

273. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – Т. 2. – Бройтман, С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман. – М.: Академия, 2004. – 368 с.

274. Тихомиров, Б. Н. С Достоевским по Невскому проспекту, или Литературные прогулки от Дворцовой площади до Николаевского вокзала. [Электронный ресурс] / Б. Н. Тихомиров. – СПб, 2012. – 261 с. – Режим доступа: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124493032.pdf>

275. Тихомиров, В. В. Л. Н. Толстой и возрождение религиозного искусства : Н. Н. Страхов о Л. Н. Толстом / В. В. Тихомиров // Вестник ИвГУ. – 2000. – № 1. – С. 17-26.

276. Тихомиров, В. В. От А. Н. Радищева до Л. Н. Толстого: статьи о русской литературе и литературной критике: сб. науч. ст. / В. В. Тихомиров. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. – 372 с.

277. Толстой или Достоевский? : Филос.-эстет. искания в культурах Востока и Запада : Материалы Междунар. конф., 3-6 сент. 2001 г. / Редкол.: В. Е. Багно (пред.) и др. – СПб. : Наука, 2003. – 251 с.

278. Трофимова, Т. А. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и «Млечный путь» В. Г. Авсеенко. История одной журнальной публикации / Т. А. Трофимова // Вестник молодых ученых. Филологические науки. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – № 1. – С. 32-36.

279. Труайя, Анри Лев Толстой / Анри Труайя; перев. Е. Г. Сутоцкая. – М.: Эксмо, 2008. – 196 с.

280. Трубецкой, Е. Н. Национальный вопрос. Константинополь и Святая София // Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой; сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 656 с.

281. Туниманов, В. А. Достоевский и Толстой на рубеже столетий // Толстой или Достоевский? : Филос.-эстет. искания в культурах Востока и Запада : Материалы междунар. конф. 3 – 6 сент. 2001 г. / Редкол.: В. Е. Багно и др. – СПб.: Наука, 2003. – С.234 – 243.

282. Туниманов, В. А. Достоевский, Страхов, Толстой (лабиринт сцеплений) / В. А. Туниманов // Русская литература. – 2006. – № 3. – С. 38–96.

283. Туниманов, В. А. Творчество Достоевского (1854 - 1862) / В. А. Туниманов. – Л.: Наука, 1980. – 268 с.

284. Тусичишный, А. П. Проблема нравственного возрождения человека в романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и Л. Н.Толстого «Воскресение»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. П. Тусичишный. – М.: Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской, 1989. – 18 с.

285. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. И. Тюпа. – 3-е изд., стер. – М.: Академия, 2009. – 336 с.

286. Тюпа, В. И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы) / В. И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 80 с.

287. Уильямс, Р. Достоевский: язык, вера, повествование / Р. Уильямс; пер. с англ. Н. М. Пальцева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 295 с.

288. Фадеев, Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ / Р. А. Фадеев / сост. Лебедев С. В., Линицкая Т. В.; предисл. и коммент. Лебедева С. В.; отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010. – 992 с.

289. Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. — 518 с.

290. Федченков, С. А. Святой Ириной Лионский. [Электронный ресурс] / С. А. Федченков. – Режим доступа: http://www.golden-ship.ru/ld/17/1706_331.htm

291. Философия : учебное пособие / Н. П. Коновалова, Т. С. Кузубова, Р. В. Алашеева [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 216 с.

292. Флоровский, Г. В. Восточные Отцы V–VIII веков / Г. В. Флоровский. – М.: ПАИМС, 1992. – 240 с. – С. 104.

293. Фрейдин, В. Я. Жанровая поэтика романов Л. Толстого и Ф. Достоевского ("Анна Каренина" и "Преступление и наказание") : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / В. Я. Фрейдин. – Свердловск, Урал. гос. ун-т м. А. М. Горького, 1989. – 19 с.

294. Фридлиндер, Г. М. Достоевский и Лев Толстой (Статья вторая) / Г. М. Фридлиндер // Достоевский: материалы и исследования. Т. 3. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 67–91.

295. Фридлиндер, Г. М. Достоевский и Лев Толстой / Г. М. Фридлиндер // Достоевский и мировая литература. – М.: Худ. лит., 1979. – 423 с. – С. 158-213.

296. Фридлиндер, Г. М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век» / Г. М. Фридлиндер. – СПб.: Наука, 1995. – 524 с.

297. Хазагеров, Г. Г., Лобанов, И. Б. Основы теории литературы: учебник / Г. Г. Хазагеров, И. Б. Лобанов. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – (Высшее образование). – 316 с.

298. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 1999. – 373 с.

299. Хоружий, С. С. Эсхатология. [Электронный ресурс] / С. С. Хоружий. – Режим доступа: http://azbyka.ru/dictionary/01/horuzhiy_k_fenomenologii_askezy_08-all.shtml

300. Христов, Б. К. К полемике Ф. М. Достоевского с Л. Н. Толстым по так называемому «восточному вопросу» и вопросу об освобождении Болгарии / Б. К. Христов // Литература и история: освободительная война 1877 – 1878 годов и болгарская литература: статьи болгарских литературоведов: пер. с болг. / сост.: Х. Дудевский, Т. Жечев. – М.: Худ. лит., 1979. – 366 с. – С. 141–174.

301. Червинскене, Е. П. Внутреннее единство и системность творчества писателя. Ф. М. Достоевский. Л. Н. Толстой. А. П. Чехов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Е. П. Червинскене. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1980. – 33 с.

302. Чирков, Н.М. О стиле Достоевского / Н.М. Чирков. – М.: Наука, 1967. – 303 с.

303. Чичерин, А. В. Лев Толстой в начале пути: комментарии // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22-х томах. – Т. I. Детство. Отрочество. Юность / Коммент. А. В. Чичерина. – М.: Худ. лит., 1978. – 422 с. – С. 335.

304. Чудаков, А. П. Слово – вещь – мир: От Пушкина до Толстого: Очерки поэтики русских классиков / А. П. Чудаков. – М.: Современный писатель, 1992. – 320 с.

305. Шаваринская, С. Р. Гений – явление духовное (к вопросу о религиозной полемике Ф.М. Достоевского с Л.Н. Толстым) / С. Р. Шаваринская // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. статей / науч. ред. Ю. В. Лебедев; отв. ред. А. К. Котлов. – Кострома: КГУ им. Некрасова, 2014. – 227 с. – С. 117- 121.

306. Шаваринская, С. Р. О единстве образных систем романов «Подросток» Ф. М. Достоевского и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого в религиозно-нравственной сфере / С. Р. Шаваринская // Вестник Костромского

государственного университета им. Некрасова. – 2015. – Т.21. – № 3. – С. 86 – 90.

307. Шевцова, Д. М. Функционирование библейских эпитафий в художественной структуре романов Л. Н. Толстого ("Анна Каренина", "Воскресение") и Ф. М. Достоевского ("Братья Карамазовы") : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Д. М. Шевцова; Нижегород. гос. пед. ун-т. – Нижний Новгород, 1997. – 19 с.

308. Шестов, Лев Пророческий дар: К 25-летию смерти Ф. М. Достоевского. [Электронный ресурс] / Лев Шестов. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/shestov/dostoev.html>

309. Шифман, А. И. Достоевский в споре с Толстым / А. И. Шифман // Искусство слова: Сборник статей. – М.: Наука, 1973. – 363 с. – С.223-231.

310. Шкуринов, П. С. Отношение к позитивизму Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого / П. С. Шкуринов // Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 416 с.

311. Шлейермахер, Фр. Герменевтика / Фр. Шлейермахер. – СПб.: Европейский дом, 2004. – 241 с.

312. Шмелев, В. Д. Философско-теологическая концепция Л. Н. Толстого / В. Д. Шмелев // Известия Уральского государственного университета. — 2004. — № 32. — С. 149-156.

313. Шовина, Е. Н. Осмысление представлений о бессмертии в русской религиозной философии конца XIX века : Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Л.Н. Толстой : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Е. Н. Шовина; Мурман. гос. техн. ун-т. – Мурманск, 2007. – 22 с.

314. Щенников, Г. К. Достоевский и русский реализм / Г. К. Щенников. – Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1987. – 350 с.

315. Щенников, Г. К. Художественное мышление Ф. М. Достоевского / Г. К. Щенников. – Свердловск: СредУрал. кн. изд-во, 1978. – 176 с.

316. Щерба, Л. В. Восточно-лужицкое наречие / Л. В. Щерба. – Пг.: Београд, 1914. – Т. 1. – 387 с.

317. Щирова, И. А., Гончарова, Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.

318. Эйхенбаум, Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы / Б. М. Эйхенбаум. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 296 с.

319. Эйхенбаум, Б. М. Лев Толстой: В 2 кн. / Б. М. Эйхенбаум. – Л.; М.: Огиз – Гос. изд-во худож. лит., 1928–1931.

320. Эйхенбаум, Б. М. О прозе: сборник статей / Б. М. Эйхенбаум. – Л.: Худ. лит., 1969. – 504 с.

321. Эрн, В. Ф. Толстой против Толстого [Электронный ресурс] / В. Ф. Эрн // Сборник второй. О религии Льва Толстого. – М.: Путь, 1912. – С. 214–248. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/ort/ort3214-.htm>

322. Яблочков, Михаил. История дворянского сословия в России / М. Яблочков. – СПб.: Типография А. М. Котомина, 1876. – 680 с.

323. Якубович, И. Д. Достоевский в религиозно-философских и эстетических воззрениях А. Волынского / И. Д. Якубович // Достоевский. Материалы и исследования. Т.15. – СПб.: Наука, 2000. – 492 с. – С. 67-89.

324. Якунина, А. Э. Ф. М. Достоевский и русское литературное движение 80-х годов XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. Э. Якунина; МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – М., 1982. – 17 с.

325. Belknap, R. L. Dostoevsky / R.L. Belknap // Handbook of Russian Literature / Edited by Victor Terras. – New Haven / London, 1985. – P. 106.

326. Berlin, Isaiah. The Hedgehog and the Fox. An Essay on Tolstoy's View of History. New York, 1953. – 96 p.

327. Deborah, A. Martinsen “Dostoevsky’s Journal of a Writer: Journal of the 1870s,” *Literary Journals*, 150–68.

328. Frank, J. Dostoevsky: The Mantle of the Prophet, 1871–1881. – Princeton/Oxford, 2002. – P. 172.

329. Sewall B. R. The Tragic World of the Karamazovs // Tragic themes in Western literature. – London: Yale University Press, 1977. – P. 102-127.

340. Steiner, George Tolstoy or Dostoevsky: An Essay in Contrast, Faber and Faber / George Steiner – 1960.

3. Справочная литература

341. Водовозов, Н. Ламенне / Н. Водовозов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, Прачешный пер., № 6, 1896. – Т. XVII. – 482 с. – С. 297-299.

342. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н.Николюкин; Институт научн. Информации по общественным наукам РАН. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.

343. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, Н. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

344. Поэтика: слов, актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

345. Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина / В. В. Сапов. – М.: Республика, 1995. – 655 с.

346. Русские писатели XI–XX веков. Биографический словарь. Т. 1–5. – М.: Большая российская энциклопедия, 1989–2007.

347. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.

348. Современный словарь-справочник по литературе / сост. и научн. ред. С. И. Кормилов. – М.: Олимп: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 704 с.

349. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.

Список иллюстративного материала

Таблица 1. Слова «порода» и «семейство» в романах «Анна Каренина» и «Подросток».....	с. 84
Таблица 2. «Сколько сердец, столько родов любви» или полиморфия любви в романе «Анна Каренина»	с. 111
Таблица 3. Словоформы с отрицательным эмоциональным зарядом в романах «Подросток» и «Анна Каренина».....	с. 119
Таблица 4. Слова «честь» и «честность» в романах «Подросток» и «Анна Каренина».....	с.143
Таблица 5. Многоаспектность военной проблематики.....	с. 164